

18+

Александр Фёдорович
Никонов

Я иду к тебе, сынок!

Александр Никонов
Я иду к тебе, сынок!

«Издательские решения»

Никонов А. Ф.

Я иду к тебе, сынок! / А. Ф. Никонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748668-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Роман о тяжёлой судьбе женщины, которая в детстве потеряла родителей. Главная героиня романа — Мария Святкина. Одинокая мать узнаёт, что в конце 1994 года её единственный сын, Саша, едет военным эшелоном на Кавказ, где уже разворачиваются тревожные события, и решает ехать к нему, чтобы уберечь его от гибели. Друзья и сослуживцы собирают для неё деньги. А скоро начинаются и боевые действия в Грозном. Она срочно выезжает на Кавказ. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-748668-6

© Никонов А. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Я иду к тебе, сынок!

Александр Фёдорович Никонов

© Александр Фёдорович Никонов, 2021

ISBN 978-5-4474-8668-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

– Эй, Машуня, ты где? – донёлся приглушённый женский голос из ванной комнаты.

Низенькая женщина, на вид лет сорока, с осветлёнными короткими волосами, ещё стройная для своего возраста, в это время хозяйничала на кухне, жаря картошку и нарезая на старой разделочной доске лук.

– Ну, чего тебе ещё? – откликнулась она, смахивая со щёк луковые слезы и вытирая об жёлтый, с синими цветочками фартук руки.

– Ногу подай!

– Ноги с собой носить надо! – весело ответила Маша.

Она заглянула за дверь кухни, постучала в ванную и, когда дверь приоткрылась, просунула в щель ключку с ручкой в виде ящерицы. Спросила:

– Тебе помочь?

– Сама вылезу, не калека пока.

– Как же не калека, когда с третьей ногой ходишь!

– Отвали, а! А то вот врежу между глаз, так третий у тебя вырастет.

– Невежа и грубиянка! – незлобиво ответила Маша.

Она закрыла дверь на кухню, дорезала лук, бросила его в сковородку.

Галина была самой верной и самой дорогой подругой, с которой её скрутила судьбинushка ещё в детском доме. Да скрутила в такой жгут, что расплести его не было по силам никому. Она дневала и ночевала у Маши иногда неделями, спасаясь от своей непутёвой жизни, одиночества и тоски, которые преследовали её, если верить её же словам, как львица лань, всю жизнь. Галина жила в общежитии кондитерской фабрики, где она работала, а тут, как она сама шутила, ей подвернулась возможность пожить на халяву у своей подруги подольше, потому что неделю назад она поскользнулась по дороге на работу и подвернула ногу.

Маша слышала, как та прошлёпала из ванной в комнату, что-то бурча под нос. И тут у входной двери раздалась трель электронного соловья. Маша услышала стук ключки по деревянному полу и то же бурчание под нос. А потом крик Галины:

– Машуня, тебя тут просят! – В последнем её слове звучала явная издевка.

– Ну, если только просят, – отозвалась Маша.

Она выключила газовую плиту, перемешала жареную картошку, накрыла сковороду крышкой и вышла в прихожую. Галина стояла тут же и, подбоченясь, смотрела на гостя. Маша укоризненно взглянула на Галину и нахмурила брови. Та демонстративно отвернулась и, вихляя крупным задом, ушла в комнату.

Маша, увидев посетителя, с укоризной протянула:

– Опять ты. Что, снова не хватило?

Мужчина лет пятидесяти бомжеватого типа, заросший рыжеватыми курчавыми волосами по самые ноздри, укоризненно вскинул на хозяйку свои карие глаза.

– Маша, ты меня обижаешь, – с хрипотцой ответил он. – Разве я побираюсь? Просто, когда мне предлагают, я никогда не отказываюсь, чтобы не обижать хороших людей.

Маша скрестила руки на груди и вздохнула:

– Чего же тебе надо?

– Помнишь, Машуня, калякчик насчёт видика?

– Знаю я, какой тебе видик нужен. Это тебе к ней обращаться надо. – Она показала пальцем на зал, где скрылась подруга.

– Да нет, я серьёзно. – Мужчина прижал ладони к груди. – Ну, помнишь, ты говорила, что видеоманитофон загнать хочешь.

Маша засмеялась одним ртом, без звука, потом спросила:

– Что, навариться хочешь? Проценты?

– Какие проценты, Машуня? – Мужик распахнул глаза, отчего карие кружки оказались как бы плавающими в топлёном молоке.

– Не гони дуру, – покачала головой Маша. – Короче, Гоша, что ты будешь с этого иметь?

– Два процента.

– Не густо. А мне?

Гоша оживился:

– Твои твёрдые, в зелёных.

– Ну-ну, не мути, Гоша!

– Твои верные двести двадцать.

– Чистые?

– Ага.

– Заходи. Эй, болезная! – крикнула Маша, – ковыляй на кухню, будем есть первый хлеб со вторым.

Гоша быстро разделся и стал благодарить:

– Ну, спаси...

– Брось, Гошка, а то выгоню.

– Понял, понял. – Рыжий, подняв руки вверх и проходя на кухню, поздоровался с Галиной: – Привет телохранителю!

Та пошла на него грудью:

– Я тебе щас дам телохранителя. Сколько раз я тебе говорила, что я её душехранитель, понял? От таких, как ты вот, прохвостов. Понял?

– Да бросьте вы собачиться, – укоризненно произнесла Маша, – ну никогда друг другу не уступят! И что это на вас находит: как не видятся, так чуть не стонут, как соберутся вместе – лаяться начинают.

– Так это у нас ритуал такой, как у козлов перед брачными играми – сначала рогами постукаться. Ну и подруга у тебя, Машуня! – усмехнулся Гоша, садясь на табуретку.

Галина будто этого и ждала, она гневно встряхнула своей чалмой из полотенца и взвизгнула:

– Не подруга, а сестра! Понял? Мы с ней сестры по жизни, вместе одну каторгу в детдоме отбывали. Понял?

– Да ладно тебе, Галюня, ну чего ты, – взмолился Гоша и потёр руки. – Машуня, я компот не пью, у тебя есть что-нибудь посущественнее?

– «Зубровка» подойдёт?

Гоша скорчил недовольную рожу.

– Ну, тогда можешь скovyриваться отсюда, – угрожающе сказала Маша.

– Да ладно, ладно, пойдет, – замахал Гоша руками. – Как говорить: на безрыбье и рак рыба.

Все выпили, закусили солеными огурцами и картошкой. Гоша воссиял, помотал головой:

– И за что её любят татары! Ну, девочки, давай ещё по одной!

– А почему татары-то? – снова встряла Галина.

– Ну... Это прическазка такая.

Маша тихо заговорила:

– А у нас в детдоме всякие были: и татары, и украинцы, и таджики...

– И узбеки, и казахи... – подхватил Гоша.

– Да, и узбеки, и казахи, – повысила голос Маша. – Но и хороших, и сволочей среди всяких хватало. Тебе смешно, а ты вот сам какой национальности?

Гоша заржал, похлопывая по коленям изнеженными руками.

– А я – ин-тер-на-ци-о-нал! Ну, подумайте сами, мать у меня полуирландка, отец – метис: бабушка, по родословной, француженка, была замужем сначала за испанцем, потом за русским, а сам я говорю по-русски и ни хрена ни бельмеса не понимаю ни по-испански, ни по-французски, ни по-ирландски. Ну и кто же я такой, а?

– Да, кровей в тебе намешано, как отходов в канализации, – с усмешкой протянула Маша.

– Бомж ты, вот ты кто по своей национальности! – ввернула Галина и на всякий случай приготовилась к прыжку со стула. Но то, чего она ожидала, не произошло. Размягченный спиртным, Гоша на её выпад не отреагировал, он развалился на стуле, опираясь одной рукой об спинку, степенно закурил и благодушно проворковал:

– Ну и что, что бомж. Да, у меня нет ни квартиры, ни постоянной работы, кручусь, где хочу, как хочу и сколько хочу, и никто мне не указ. Это, если хотите знать, – образ жизни. Поняла, Галюня? Каждому – своё. – При монологе Гоша не забыл протянуть свои толстые волосатые пальцы к бутылке. – У каждого человека своя натура, свой характер, свои склонности и привычки, а значит, и своё внутреннее убеждение. По этому убеждению он и живёт. – Гоша успел опрокинуть ещё одну рюмку. – Вот ты, например, Галюня, залезла на свою кондитерскую фабрику и рада. Так ведь?

– А причем тут моя кондитерская фабрика? – неохотно откликнулась Галина, явно заинтересованная разговором.

– А-а, то-то и оно! А в строители ты бы пошла? – неожиданно спросил Гоша, не забыв отправить в рот очередной глоток «Зубровки».

– Ну, вот ещё! – возмутилась Галина. – Чего я там забыла!

– Вот и я говорю, – согласился Гоша, – душенька твоя нашла, что ей необходимо. А ведь в молодости ты чего только не перепробовала: и в библиотеке работала, и на закройщицу училась, и секретаршей была у какого-то завмага.

– Чудик ты, Гоша, – всплеснула руками Галина. – Причём здесь душа? Рыба ищет, где глубже...

– Так то рыба, а ты человек, и выбирала, наверно, не только зарплату да тёплое местечко.

– Не только, ещё я конфеты люблю, – с вызовом ответила Галина. – Потому что в свои годы я их не доела. Ну, допустим, ты прав. А что же твоя душенька место в этой поганой жизни лучше не подыскала?

– Кто это тебе сказал? – удивился Гоша. – Мою душу нельзя загнать в клетку или заколотить в ящик, а потом выпускать её оттуда по чьёму-то желанию. Нет, шалишь, брат! – Гоша снова налил в свою рюмку и, не дожидаясь, выпил. Крякнув, он продолжал: – Моя душа, как птица, она любит свободу, а то, чем я зарабатываю для поддержания её вместиллица – моего брэнного тела, это уже другой вопрос. И, заметьте, я этим доволен. А разве это не самое главное – быть довольным своей жизнью? Так что у меня все по кодексу строителей коммунизма.

Гоша опрокинул последнюю стопку, стукнул ею по столу и встал.

– Вот так, дорогие мои девчонки! Спасибо за приют да ласку.

Маша с удивлением покрутила в руках пустую бутылку и закричала:

– Ах ты, прохвост, это ты для этого нам мозги пудрил? Смотри, Галюньчик, он нам ничего не оставил. Сидели перед ним, как вороны, раскрыв рот, а он...

Она шутливо замахнулась на Гошу, тот прикрыл голову руками и закричал:

– Маша, ты же добрая и жадная! Не будешь же ты меня убивать, а потом хоронить за свой счёт! Ну, так как, я договариваюсь насчет твоего видика?

Маша задумалась, а потом помотала головой:

– Я ещё подумаю, Гоша. Цены сейчас, как скаковые лошади. Вот продам тебе, а потом буду кусать свои красивые локотки. Нет, я ещё подумаю. Моему Сашке полгода осталось служить, вот придёт, а я ему – сюрприз. Он давно о видике мечтал.

Гоша натянул на голову шапку – пидарку, надел зелёную, с синей полосой по поясу, куртку и взялся за ручку двери:

– Зря ты, моя молодая, красивая старушка, хороший навар бы был. Учти, зелёные никогда не обесценятся, хоть весь мир будет вверх тормашками. Ну, ладно, я пошёл, если что – найдёшь. Пока.

2

Когда Гоша ушел, подружки устроились у телевизора на диване. Шли новости. Маша смотрела на них вполглаза. Зная, что Галка иногда встречалась с этим рыжим чудачком, спросила:

– Как у тебя с ним?

– С кем?

– Ладно тебе дурочку-то включать! – рассердилась Маша.

– Да ну его, пристал, как банный лист, – заворчала Галина. – Будто и мужик хороший, а живёт, как перекасти-поле. Что ж мне, так и кататься за ним следом! Ты гляди, Машка, что бандюки-то вытворяют! – охала Галина, не отрывая глаз от экрана. – Вот сволочи! Надо же, головы отрубуют и выставляют перед народом! Как кушать на стол подают. Вот изверги-то! Мало их наш незабвенный Иосиф Виссарионыч учил, абреки ё...! Свободу дали, вот они и свободят!

Маша сидела, тупо глядя на экран и прислушиваясь к чему-то в себе. От криков Галины она будто очнулась и тяжело вздохнула:

– Что-то беспокойно у меня на душе, Галка.

– Что так? Вроде всё нормально, – встрепнулась Галина. – На работе что?

– Да причем тут работа, чтоб она провалилась в тартарары! – Маша потёрла левую грудь. – О Сашке беспокоюсь. В последнеё время письма какие-то странные от него приходят. Понимаешь, на одну колодку: здравствуй, не беспокойся, всё хорошо, кормят до отвалу, и всё.

– Ну а о чём же ему ещё писать, живёт там, как у Христа за пазухой: подъём, завтрак, занятия, обед, строевая, ужин, телевизор, отбой. Красота, как на курорте! – Она взглянула на подругу, а потом показала пальцем на телевизор. – А это он, проклятый, во всём виноват! Насмотришься – как будто на войне побывал!

Галина выключила телевизор и, ковыляя, сходила на кухню, забыв свой подожок. Хромая, притащила бутылку сухого вина, два бокала и плюхнулась на диван. Разлила, всунула бокал в руку Маши.

– Ну, давай по одной, подружка. За Сашку твоёго выпьем, чтобы, значит, живой, здоровый и вовремя.

Маша и не собиралась отказываться, за сына она могла бы и серную кислоту выпить. После сухача Галина защebetала ещё сильнее:

– Ты знаешь, у одной моей знакомой муж в ментовке работает, так вот она рассказывала, что сверху им указание пришло: всех чеченцев выловить и засадить в кутузку. Сначала их из всех гостиниц повыгоняли, потом на рынке стали ловить...

Под разглагольствование подружки, которое так нравилось ей, Маша вдруг вспомнила своих родителей. Мать была широкоскулой, розовощёкой сибирячкой, которая невесть как залетела в Поволжье, и так же быстро, как только она умела ладить все дела, нашла себе завидного мужика – шофёра мукомольного предприятия. Видно, была она женщиной практичной, потому что не обращала внимания ни на невысокий рост своего избранника, ни на его некачественность и некрасивость, ни на его привычку во время застолий залезать рукой в её интимные места. Впрочем, отец делал это так, что его действия казались больше намерениями. Мать хихикала, а гости лишь посмеивались и смущённо опускали глаза.

Каждый вечер отец подгонял свою старую, потрепанную машину, на которой возили, наверное, ещё восставших красногвардейцев, к воротам дома, и мать выметала из кузова по сумке-две мучнистой пыли, комбикорма или зерна. Потом отец придумал приспособление:

вместо железного инструментального ящика под кузовом он сколотил деревянный, в который во время перевозки из заранее просверленной дырки натекало килограммов по двадцать груза.

Зерно они накапливали и возили молот в далекую деревню, где каким-то чудом сохранилась мельница-ветрянка. Её не разрушили ни коллективизация, ни голод тридцатых годов, ни война, ни другие лихолетья, и туда везли на помол зерно со всей округи. А старый мельник, который, поговаривали, начал работать на ней ещё до революции, терпеливо ждал ветра, а потом, послунявив палец, поднимал его вверх и говорил: «Ну, скоро полетит моя ласточка. Готовьтесь давай».

Комбикорм и мучка шли на корм скотине, которой они держали полон двор. Нищенская зарплата отца оправдывалась с лихвой, и родители никогда ни в чём не знали нужды. Когда родилась Машенька, мать уволилась из райпотребсоза, где она целыми днями гнула спину за триста тридцать дореформенных рублей, и стала заниматься домашним хозяйством.

Жили родители слаженно, дружно и добро, и дом их, который они построили за два лета из осинового сплава, вынесенного на берег волнами только что образующегося водохранилища, всегда был полон гостей. Семья их строилась на взаимопонимании и расчёте, да они и не скрывали, что в их возрасте было бы глупо говорить о любви. Всякий, кто их знал, не мог понять, как можно жить так ладно на одной согласии и без любви. Другие годами миловались, прежде чем сыграть свадьбу, а через год их уже не узнать: грызутся, как кошка с собакой. Когда об этом заходил разговор, мать отвечала: «А что мы знаем о любви-то! Она поодиночке не бывает. Это как спичка с коробкой: пока трется – горят, а как отсыреют – в помойку».

Машеньке было восемь, когда отец вдруг занемог. До этого к нему ни одна болячка не приставала, а тут вдруг сразу слёг. Врачи недоумевали – ни температуры, ни других симптомов болезни они не находили, лишь на левом боку образовалась кровяная шишка. В то время в глубинке рентгеновских аппаратов ещё не было, а когда додумались направить отца на обследование в областную больницу, он вдруг скончался. Причина оказалось настолько неожиданной, насколько и банальной: крохотный осколочек от старой раны в бок, полученной им на фронте, попал в вену и по ней в сердце.

Мать без отца продержалась лишь полгода. После похорон у неё вдруг исчез румянец со щек, скулы заострились. Слез на её глазах никто не видел, но всем казалось, что она постоянно плачет. Хозяйство она не запускала до последнего дня, но сама сохла, как сентябрьские цветы в палисаднике. Перед смертью она куда-то сбегала, потом соседи говорили, что в церковь, взяла Машеньку на руки, гладила её по светлым волосикам и постоянно умиротворенно приговаривала: «Бедная наша доченька, сиротинушка ты наша, вот и отвоёвалась твоя мамка». Так и говорила – «наша», будто она и не оставалась без мужа, будто до сих пор жила с ним и никогда не расставалась. Вот вам и любовь!

Умерла мама в октябре. Маша кричала над мёртвым телом всю ночь, пока её кто-то не услышал и не сообщил в милицию. Днём в доме появились какие-то бабки, официальные дяди и тети. Они перетряхивали вещи в комод, в шифоньере, в старом сундуке, переписывали и удивлялись, что на этакое добро не находится наследников. А через два дня Машу увезли в детский дом...

Звон разбитого стекла оторвал Машу от вожжей воспоминаний, которые так и тянули её в прошлое.

– Вот, разбила! – чуть не плача, причитала Галина, поднимая с пола тонкостенный стеклянный бокал с отломившейся ножкой.

– Да хрен с ним, с бокалом! – отчего-то зло ответила Маша. – Тут люди каждый день, как мухи, мрут, мир рушится, а ты о копейной посуде! О, Господи, – застонала она. – Как посмотрю на эту долбаную жизнь, так и хочется взять винтовку, а лучше – автомат, и лупи-ить по этим поганым рокам, которые Россию изувечили. Если б не Сашка...

– А что, при коммуняхках она слаще была, жизнь-то эта? – возразила Галина. – Быстро ты забыла, как тебя по парткомам да комитетам разным таскали: тут не так сделала, как того требует наша родная коммунистическая партия, там не с тем переспала. Вот если бы с самим секретарём парткома – тогда ладно, а с другим – ни-ни. А как за каждой тряпкой очереди километровые выстаивали, тоже забыла? Ну и память у нашего народца-уродца: жрать было нечего, а «уря» кричали; за победу тридцать миллионов уложили, а слава опять же коммунистической партии; в колхозы весь народ загнали, а теперь оттуда никого не вытащишь, потому что халявы не будет! – кипятилась Галина. – Ну что у нас за народ! При коммуняхках демократией бредили, на каждой кухне анекдоты про наших правителей травили, а потом в президенты чуть фашиста не выбрали, сейчас опять по коммунистам заскучали. Как же, давно в лагерях не бывали. А война! Какую войнищу на плечах своих вытащили, до сих пор хребтина болит, и всё равно на митинги со свастикой ходят.

– Да ты чо разошлась-то, Галюня! – перекрыла пар подружке Маша. – Да наплюй ты на всё, живи, как тебе нравится.

– Да ну из всех на х..! – огрызнулась Галина. – Я-то что, я проживу как-нибудь, за державу обидно.

– Все это правильно, Галюня, дерьма при любой власти хватает, но всё-таки раньше было спокойнее. Вспомни-ка, как мы с тобой до утра по улицам гуляли, и никто нас не трогал. А теперь на улицу страшно выйти.

Галина решительно встала, опираясь на свою деревянную ногу:

– Ну, ладно, мать, ты тут хандри, а я в свою халупу пойду. Завтра, может, загляну вечером.

– Может, останешься? Поболтаем ещё. Куда ты с такой ногой, поскользнёшься – и другую сломаешь, – попробовала остановить её Маша, хотя и знала, что если подруга что-то решила, то её и танком не остановить.

И Галина укувыляла, оставив в пустой квартире запах своих любимых крепких духов и неподвижность не сотрясаемого её сильным голосом воздуха.

3

С утра пошёл дождь, холодный, с леденцой, который тут же покрывал толстой коркой всё вокруг: асфальт, людей, деревья, машины. Листья клёнов и тополей звенели на ветру своими обледенелыми листьями, а улицы напоминали предпраздничный каток; автомобили, ослепленные ледяной пеленой, притуливались у тротуаров, и водители пальцами отскребали ото льда ветровые стёкла.

Какой-то сердобольный милиционер предупреждал по громкоговорителю из стоящей на разделительной полосе машины, чтобы прохожие вели себя осторожно на обледенелых пешеходных переходах. Маша оказалась как раз около УАЗика, когда милиционер в очередной раз заорал:

– Граждане пешеходы, берегите свои кости – собирать их будет некому, потому что все больницы переполнены!

От усиленного мегафоном звука Маша вздрогнула и кулачком погрозила ухмыляющемуся через окно сержанту. Тот с озорством смотрел на неё и хохотал, а она вдруг подумала, что, видно, она выглядит ещё ничего, если на неё обращают внимание молодые сержанты. И после этой случайной сценки у неё сразу поднялось настроение, и в здание она вошла с легкой улыбкой и сияющими глазами на лице.

В тире, в котором одновременно размещался и спортивный клуб, Маша работала уже двадцатый год, с тех самых пор, когда она не попала на очередные всесоюзные стрельбы, окончательно распрощавшись с мечтой получить мастера спорта международного класса. До этого ей довелось пройти по всем ступенькам и отведать славы чемпиона России и СССР в личном и командном первенствах, сначала в молодёжной сборной, а потом и во взрослом статусе.

Не раз участвовала в международных соревнованиях, но выше четвёртого места так и не поднялась.

Стрелком-винтовочником она быть и не мечтала. Все, как всегда, определил случай. Однажды в их детский дом приехал передвижной тир. Это мероприятие организовал недавно назначенный директор детского дома, большой любитель охоты и считавший, что любой человек должен владеть оружием и уметь метко стрелять. Каждому воспитаннику давали по десять двухкопеечных пульек за счёт детского заведения. Попробовала пострелять и Маша. Она испытала огромное разочарование, когда не попала ни в одну мишень. Казалось бы, чего проще – свести прицел и мушку с мишенью и плавно нажать на курок. Но ни одна пулька не попала в цель. Маша злилась на себя, на оружие, а потом и вовсе расплакалась, когда кто-то из малышей поразил две мишени.

Когда страсти вокруг тира поутихли и все ребята разошлись, Маша подошла к немолодому мужчине лет пятидесяти, который обслуживал тир, и робко попросила его:

– Дяденька, а можно ещё пострелять.

Мужчина внимательно посмотрел на девочку сквозь очки и молча отсыпал ей с десяток пульек. Воздушка так и прыгала в руках Маши, как будто сердечко её находилось не в груди, а в маленьких кулачках, сжимающих винтовку. Первый выстрел – промах, второй – снова промах. На её плечо легла мягкая ладонь. Маша повернулась.

– Тебя как зовут, дочка?

– Маша.

– Машенька, значит. А меня Василий Петрович, – представился он и почему-то пожевал губами, а потом улыбнулся ей одними глазами. – Можешь называть меня просто дядя Вася. Годится?

– Годится, – смело, в тон ему, отозвалась Маша.

И оба засмеялись. А потом дядя Вася долго втолковывал ей премудрости стрельбы:

– Оружие сильно не сжимай, клади на левую руку, а правой тихонечко придерживай и держи палец на спусковом крючке. Дёргать за него не надо, он лёгкий, нажимай на него плавно, без напряжения. Левый глаз не зажмуривай, а просто прикрывай, а то от перенапряжения тик начнётся. Целься под обрез, вот так. Когда совместишь прицел, мушку и мишень, затаи дыхание и спускай курок. Только долго не целься, а то устанешь и собьёшь дыхание. Поняла?

Маша выбрала кружок побольше и выстрелила – мимо. Но потом она «убила» медведя, зайца, тетерева и лисицу. Дядя Вася наблюдал за Машей молча, покуривая папиросу. А девочку уже манили другие цели. Василий Петрович словно понял это.

– Погоди-ка, – остановил он её. – Подними ствол вверх.

Он подошёл к стенду, достал из металлического ящика свечку, зажёг её и вставил в трубочку.

– Ну-ка, попробуй потушить, – предложил он.

С первого выстрела огонёк лишь моргнул, но не погас.

– Целься не в пламя, – поучал Василий Петрович, – а чуть пониже, в фитиль. Пулька пролетает сквозь пламя, а если ты попадешь в ниточку, огонёк и погаснет. Ну, давай.

Маша потушила свечку со второго раза.

Василий Петрович приезжал в детский дом каждую неделю. За это время Маша приоровилась стрелять так метко, что неподвижные мишени её уже не интересовали. И снова дядя Вася увидел, что в глазах девочки потух огонёк стремления. Однажды он подвесил металлический колокольчик и спросил:

– Попадёшь?

После выстрела колокольчик звякнул и стал качаться маятником. Дядя Вася спросил, прищурив глаза:

– А теперь?

Маша молча прицелилась и выстрелила несколько раз, но так и не попала.

– Разве можно попасть, когда он качается! – разозлилась Маша.

Дядя Вася ответил:

– Конечно, можно. Дай-ка. – Он взял у неё винтовку и выстрелил, почти не целясь. Колокольчик подпрыгнул и сильно закачался. Маша удивлённо распахнула глаза.

– Как это?

– Всё трудное на самом деле оказывается простым, – довольно ответил дядя Вася, закуривая очередную беломорину. – Лови амплитуду, справа или слева – всё равно. Поймала? А теперь стреляй.

Маша радовалась этому выстрелу, как первой своей кукле, которую когда-то ей сделала мама из соломы и обрядила в пёстрые лоскутки.

– Получилось, получилось! – прыгала она вокруг своего наставника.

Дядя Вася довольно улыбался, не столько, по-видимому, своим педагогическим способностям, сколько удаче своей ученицы. Он снова взял у неё воздушку.

– Ну, это ещё чего! А теперь попробуй стрелять на опережение или замедление. Попробуй поймать качающийся колокольчик в центре. Делается это так: устанавливаешь прицел на центр качания, рассчитывай время, которое преодолевает мишень от правой или левой точки до центра, и бей немного раньше. Смотри, как это делается. Да ты не так смотри, а возьми другую винтовку и тоже целясь и слушай звук выстрела.

Первый же выстрел дяди Васи заставил колокольчик почти остановиться. Маша аж задохнулась от зависти, она долго молчала, а потом покачала головой:

– Так я никогда не смогу!

– Ну, уж сразу и не смогу! А ты попробуй.

Лишь на девятой пульке Маша попала в колокольчик, но на этот раз радость её была не такой бурной, оно словно ждала этой маленькой победы, и вместо радости она ощутила в груди лишь усталость и опустошение.

А Василий Петрович закурил очередную свою папиросу и сказал:

– Я ведь, доска, тоже стрелком не сразу родился. До войны в егерях служил. Знаешь, что это такое? Нет? Ну, это лесной охотник, чтобы тебе понятнее было. До войны все стреляли, даже нормы сдавали на ворошиловских стрелков, ну и нас заставляли отстреливаться раз в полгода. Поэтому, как на фронт попал, меня сразу и определили в снайперы.

– А я книжку про снайперов читала, про женщину. Здорово она фашистов стреляла! – перебила его Маша.

– В книжках пишут много интересного и поучительного, но правды ты там не найдешь, дочка. Правда она всегда страшная, и тебе её знать не обязательно, так я думаю. Но про одну историю расскажу. Однажды на передовой фашист убил пятерых. Комбат тогда рассвирепел, вызвал меня и приказывает: «Или ты прикончишь этого го..., ну, в общем, фашиста, или я тебя самого под его пулю поставлю!» Что делать, приказ есть приказ, обсуждать его нельзя. Ну, я еле выпросил два дня.

Замаскировался этот фашист так, что его все наблюдатели не могли засечь – я его аж прямо зауважал. А за неделю до этого сильный бой был, наши позицию оставили, а на поле три или четыре танка остались. Ночью он, конечно, не стрелял – темно, да и боялся, что его засекут. И вот я вижу, что возле одного танка, вроде, дымок закурился. Я в прицел пригляделся – так и есть, из дыры в башне торчит ствол винтовки. Ага, думаю, вот ты и попался, голубчик! А тут сообщают, что ещё одного нашего бойца ранило – все тот же снайпер, гад. Ну, я три пульки в эту самую дыру и пустил, а для верности попросил, чтобы в эту башенку пару бронебойных всадили.

Сделали всё, как полагается, башню аж набок свернуло. А у меня на душе как кошки скребут, чую, что тут что-то неладно – уж больно всё просто получилось. И точно, на следу-

ющий день он, сволочь, словно в насмешку, нашу кухонную лошадь пристрелил, с намёком, видать – мол, впрягайтесь теперь в свою кухню сами. А меня срок поджигает – осталась всего одна ночь. Если я к тому времени этого фрица не уберу, точно – расстреляет меня комбат! Что делать, думаю, поползу на нейтральную полосу, поищу его там. Я был уверен, что он замаскировался где-то на нейтральной полосе, потому что до немецких окопов было слишком далеко, чтобы прицельный огонь вести.

Когда стемнело, я прихватил штык, пистолет, который выпросил у разведчиков, и пополз. Наметил ориентир, чтобы не заблудиться – большую кучу навоза, которую, видать, вывезли на поле колхозники. Взял чуть правее, чтобы обогнуть её. И вдруг слышу: «Бу-бу, бу-бу». Что за чертовщина! Потихоньку подполз к этой куче навоза – точно, оттуда бубушка доносится. А он, гад, сделал в куче нору, вырыл под ней небольшой окоп и сидит там, под нос что-то бубнит. Ну, кто бы мог подумать, что он своё логово в дерьме устроит. Вот так вот, дочка, – закончил свой рассказ Василий Петрович.

– А что же с немцем? – спросила Маша.

– Ну, этого тебе знать не надо, мала ещё. А вот про хитрость его расскажу. Ведь он чего удумал-то: прикрепил многозарядную винтовку в танке, просунул её в дыру, привязал к курку проволоку, и как только стрельнёт – дерг за проволоку, винтовка тоже стреляет. Впрочем, сделал отвлекающий маневр – ну, будто бы в танке сидит. А я вот живой остался, – вздохнул дядя Вася, – правда, награды не дали: ни медали, ни той, что мне комбат обещал.

– Мой папа тоже на войне был, – тихо сказала Маша, – живой остался, а после войны от осколка умер.

– Война, дочка, это такая противная Баба-Яга, – отозвался дядя Вася, – она ещё долго пакостить будет. А ты хорошо стреляешь, у тебя есть способности. – Василий Петрович положил на плечо девочки руку. – Хочешь заниматься стрельбой?

Маша молча смотрела на него, не зная, что ответить. А дядя Вася нажимал:

– Я схожу к директору, попрошу, чтобы он отпускал тебя раза два в неделю на тренировки в город. Ну, как?

Город, свобода, новые люди, кинотеатры, мороженое! Кто из детдомовцев не мечтал погулять по городу без надзирательства, без надоевшего строя, а просто сам по себе. Это и разрушило все колебания Маши, с этого и началась Машина спортивная карьера.

4

В тире было холодно. Власти топили плохо, потому что бросали в топки котлов не уголь и газ, а ассигнации, которых с каждым днём становилось всё больше и больше, а их покупательная способность – ниже ниже. За кучу угля нужно было заплатить грузовик денег, которых было много и у кого угодно, только не у властей.

Маша положила руку на чугунную батарею – та еле теплилась, но грела. «Значит, не умрём», – подумала она и прошла в свою конуру на втором этаже пристроя, мельком взглянув на окованную железом дверь оружейки – замки и пломбы были на месте. Из другого конца коридора прихрамал дюжий старичок, открыл дверь и через порог, не поздоровавшись, спросил:

– Мария, мне идтить-то можно?

– Иди, дядь Петь, отдыхай. Как тут, никто, ничего, не озоровал?

– Не-е, счас, слава Богу, милицейские несколько раз за ночь приезжают. Да и мне не спится, у стариков жизнь длинная, а сон короткий. Ну, пойду я, бывай здорова, дочка. Как сынок-то, пишет? – снова высунулся в дверной проём старик.

– Пишет, только редко да бестолково.

– У молодых оно так: ногами бы хоть куда убежал, а умишком лентяя. Ну, я пойду, пожалуй. Старуха, наверно, печь натопила, греться буду. Что-то назябся я за ночь.

Маша любила приходить на работу пораньше, привычка выработалась с тех пор, когда она водила Сашку в садик, а потом и в школу. За час до прихода своих немногочисленных сотрудников она успевала прибрать на столе, проверить оружейку, вскипятить воду для кофе и посмотретья в зеркало. А что, она ещё ничего! Ей ещё никто не даёт больше сорока, хотя хвостик-то уже приличный вырос.

Приготовив и выпив кофе, она включила приемник:

– ...совет безопасности Российской Федерации принял решение о вводе войск на территорию Чеченской республики для разоружения незаконных воинских формирований и восстановления конституционного строя...

В этот момент выстрелом хлопнула входная дверь, а Маша непроизвольно вскрикнула:

– Господи, Сашенька!

Она почувствовала, как в левой стороне груди разлилось тепло, а сердце словно сжало раскалёнными тисками. Крепко прижав обе руки к болючему месту, она медленно опустилась на стул и застонала.

В этом положении её и застал тренер-стендовик Гриша Парятин. Он, как всегда, вошёл, насвистывая «Прощание славянки». Отвратительная, как он сам признавался, привычка осталась у него с флотской службы, где, по его словам, он истрепал в швабры восемь пар ботинок. Гриша пристально поглядел на свою начальницу и, опустив свист с соловьиного до баса, удивлённо спросил:

– Ты чего, старуха?

Но, заметив на её лице бледность и прижатые к груди руки, бросился к графину.

– На-ка вот, глотни морской. Видно, голубушка, ты в девятый вал попала.

Маша выпила воду, кивнула головой в знак благодарности и глубоко и часто задышала.

Немного подождав, Гриша потребовал:

– А теперь рассказывай, что стряслось?

Маша посмотрела на него замутнёнными глазами и тихо сказала:

– Что-то с Сашкой неладно.

– Письмо?

Она помотала головой и постучала кулаком по левой стороне груди.

– Не знаю, может, да, а, может, и нет. Вот оно, моё письмишко. Никогда не верила в эту хреновину: чувства, предчувствия. А тут, как гирей кто хватил. Ты слышал по радио о Чечне?

Гриша заложил руки за спину и широко заходил по кабинету:

– Слыхал, – с вызовом ответил он. – Ну и что из того? Мало ли чего болтают по радио. Ну, поиграют военные кулаками да мускулами и разойдутся. Не будут же свои со своими воевать! Ты, старуха...

– Да брось ты меня старушить, чёрт бы побрал тебя, белобрысого! – В сердцах закричала Маша. – Неужели ты не понимаешь – восстановление конституционного порядка! А мой Сашка в спецназе МВД служит, значит и в Чечню ему прямая дорога. Понял ты!?

Гриша сел, поднял голову, обнажив острый кадык, потом закурил, предложил ей:

– Будешь? Ну, как хочешь, иногда помогает. Надо обсудить... – Чувствовалось, как он проглотил «старуху». – Письма пишет?

– Да какие там письма – одни конверты, а в них одно и то же: жив, здоров, кормят хорошо, чего и вам желаю, – зло ответила Маша.

– Нормально, – задумчиво произнёс Гриша.

– Чего тут нормального? – взвилась Маша

– А что он по-твоему должен писать: как портянки стирает, палубу драит, картошку и галюны чистит, или как боцмана тебя за вихры таскают? Так что ли?

– У них палубы и галюнов нет, – тихо сказала Маша.

– Чего?

– И боцманов тоже нет, – ещё спокойнее добавила Маша.
– А-а, ну тогда порядок, – согласился Гриша и сел на скрипучий стул.
– Что же мне делать, Гриша? – жалобно спросила Маша.
– Ехать надо, мать. – Гриша встал, подошел к форточке и вышелкнул в неё окурок. – Если уж тебя так припекло, всё равно не успокоишься. По себе знаю. Адрес Сашкин знаешь?
– Знаю, знаю. – Маша спохватилась. – Но это же так далеко, в Питере, в Петербурге. Я была у него год назад, нет, уже немного подольше. Жаль, белые ночи тогда не застала. А часть ихняя прямо в центре, у самого Зимнего Дворца, представляешь! Красота! Там ещё атланты стоят, от них через мостик всего двести метров до их казарм. Говорят, там раньше не то Семёновский, не то ещё какой-то полк размещался.

– Нормально, – ответил на её восторги Гриша. – Тогда пиши заявление.

– Какое заявление?

– Ну, что ты на время своего начальственного отсутствия возлагаешь свои обязанности на своего надежного товарища Григория Парятина, ввиду... И так далее. Ты же знаешь.

Маша тут же повисла на могучих плечах Парятина и закричала:

– Гриша, родненький мой, дай я тебя расцелую!

Парятин с улыбкой поднял руки:

– Вот этого не надо, меня после поцелуев, особенно вот таких молоденьких и красивых старушек, начинает штормить. А штормов и авралов я не люблю. Ты пиши, а я сейчас приду.

Когда Парятин со свистом вышел, Маша быстро написала заявление и взялась за телефон.

– Здравствуйте. Фасовочная? Попросите Галину Тихоновну Фильчакову. Галка, ты? Привет. Ты когда на работу вышла? Ага. Давно, давно не виделись. – Она засмеялась. – Слушай, а я к Сашке собралась... Ничего я не сошла. Да чо ты ревёшь-то, дура? Ну, съезжу, повидаясь и – назад... Ну ладно, пару коробок принеси, «Ассорти» и «Птичье молоко», Сашка его любит. Да, слушай, чего я тебе позвонила-то: где мне твоего Гошку найти? А чей же он, мой, что лива? Так... Так... А ещё? Да он что, во всём городе сразу живет? Где? На свалке? Или на рынке? Да ты с ума сошла, я что – по помойкам шариться буду! Ну и бизнес нашёл твой благове... Ну, ладно, ладно, извини. Целую!

Маша положила трубку, посмотрела в замутненное сырым налетом окно: тишина, серость, затхлая, прокуренная комната и пустота. Может быть, от этой серости и пустоты снова защемило сердце. Ах, Сашка, Сашка, сыночек мой родной, ты так далеко от меня, а сердце теребишь, будто рядом. Хотя нет, когда он был дома, сердце даже не ворохалось, разве что иногда, когда набедокурит или задержится где-нибудь. А тут сердце расшалилось, будто его кто за ниточку дергает.

Чёрт, выругалась про себя Маша, неужели этого Гошу придётся искать по всем городским помойкам! Вот дура-то, что сразу этот видик не спланировала, а теперь ищи-свищи этого Гошу. И Гришка куда-то подевался. Ну ладно – переживёт. Она написала заявление об отпуске, подвинула его на середину стола и прижала чашкой с так и недопитым холодным кофе. Прислушалась – в тире кто-то уже был, раздавались щелчки выстрелов. Она закрыла кабинет и вышла на улицу.

– Ну что за погодка чёртова! – выругалась она и бр-р-рыкнула от проникающей под одежду свежести. Всего час назад шёл ледяной дождь, несколько минут назад висела хмарь и сырость, а сейчас, лишь только небо покрылось голубыми проплешинами и между туч стало скакать солнце, природа повеселела, а город ожил.

5

До железнодорожного вокзала Маша добралась на тряском, скрипучем трамвае и, пройдя здание вокзала, устремилась к выходу на перроны. Здесь, по словам Галины, мог находиться её незабвенный Гоша. У широких дверей застекленного перехода, которые безостановочно махали створками, как напуганные птицы крыльями, сидело и стояло несколько рядов попро-

шаек, нищих и бомжей, торговцев пирожками, сигаретами, газетами и прочими товарами, необходимыми в дороге. Она обошла ряды, словно интересуясь товарами, но того, кто ей был нужен, среди этого сброда не оказалось. Да она и не верила, что среди этих опустившихся, пропитых, небритых, одетых в потёртые, засаленные одежды людей мог находиться Гоша.

Решила на всякий случай порасспросить, подошла к трём бомжеватым типам, по её мнению, больше подходившим к друзьям Гоши, которые потягивали из горлышек пиво. Она не знала, как к ним обратиться, и потому напрямую спросила:

– Гошу не видели сегодня?

Один из них – седой, высокий, в коричневом берете на голове – низко поклонился ей и с усмешкой сказал:

– Здравствуйте, сударыня.

Лицо его дышало приветливостью, а глаза излучали ум, и если бы не небритая физиономия и не синие круги под глазами, она бы подумала, что этот человек интеллигент – художник или писатель. Маша растерялась и автоматически ответила:

– Здрасьте.

Затем к ней повернулся другой – в потертой кожанке и с повязкой на голове, похожей на тюрбан – и также ласково сказал ей:

– А теперь до свидания, мадам.

– До... – Только теперь до Маши дошло, что над ней попросту издеваются. Она хотела сказать что-то дерзкое и обидное в ответ, но, увидев невозмутимые, побеленные спины бомжей, поняла, что этих людей никакими словами не проймешь. Она резко развернулась и, опустив голову, направилась к выходу. Но через несколько шагов наткнулась на синий потертый плащ и подняла голову. Перед ней стоял мужчина неопределенного старческого возраста, от шестидесяти до восьмидесяти лет, с окладистой, невероятно черной бородой, ссохшимся, как у мумии, лицом и широко раздвинутыми губами. Но Маша почему-то с первого взгляда поняла, что он не смеялся, а улыбался. Голос у него был ровный, басовитый:

– Извините меня. – Он прижал правую руку к груди. – Я случайно слышал ваш м-м разговор. Вы ищете Гошу Телешина? Его сегодня здесь не было.

– Спасибо, – ответила Маша почти сквозь слезы. Она чувствовала благодарность к этому незнакомому старику. Потом махнула рукой в сторону троих мужчин. – А эти...

– Я понимаю вас, и смею заверить, что они понимают не хуже меня. Дело в том, что у людей, которые вынуждены вести такой образ жизни, очень обостренная психика, они мгновенно реагируют на неадекватность ситуации, точнее – на пренебрежительное к ним отношение.

– Но ведь я... – начала возражать Маша.

– Вы просто с ними не поздоровались, – ответил на её возражение мужчина. Маша почувствовала, как её лицо поплыло пятнами, и опустила голову.

– Да, наверно, вы правы.

– Ну вот, видите. – Мужчина почему-то причмокнул. «Зубы, видно, вставные», – догадалась она. – Но они не злодеи и не разбойники, у них просто фигуры такие большие, а в душе они – дети, вот они и обижаются. Да, времечко сейчас, – он помахал рукой над головой. – Как сказали бы в старину – смутное, безвременье, лихолетье. Жизнь перекосилась, и те, кто был никем, вдруг стали всем, а вот они... Вы знаете, кем они были раньше? Вон тот, что пониже, ведущий конструктор завода, сократили по штатам, а молоденькую секретаршу оставили. Седой, с которым вы разговаривали, писатель. Вы представляете, всю жизнь писал про грандиозные стройки, про трудолюбивых людей, про подвиги. И вдруг в один момент это никому не стало нужно, а детективы он писать не может и не хочет. Третий... Ну вы и так всё поняли. Не правда ли? Так что вы их простите, Бога ради. И меня тоже, – неожиданно добавил мужчина и так быстро отошёл от Маши, что она ничего не успела ему ответить.

Она украдкой покосилась на троих мужчин и вдруг увидела обращённый на неё глаз седого, который вдруг подмигнул ей. Маша отвернулась и почти бегом направилась к выходу.

Рынок был от вокзала недалеко, три остановки Маша проехала с комфортом. В автобусе было лишь с десятков стариков и три девчонки, хихикающие на задней площадке, и она просидела всю дорогу, любуясь полупустынными улицами и яркими афишами гастролирующих заезжих звёзд. Но на самом рынке царил праздник продажи глаз. В глаза сразу бросалось, что народ здесь хорошо живёт, в основном, по те стороны прилавков, на которые были выложены... Впрочем, всё. При виде изобилия желудок Маши что-то сердито проворчал. Она понимала, что сейчас она не властна над этим обжорой, над тем, кто сидел внутри, а заставить его замолчать было не в её силах. Нужно было хоть что-то кинуть ему в пасть, и Маша пошла по рядам.

Нос развернул её в сторону нехуденькой мамыши, перед которой лежали аппетитные куски копченой корейки с чистейшим срезом розового мяса и белоснежного сала.

– Почём, тетя? – спросила Маша, еле сдерживая слюни во рту.

«Тетя», розовощекая, сдобная бабенка лет шестидесяти, сама похожая на ухоженную свинью, аж подскочила на ящике и завизжала:

– Берите, берите, женщина – не пожалейте. Свеженькое, сочное, прямо тает во рту, только три дня как закололи. Двадцать семь тысяч всего. Нет, за двадцать пять отдам, – затараторила торговка, увидев сгустившийся Машин взгляд. – Дешевле ни у кого не найдете, женщина. Берите, берите!

Маша представила, какими глазами будут смотреть на неё жадные торговки, когда она вытащит из кошелька остатки своей зарплаты, полученной ещё в прошлом месяце, и виновато сказала:

– Жирновато больно, мне бы попостнее.

Тут же коршуном вскинулась соседняя торговка, словно увидела желанную добычу.

– У меня посмотрите... Вот, постненькое, попробуйте. Если возьмёте, на три тыщи ещё сбавлю.

Торговаться Маша не умела и наверняка спустила бы последние деньги, если бы сзади не подошёл парень с девочкой на руках.

– Привет, бабуленьки-рекетуленьки! Ещё не всех обобрали? – со смехом поприветствовал он торговку своим зычным голосом.

«Рекетуленьки» вдруг присмирели, а покупатели сгрудились около прилавка, привлечённые бесплатным представлением.

– Да какие же мы рекеты, или больше всех берём! – Возмущенно начала оправдываться торговка, меча свой взгляд по сторонам, словно оправдываясь перед народом. Она взяла в руку кусок корейки, который только что предлагала Маше за двадцать семь тысяч. – Вот это по двадцать два продаю, даже за двадцать отдам. А это вот, немножко заветренное, за восемнадцать тыщ отдам! А он – рекеты, рекеты!

– Слышите, люди, – не поворачиваясь назад и глядя продавщице прямо в глаза, громко говорил парень, – Она за восемнадцать отдаёт! На рынке, небось, мясо за десятку да оптом брала, а тут такую цену заворачивает!

Мамаша, воровато стреляя глазами, притянула парня за рукав и тихо, в ухо, спросила:

– Послушай, касатик, а ты за сколько хочешь взять?

Парень также тихо ответил:

– За пятнадцать полтора кило возьму. Тебе навар пятьдесят процентов. Мало что ли?

– Хорошо, хорошо, касатик, выбирай, какое тебе глянется.

– Вот это, – показал парень на розовую корейку. – Да гляди, не обвесь.

Пока парень не ушёл и гугукал со своей дочкой, Маша тоже подошла к прилавку. Её корейка вытянула на шесть тысяч. В соседнем киоске она купила булку, прикидывая в уме,

на сколько вытянул бы этот вожделенный кусочек, если бы она взяла его по двадцать пять тысяч за килограмм, и ужаснулась – десять тысяч! Вот что значит уметь торговаться!

Уписывая свой отвоёванный кусок, Маша наблюдала за тем, что будет происходить дальше. Мамаша, не моргнув глазом, называла прежнюю цену, и покупатели, морщась, отлетали от прилавка, как срикошетившие мячи. Но вот прямо к прилавку, солидно урча, подкатила иномарка, из которой выкатился небольшого роста «колобок» в кожанке и разноцветных шароварах и подошёл к прилавку. Сзади него словно из-под земли возникли два бритоголовых «каравая».

Мамаша тут же вытянулась в струнку, вытянув крашенные губы в полуулыбку. Вытаскивая из внутреннего кармана куртки небольшой чемоданчик, «колобок» спросил:

– Почём, мать?

– Тридцать, – не моргнув глазом, ответила мамаша.

– Беру всё, – огрызнулся «колобок».

«Все» вытянуло на сто восемьдесят две тысячи, чуть меньше Машиной зарплаты. «Колобок», не глядя на продавщицу, кинул на прилавок четыре купюры по пятьдесят тысяч и проворковал:

– Сдачи не надо, на остальное котиков своих покормишь. Возьми, – приказал он одному из «караваев» и покатился сквозь толпу назад, к своей машине.

Маша подивилась на психологические приемы покупателя с дочкой и продавщицы, которая в один момент вычислила выгодного покупателя. Нет, она бы так никогда не смогла ни торговаться, ни обманывать. Перекусив, Маша завернула остатки корейки в салфетку и положила в сумку. Гошу она нашла по пышной рыжей шевелюре, возвышающейся среди базарной толпы. «Слава Богу, – подумала Маша, – не придётся искать его по свалкам и помойкам». Гоша стоял у легковой машины, водитель которой сунул в его лапищу деньги, хлопнул дверкой и уехал.

Острый Гошин взгляд сразу высмотрел худенькую Машину фигурку:

– О-о-о, сколько лет, сколько...!

– Ну, хватит, Гошка, придуриваться, у меня к тебе дело.

Гоша развёл руки и заржал:

– Ну, дело я люблю, только не слишком грязное. Ой, погоди, мать, я один секунд.

Он подскочил к подъехавшей «девятке», о чём-то переговорил с водителем и снова подошёл к Маше.

– Слушай-ка, Машуля, мне действительно некогда сейчас, говори, зачем пришла: дело пытаться или от дела лытаться?

Она ответила:

– Ну, про твои чистые дела я наслышана, а чем ты здесь занимаешься, никак не пойму.

– Да вот, машины охраняю, – весело ответил Гоша. – Ты понимаешь, мать, власти не разрешают делать автостоянку, правила какие-то мешают. А всем давно известно, что чем больше правил, тем больше дорог, чтобы их объезжать. Но ведь люди приезжают на рынок, а машину поставить некуда. Да и ворьё замучило. Вот мы и открыли тут бизнес.

– И помногу зарабатываешь?

– Да нет, так, штук по двести, иногда по триста.

– Не густо, Гоша.

– Не густо, конечно, некоторые и по пол-лимона за день наскребают.

– За день!? – закричала Маша.

– Ну не в месяц же, чудачка ты эдакая. Кто ж за такие гроши месяц будет пахать?!

– А что за бизнес у тебя на помойке?

– Уже и об этом доложили, – с укоризной ответил Гоша. – Да всё просто: рубероидный завод стоит, макулатуру не принимают, а на свалках много бомжиков, они целыми днями в этом мусоре ковыряются, бутылки ищут, а заодно и бумагу в кучу складывают. А чего бом-

жику надо, ну дашь ему за это бутылку водки да полбатона колбасы – он и рад. Ну ладно, Машуня, давай, говори, что у тебя за дело.

– Видик продать надо.

Гоша пристально посмотрел на Машу:

– То её уговариваешь, словно целочку, а то сама прибежала. Случилось что?

Маша тяжело вздохнула:

– Сама не знаю. Хочу к Сашке съездить. Сейчас вон что на Кавказе твориться, вдруг и его туда засунут. Впрочем, деньги нужны, у меня, как ты понимаешь, своего бизнеса нет.

– Понятно, ну, надо, так надо. Как скоро?

– Вчера.

– Понятно. Ну, цену ты знаешь: двести зелеными, десять процентов моих.

– Гоша, ты садист! В прошлый раз – помнишь, когда я тебя зубровочкой угощала? – ты говорил совсем другое.

– Верно, тогда и день был другой, и покупатель другой, а теперь дня того нет, и покупатель уже далече, а сегодня это тебе больше надо, а не мне.

Маша поджала свои тонкие губы и дёрнула ноздрями – Гоша знал, что это плохой знак, он успокаивающе положил на её плечо руку, ласково проворковал:

– Да погоди ты, не кипятись. Пивка хочешь?

– Пивка? В этой вонючей забегаловке?

Гоша улыбнулся:

– Обижаешь, мать. Найдём что-нибудь получше. Пошли. Только подожди минутку, я своему напарнику кое-что шепну на ушко.

Через несколько минут они уже пробирались через орущую, хаотическую, нервную толпу к какому-то красному сараю без окон постройки века эдак девятнадцатого-восемнадцатого. Гоша остановился у обшарпанной железной двери, постучал в неё условным стуком, и она, словно по-волшебству, растворилась. Девушка в бордовом костюме, увидев Гошу, ласково пригласила их войти. Они прошли по длинному коридору с многочисленными дверями и через плотную портьеру попали в небольшой райский уголок.

Полукруглый зал сверкал зеркальной радугой витрин уютного бара, на светлом лаковом паркете стояли гипсовые вазоны с пальмами, а со стен свисали пышные водопады аспарагуса. В зале было с десяток столов с мягкими розовыми овальными креслами, за которыми сидело человек десять клиентов, попивавших пиво из высоких глиняных кружек. Из стереоколонок легким эфиром расплывалась тихая музыка. Гоша показал на угловой столик.

– Проходи вон туда. Я сей момент.

О чём-то пошептавшись с барменом, он вернулся к ней.

– И тебя здесь принимают? – удивлённо огляделась Маша. Он наклонился поближе к её лицу, шепнул:

– Только днём. И то не меня, а деньги. Они, родимые, как ты понимаешь, любые замки открывают.

– Не любые, – начала, было, Маша.

– Ладно, ладно, не любые, – согласился Гоша. – Расслабься, мать, дыши уютом. А теперь послушай расклад. Тот покупатель аппарат уже взял, правда, не фирменный, а западноевропейской сборки. У тебя же «японец», за зеленку возьмут, но уже дешевле, потому что курс бакса растёт, как бамбук после тропического ливня. Поняла?

Девушка принесла две кружки пива и две тарелочки солёных креветок, поставила на стол, с улыбкой спросила:

– Ещё что-нибудь?

– Нет, спасибо, – ответил Гоша и тут же с ней расплатился, похлопав её по руке, когда она полезла за сдачей.

– Чего не понять, – скуксилась Маша, прихлёбывая из высокой зеленой кружки на удивление вкусное и мягкое пиво. А Гоша всё втолковывал:

– Деревянными дадут процентов на десять больше прежнего, так что маракуй сама.

– А проценты?

– Да брось ты, – отмахнулся Гоша, расплескав при этом пиво на своё поношенное пальто. – Нужны мне твои проценты! Это я так, просто у коммерсантов есть такое правило: бесплатной бывает только манна небесная, а каждый труд должен оплачиваться.

– И ты изменишь своему правилу? – удивилась Маша.

– Ни в коем разе, – запротестовал с улыбкой Гоша, – хоть тысячу рублей, а всё равно с тебя сдеру! Да, слушай-ка, мать, а стоит ли тебе к Сашке ехать, ведь только деньги прокатаешь? Я сам два года отбухал в ракетных войсках, знаю, что ты там ничего не добьёшься.

Маша задумалась, потом покрутила головой:

– Не знаю, может, и так. Но ты бабьего сердца не поймешь, Гоша. Какая-то труба зовёт его в поход, вот кажется мне, что я нужна Сашке, что без меня он сотворит какую-нибудь глупость и пропадёт ни за понюшку. И не отговаривай, меня уже не остановить.

– Да, дело шваховое, – отозвался Гоша. – Послушай, может, тебе сначала в военкомат сходить, узнать, как и что, или в часть его позвонить. Ну, чтобы не ехать впустую. Хотя...

Когда они вышли на улицу, Гоша пообещал как можно скорее принести деньги и растворился в своей стихии.

6

Обшарпанное, голубовато-поносного цвета здание военкомата издали казалось пустым, но когда Маша подошла к входной двери, она услышала внутри тревожно-истеричное гудение, словно в огромном улье кто-то потревожил пчёл.

В приемной комиссара в один нервный комок спрессовалось человек пятьдесят мужчин и женщин. В первые минуты этот шум и гам напомнил Маше какофонию настраивающегося симфонического оркестра, но постепенно её слух начал выделять отдельные реплики и голоса:

– Они, видите ли, ничего не знают, ничего не ведают, паразиты! Ни телефонов частей, ни куда пихают наших детей без спросу родителей! Когда забирали в армию, разрешения не спрашивали! – возмущался женский фальцет.

– Своих чадушек, небось, от армии отмазали, откупили, а с нас чего, с быдла, взять – мы любое измывательство стерпим! – кричала женщина в белом полушалке.

– Немедленно требуем комиссара! Пусть разъяснит... Чо? А мне наплевать, девушка, что у него гланды болят! У нас души, сердца разрываются за наших детей, а у него, видите ли, горлышко заболело! А я и не грублю, я требую, я имею на это право! Я – мать!

– Вот она, дерьмократия, – слышался в стороне старческий бас, – что хотят, то и воротят. Я помню, в войну мы сами на фронт рвались, знали, за что и с кем воевать. А тут свои своим глотки готовы порвать. За что? Чего в мире не живётся? Мат-ть иху...

– Ой, сыночек миленький, запотили тебя эти ироды в Чечню! За что, люди, за что мне такое наказание, ведь он у меня единственный!

Маша поняла, что здесь ей ничего не добиться, и уже хотела развернуться и уйти, когда позади её скрипнула дверь, и в неё ввалился высокий, статный красавец с чёрными усами в камуфляжной форме. Со сбитым набок чубом он походил на бравого гусара или на червонного валета с игровой карты. С озорной и лучезарной улыбкой, способной растопить сердце снежной королевы, он с полупоклоном всех поприветствовал:

– Здравствуйте, дорогие и уважаемые родители наших призывников. Разрешите представиться: майор бронетанковых войск Чеботарёв. Зовут меня Сергеем Владимировичем.

Посетители сразу притихли и превратились в покорных детей, которые, как нашкодившие ребяташки, прятали глаза и опускали головы. Вот уж и не видны на их лицах ни озлобления, ни гнева, а у некоторых появились даже улыбки и интерес в глазах: а это кто такой?

Неумолчный грай толпы стих до благородного шёпота. А красавец стоял посреди мужчин и женщин и словно специально демонстрировал себя: вот, мол, я какой, смотрите на меня, мне не жалко. У женщин при взгляде на него подозрительно заблестели глаза, а мужчины безуспешно пытались расправить свои хилые, обвисшие плечи и втянуть животы.

Маша поняла, что военкомовское начальство послало к этим несчастным людям «громоотвод», чтобы отвести грозовой удар от себя и разрядить ожесточенные сердца родителей. Она помнила, что директор детского дома тоже частенько прибегал к такой же тактике, когда вдруг вспыхивала буза, и он засылал в «стан врага» добродушного дубинушку дядю Семёна, который работал у них сторожем, а по совместительству исполнял роль душеприказчика всех детдомовских ребятишек. При появлении дяди Семёна ребятишки стихали, как кролики при появлении удава, и начинали униженно просить у него прощения, когда дядя Семён грозил уйти «из этого проклятого содома, потому что от их шума болить голова». Весь детский дом знал, что в войну дядя Семён получил контузию, и у него часто болела голова, что его бросила жена и вместе с детьми ушла к своему начальнику, с которым водила шашни, и что теперь он постоянно жил при детском доме в небольшом флигельке только ради того, чтобы лечить свою душу среди озорников, которых он непомерно любил.

Маша понимала, как нелегка эта роль, которая выпала на долю неизвестного ей досель майора бронетанковых войск Чеботарёва. Он лил елей на души родителей, бабушек и дедушек:

– Уважаемые родители, здесь очень тесно, поэтому я прошу пройти вас в зал для совещаний. Там тепло и места побольше. Не сомневайтесь, мы рассмотрим все ваши жалобы и решим все проблемы. Проходите, проходите, пожалста, вот сюда, устраивайтесь поудобнее. Кто желает, может раздеться, здесь и вешалка есть.

– Леночка, – обратился он к заплаканной дежурной, – ну, не реви, сейчас всё уладим. Пришли, пожалста, кого-нибудь из отдела. Только в форме. Поняла? – тихонько добавил он. Потом оглянулся и увидел Машу.

– Женщина, а вы что же не проходите?

Прямо глядя в его красивые, озорные глаза, Маша ответила:

– Видите ли, майор, я в спектаклях не играю с той поры, когда закончила школу. Не стыдно вам, майор, а? Я же всё вижу. Кроме слепого сердца, которое движет этими несчастными людьми, у меня есть инструмент и потоньше. – Она постучала пальцем по своему лбу. – Поэтому и не хочу участвовать в опытах над обезумевшими от страха за своих детей женщинами и стариками.

Майор улыбнулся ещё раз, на этот раз виновато и горько, пожал её руку и спросил:

– Ваш сын тоже в армии?

– Да, служит.

– Тогда, если сможете, подождите меня здесь, возможно, я чем-то смогу вам помочь.

А эти, как вы говорите, обезумевшие люди сейчас не поймут никаких разумных доводов. Они сейчас не люди, а толпа. А это совсем другое состояние вещества. Это как вода: она то пар, то жидкость, то лёд. Так вот они сейчас кипят праведным гневом и пускают пар. Вы думаете, я их не понимаю? Ещё как понимаю, ведь мой сын тоже сейчас проходит действительную, срочную. Так вот. Так подождёте?

Ошарашенная его признанием, Маша молча кивнула головой и покорно села на ряд сколоченных планками стульев. Она слышала всё представление, устроенное в старом красном уголке, по моде переименованное в зал совещаний, где одна сторона отчаянными голосами излагала свои тревоги и претензии, а другая в одном лице выслушивала их и приказывала немому подставному писарю:

– Товарищ прапорщик, обязательно запишите всё, что сказала эта женщина, и адрес не забудьте. А воинская часть какая? Ага, запишите, прапорщик. Сколько служит ваш сын? Уже год? Хорошо, обязательно узнаем... Обязательно доложу комиссару лично, что вы хотите

встретиться с ним. Так, это всё? Ну что ж, дорогие родители, мы обязательно сообщим решение по вашему вопросу. Обязательно! Конечно, конечно, приходите, звоните. Всего доброго, до свидания.

Наконец, умиротворённая и осчастливленная толпа вытекла на улицу, и в коридоре стихло. Майор Чеботарёв вышел одетый не по форме в гражданское длинное серое пальто поверх камуфляжа и в серую шапку, сходу спросил Машу:

– Вы обедали? Простите, как вас зовут?

И хотя она представилась по имени-отчеству, красавец просто подтвердил:

– Значит, Маша. А меня Сергей. Пойдем, прогуляемся.

По дороге в парк он купил в лотке кулёк пирожков и две бутылки сока, сел на просохшую под солнцем скамейку и молча протянул Маше пирожок, потом откупорил бутылки об край скамейки и вонзил свои белые, блестящие зубы в прожаренное тёплое тесто. Мечтательно закатил глаза:

– У-у-у, всегда мечтал до отвала наесться пирожков с требухой. А вы?

Маша засмеялась:

– Я тоже. А лёгкий вы человек, Сергей.

Он шутливо замахал рукой:

– Это только на первый взгляд, на самом деле во мне целых семь пудов чистого веса. – Он похлопал себя по животу. – Отяжелел на этой полувоенной-полугражданской службе.

Маша лёгким кивком головы оценила его юмор и посмотрела на небо, где плыл еле заметный в вышине журавлиный или гусиный клин:

– Что-то поздно они сегодня, – заметила она.

– Да, видно, тепло их задержало, – согласился охотно он. – Хорошо им: раз в год туда, раз в год – обратно. А у нас они каждый день летают и всё время в одну сторону.

– Кто? – не поняла Маша.

– Косяки галок. Так мы между собой называем разные приказы и указивки сверху. Ну да ладно о птицах. Значит, у вас сын тоже в армии.

Маша занялась очередным пирожком и лишь кивнула в ответ головой.

– А войска?

– Чего войска?

– В каких частях служит?

– А, спецназ МВД.

– Откуда такие подробности? Такое в письмах не пишут.

– Ездил к нему, знаю. У них ещё береты такие красные.

– Не красные, а краповые. Да-а, это президентская элита, таких частей немного. Питер или Москва?

– Питер.

– Ясно. – Сергей поставил пустую бутылку под скамейку, вытер платком руки и комом сунул его в карман. – Впрочем, Маша, позиция такова: у нас вы о сыне ничего не узнаете, и не потому, что мы такие чёрствые и бездушные, а потому что сами в полном неведении. Опираясь на свой опыт, одно могу сказать: предстоит большая заваруха. Не хочу каркать, но...

Его прервал чей-то жалобный голос:

– Сынок, а, сынок.

Сергей и Маша оглянулись. За их спиной стояла низенькая сухошавая старушка с палкой в одной руке и с брезентовой грязной сумкой – в другой. Одета она была в старое чёрное потёртое пальто, коричневую шалишку и в высокие калоши на шерстяной носок. Она прятала от них свой виноватый, подёрнутый дымкой безысходности взгляд своих чистых серых глаз.

Маша за последние годы, да и в детстве тоже, много повидала разных попрошаек. Раньше это были погорельцы, потерявшие свой кров и семью, выкинутые «на волю» узники сталин-

ских лагерей – разное ворьё и бандиты брали от жизни всё сами. До этого дня Маша никогда не бывала в церкви, но, проходя иногда мимо, она видела слащавые улыбки и злобные усмешки на лицах нищих и попрошаек, когда прихожанин бросал в грязную руку или в шапку вместо гривенника копейку; видела смачные плевки вслед тем, кто проходил мимо протянутой руки; она наблюдала за ожесточённой дракой между попрошайками из-за оброненной кем-то трешки; она видела, как эти нищие распивали за углом церкви дорогие армянские коньяки; он видела похотливые взгляды опустившихся мужиков при виде стройных ножек беспечной девочки, одевшей в храм божий мини-юбку; она видела неистово крестившихся у церкви нищенков, которые потом приходили в пивные и ругались там похлещё матёрых матерщинников.

Но в последние годы вместе с новыми русскими на необъятных просторах России появились и новые нищие. В их взглядах сквозили не алчность и жадный блеск, а отчаяние и стыд, виноватость и страх, голодный блеск и робость. Тех, жадных, с наглым отблеском в глазах, не мог испугать и сам Господь Бог, а этих новых нищих мог безнаказанно пнуть любой мальчишка, согнать с насиженного места любой мент, им можно было плюнуть в лицо, у них можно было отобрать последнюю копейку, потому что они ещё оставались людьми, недавно бывшими учителями, врачами, инженерами и выкинутыми в недавнем прошлом за борт жизни.

Видно, женщина, появившаяся за их спинами, и была одной из этих новых нищих. Она спросила:

– Сынок, нужны ли вам ваши бутылки?

При этом слова «Вам» и «Ваши» звучали не во множественном числе, а так, будто это была цитата из личного любовного послания. Маша сунула руку в сумочку и нащупала там пятитысячную купюру, но ей помешал Сергей, который быстро подхватился и, быстро взяв бутылки за горлышки одной рукой, сунул их в брезентовую сумку.

– Да на здоровье, мамаша. Спасибо, что хоть вы их убираете, а то дворников сейчас днём с огнем не сыщешь.

– Спасибо, сынок.

Женщина тут же развернулась и пошла по аллейке дальше, заглядывая попутно в каждый закуток и урну. Маша почувствовала, как на её глаза наворачиваются слёзы. Смяв в руке пятитысячную бумажку, она стыдливо сунула её в карман, потому что, глядя вслед уходившей женщине, вдруг поняла, что она деньги ни за что бы не взяла. Сергей заметил непроизвольное движение Маши, слезы, положил руку на её плечо:

– Ну-ну, Маша, всех ведь не пережалеешь. Их сейчас миллионы.

– Да я понимаю... Мать вспомнила. Она бы в наше время не пропала, всё умела делать. Трудилась, как пчёлка, а вот без отца, своего единственного цветочка, жить не смогла.

– Да-а, – протянул Сергей, – правильно говорят: чужую беду руками разведу, а свою и в карман не спрячешь. Унеси ты моё горе, раскачай мою печаль! – пропел неожиданно Чеботарев. – Так о чём я говорил-то? Ах, да. По-видимому, в Чечне что-то серьёзное назревает, раз войска туда подтягивают. Значит, меч из ножен уже вынут. Я мог бы тебе, конечно, помочь созвониться с частью твоёго сына, но, поверь, Маша, там тебе сокрут или ничего определённого не скажут. Даю два совета, и оба бесплатные: или сама поезжай, или дай ему телеграмму о смерти...

Маша посмотрела в его глаза, непонимающе поджала губы.

– Ну, вообще, о смерти какого-нибудь выдуманного родственника, желательно близкого. Всё равно они ни хрена проверять не будут. Только телеграмму нужно обязательно заверить врачом.

– Да ради Сашки я и сама готова мёртвой побыть, – вырвалось вдруг у Маши.

– А-а...

– Да нет у него никого больше родных, кроме меня! Ясно? Он и в анкетах своих так писал.

– А отец?

– А что отец. Одним словом – нет его. Папаша его испугался, когда узнал о моей беременности. Так до сих пор где-то и бегают, страус хренов, – съязвила Маша.

Сергей поднялся, облил её своей губительно улыбкой и протянул руку:

– Ну, Маша, тогда извини, как говорится, чем богаты... Спасибо за компанию, а меня ждут звуки военного горна. – Он шутливо выпятил свою нехилую грудь. – А ты... Бывай здорова и счастлива. – И, уже уходя, полуобернулся. – Да, и Сашке своёму привет передавай, когда увидишь.

Глядя ему вслед, Машу вдруг охватило томное и острое желание, которое посещает иногда одиноких женщин при виде красивых мужчин.

– Дура, нашла о чём думать, – вслух изругала она себя, а потом решительно встала и пошла искать телефон-автомат. В будке на углу магазина две голоногие девчонки минут пять хихикали в трубку, потом было занято, потом звонила женщина, которая кого-то долго уговаривала дать займы два миллиона, потому что, если она их не получит сегодня к вечеру, жизнь её пойдет прахом. Наконец-то в трубке раздался густой баритон, который проворковал Маше в уши:

– Инспекция слушает.

– Привет, инспекция! – прокричала Маша. – Как твоё драгоценное?

– Здравствуйте, гражданка, – официально ответил баритон, что означало, что рядом находится посторонний. А затем голос в сторону раздраженно прокричал: – Валерий Павлович, это не моя компетенция, отдайте эти документы в отдел перевозок! Ну сколько раз можно наступать на одни и те же грабли! – Пауза. – Привет, Машенька! Отвечаю, дорогой мой человек, – я пока обхожусь без таблеток.

Маша уже шесть лет прощала ему хамство.

– Слушай, Алёшенька, мне срочно надо с тобой посоветоваться.

Алексей гоготнул:

– Мой «совет» всегда к твоим услугам. – Но, услышав её сердитое сопение, укоризненно протянул: – Ну-у, Машенька, я не знал, что на тебе можно воду возить.

– Да это я так... Настроение.

– Понял, будем поднимать – совместно.

– Нахал, шут!

– Меня Люська сечёт, так что давай встретимся у тебя. С работы я сорвусь через часик-два, а вот с твоёго обаятельного крючка – видно, никогда.

– Шути, шути, карась, пока твоя щучка дремлет, – подковырнула Маша.

– Ладно, ладно, согласен: счет один – один. Впрочем, жди дома, в три буду.

Покупать Маша ничего не стала, знала, что Алексей обязательно приволокёт что-нибудь вкусненькое и сладкое. Да и не на что ей покупать.

7

В почтовом ящике сквозь щель она увидела письмо. Сердце ёкнуло и ухнуло куда-то вниз: «От кого? От Сашки, наверно. Точно! Господи, неужели ты услышал мои материнские молитвы!» На ходу разорвав конверт, Маша быстро открыла дверь квартиры, не раздеваясь, села на табурет и стала читать: «Мамочка, здравствуй, моя дорогая! Пишу в поезде. Опять едем в командировку, куда – не говорят командиры. Только обещали после этого пораньше отпустить домой, так что вполне возможно, что восьмое марта встретим с тобой вместе. Ты извини, мамочка, что в прежних письмах так мало писал о себе, наши командиры и цензура не разрешают распространяться о трудностях армейской жизни, распускать нюни и т. д. Да и что толку на что-то жаловаться, армия – это не детский сад.

Сейчас пишу обо всем подробно потому, что есть такая возможность обойти цензоров. Попрошу кого-нибудь опустить письмо на станции. Я уже сержант, командую отделением стрелков, имею хороший разряд по рукопашному бою, так что теперь пацаны уже вряд ли

будут меня обижать. Кстати, как там живут – служат Вован, Толян и Кешка. Я знаю, что Кешка учиться в институте, куда его пристроила мамочка, а другие служат где-то на Дальнем Востоке и в Забайкалье, но ни одного письма от них не получил, хотя писал. Недавно были в Подмоскowie на главной базе МВД, проходили «полосу препятствий», мне, как одному из лучших, вручили краповый берет. Теперь я настоящий спецназовец, а не подтирала! (Кто такой подтирала, Маша не имела ни малейшего понятия, но в её воображении встал Сашка, который бегаёт за командирами и подтирает за ними грязные следы). Едем с полным боевым снаряжением, по слухам, в Краснодар или на Ставрополье.

Кормят нас прилично, не хуже чем в полку. В нашем эшелоне есть отдельный вагон-кухня, где готовят горячее. Сухпай тоже дают, иногда кое-что прикупаем на остановках, так что с голоду не умираем.

Мама, передавай привет тете Гале, всем моим одноклассникам и дворовым пацанам, которых увидишь, и, конечно, дяде Алексею. (Ах, поганец эдакий, всё-таки подковырнул мать!) Как только доберёмся до места назначения, напишу и сообщу свой адрес.

Крепко целую тебя, мамуля. Твой сын Сашка».

Маша посмотрела на почтовый штемпель, в кружочке которого еле проглядывались блеклые черные буквы «п. о. ж.д.Лог. Волг-гр. обл.». Она разделась, достала из книжного шкафа малый атлас Мира, который приобрела после отъезда Сашки в армию, нашла в указателе «Лог 26—27 Б2», раскрыла карту. Так, железная дорога шла от станции Лог через Волгоград на Астрахань и в Дагестан. Другие две ветки змеились в сторону Ростова-на-Дону и Краснодара. На сердце у неё немного отлегло, она подумала, что если сын пишет, что они едут в Краснодар, значит, так оно и есть, ведь давно известно, что слухи – самая точная информация.

В прихожей закулюкал электронный соловей. Когда Маша открыла дверь, в проём ввалились ходячие пакеты, сумки и свёртки, которые вдруг заговорили человеческим голосом:

– Машенька, ты, наверно, оголодала без меня. – Фраза, конечно, как всегда, была с подтекстом. При этом карий глаз, выглядывающий между коробкой и пакетом, подмигнул ей. Маша помогла гостю сильно похудеть, разложив всё принесённое добро на кухонном столе и стульях. Алексей был мужичком среднего роста, эдаким крепышкой с опухшим, как видно, от голода животиком. Он степенно разулся, разделся, схватил завизжавшую Машу в охапку и с криком «Сашка, марш гулять!» утащил её в спальню. Маша со смехом брыкалась:

– Алёшка, неси меня поосторожнее, а то мою единственную рюмочку разобьёшь! Куда тогда наливать будешь? Да куда ты спешишь, ты что, забыл, что Сашки дома нет?

– А давай притворимся, что он дома, что у нас, как и шесть лет назад, всё впервые, нет – вторые. Давай? Ага?

– Ага.

И на полчаса всё стихло. Вечерние сумерки уже вползали в гостиную, сворачиваясь синими котами в углах, за шкафами и диваном, за стойкой с цветами. Только тихое, довольное урчание доносилось из-за закрытой двери спальни.

Вот щёлкнул выключатель, и комнату залило светом. Маша вышла из спальни в распашном жёлтом халате с длинными концами пояса, который подчёркивал плавную крутизну её бёдер и освобождённых от оков грудей. С блестящими глазами, спутанными короткими волосами и зардевшимся лицом, она в этот момент была похожа на девчонку, подравшуюся с пацанами.

После ванной Маша окончательно забыла красавца майора, вдохновившего её на сегодняшний подвиг. Она вошла в гостиную, уверенная, что там уже накрыт стол. Так и есть. Стол был сервирован нежным, тонко нарезанным балыком, лимоном под сахаром, печенью трески под майонезом, копчёной колбасой с комочками соевых срезков и огромной вазой с конфетами, которую она в последний раз вынимала из серванта на провода Сашки и в которую помещалось салата оливье на десять человек гостей.

Сам Алексей уже восседал на диване в одних трусах в зеленый горошек, положив ноги на край журнального столика и посасывая пиво из горлышка бутылки. Взглянув на Машу, он картинно всплеснул руками и выдал новость:

– Машка, когда же ты постарейшь?

– Не дождёшься. А когда постарею, ты об этом узнаешь первый.

– И как?

– А вот когда ты впервые подумаешь: «И когда же эта чёртова баба от меня отвяжется!»

Вот тогда всё, Алёшка, зарывай в землю.

– Хм, а я?

– А ты уже. Только обрюзгший, равнодушный старикашка может сидеть перед своей любимой в одних трусах в горошек и, наплевав на неё, сосать в одиночку пиво. Кстати, свежее?

– Свежее, наше, местное. Я вот всё удивляюсь, как они быстро научились делать хорошее пиво, когда без работы стали оставаться. А раньше, бывало, в рот не возьмешь – моча мочой.

Он наполнил её бокал, подождал, пока она его не выпьет залпом, положит на язык ломтик стерляжьего балыка, и наполнил снова.

– Ну что, остыла, язва? А теперь вперёд – за советами. Да ты не пугайся, не за теми, что раньше на площади Ленина жили.

Маша вздохнула, потуже запахнула на груди халат и зачем-то оттопырила нижнюю губу.

– Алёша, я боюсь за Сашку. На-ка вот, почитай.

Она вытащила из кармана халата письмо и подала ему. Алексей внимательно прочитал, нахмурился и пошёл одевать штаны. Вернулся, сел, молча налил в рюмку коньяку и, не чокаясь с партнершей, выпил.

– Что-то предпринимала, конечно? – На её недоумённый взгляд выставил ладони перед собой. – Нет-нет, я не колдун и не экстрасенс, просто, когда ты мне звонила, в твоём голосе была, скажем так, определённая настроенность. Так что рассказывай.

В своей женской непоследовательности Маша изложила события предыдущих дней как можно последовательней, при этом не заламывая руки и потягивая согретый в ладонях коньяк.

Алексей выслушал её, а потом протянул:

– Та-ак. Ясно.

Маша нервно встала, засунула руки в карманы халата.

– Всем всё ясно, чёрт побери! Мне одной ни хрена ничего не ясно! Один советует видик за бесценку отдать, спекулянт хренов, второй – похоронить кого-нибудь, желательно из близких родственников...

– Ну, а третий? – тихо перебил её Алексей.

Маша рухнула в кресло, закрыла лицо руками и разревелась так, как не ревела с тех самых пор, когда она, беременная, уходила из общежития после цапанья со стержозной комендантшей в чужой и пустой для неё мир, населённый какими-то двуногими существами, так внешне похожими на неё, но которые равнодушно проходили мимо, не обращая внимания на её слезы. Вспомнив это, Маша простонала:

– Алё-ёшка, как я одно-ока!

Алексей молчал и ждал, когда она перестанет хандрить. Дождался, изрёк:

– У одинокого человека всегда много друзей, только он об этом не знает.

Он налил ей ещё коньяка, сходил за пиджаком, притащил из прихожей телефон и с приговоркой «Ну что за дурацкая привычка держать телефон у туалета», долго листал свою записную книжку. Потом куда-то позвонил:

– Андрей Макарыч? Добрый вечер, Писанов беспокоит... Ну, без дела, сами понимаете, беспокоить не стал бы. Нужна справка. Да, да, желательно сегодня, а ещё лучше вчера. Как мне дозвониться до воинской части... – Он наклонился к Маше и спросил номер воинской части. – ...воинской части 3526? Через коммутатор? Но должны же быть там атэсов-

ские номера? Неужели так секретно? – Алексей долго слушал, кивая невидимому собеседнику, потом спросил: – Мне самому позвонить? Хорошо, через полчаса. Да, забыл, запишите на всякий случай данные: Александр Владимирович Святкин, семьдесят четвертого, призван в июне девяносто третьего, сержант. Хорошо, заранее спасибо.

– Ну что? – Маша устремила на Алексея болящий взгляд. – С кем ты разговаривал? Он что-то знает?

– Машенька, слишком много вопросов, ответы на которые тебе сейчас знать не обязательно. Ты пойми – это кон-фи-ден-ци-аль-но! Понятно? А где Сашка, может быть, мы узнаем через полчаса. А сейчас давай оттянемся, как полагается любовникам.

У двери запел соловей.

– Са-а-ла-а-вей мо-ой, са-а-ла-вей! – пропел Алексей. Он недовольно поднялся и ушёл в спальню одеваться, ворча: – Ну вот, и тут бедному мужику не дадут отдохнуть от семьи.

Щёлкнул язычок замка, и от двери донеслось:

– Машка, ты где пропадаешь? Я уже два дня тебя ищу, ты же сама конфеты заказывала. А я и на работе, и дома тебя искала.

Галина залетела в комнату с тремя коробками конфет подмышками и, увидев Алексея, застыла на месте:

– Здрасьте.

Алексей поздоровался своеобразно:

– Ноги-то вытерла, кондитерша, а то я за тобой убирать не собираюсь.

Галина в долгу не осталась, скользнула к столу:

– О-о, какие люди! Алексей Борисович, вы как сюда: насовсем или как?

– Каком кверху, – беззлобно отшутился Алексей. – Садись, егоза-стрекоза, кушать станем, пить станем.

Галина с маху плюхнулась на диван, тут же взяла с тарелки кусок колбасы, отправила его в рот и промычала:

– Ж-ать хоху. – Потом без паузы кинула в покрашенный рот сразу два куса балыка и застонала от удовольствия, поглаживая рукой живот. – Ем ананасы, рябчиков жру, чтобы тебе не досталось, буржуй! Как, складно?

Алексей насмешливо посмотрел на неё:

– Ты, Галина, наверно, и во сне постоянно за столом сидишь.

– Конечно, – с вызовом ответила Галина, взмахнув распущенными черными волосами, – потому что знаю, что во сне денег за это не берут. Тебе чего, тебе в твоей таможне каждый день взятки на золотом блюдечке подносят, а нам, бедным, если на халяву не пожрёшь, так и ножки не раздвинешь.

– Это откуда ты про взятки знаешь?

– Газеты читаем, не слабоумные.

Маша прикрикнула:

– Хватит вам цапаться-то, не надоело!

Галина сверкнула ореховыми глазами и вздохнула:

– Дома, то есть в общежитии, мне не с кем, вот и приходится отводить душеньку на чужом мужике. – И вдруг без всякого перехода: – С Сашкой как?

Маша молча подала ей письмо. Пока та читала, Алексей налил женщинам вина, а себе плеснул коньяка. Потом положил на колени телефон и набрал номер. Минут пять что-то слушал, затем со вздохом сказал:

– Всё ясно, Андрей Макарыч. Большое спасибо. Есть, есть за что. Если б вы знали... Спокойной ночи.

На немой вопрос подруг вздохнул.

– Вобщем так, девоньки, созвонились с Сашкиной частью, там талдычат одно и то же – уехал в командировку. Тогда Макарыч связался со своим другом по училищу, который служит сейчас в военной комендатуре на какой-то железнодорожной станции в Питере, тот сказал, что эшелон идет на Кавказ, куда конкретно – не знает. Так вот.

Все молчали. У Галины изо рта торчал кружок лимона, весельчак и балагур Алексей опустил голову, что он делал только в бане, когда приходилось мыть свою намечавшуюся проплешину.

Вдруг Маша резко встала, не обращая ни на кого внимания, скинула халат и, сверкая белыми грудями, кинулась в спальню. Всё произошло так неожиданно, что Галина с Писановым лишь удивлённо переглянулись и пожали плечами.

– Что это с ней? – шепотом спросила Галина.

– Ты не мать, всё равно не поймёшь, – ответил Алексей. Галина восприняла его реплику с намёком на удивление спокойно, а, может быть, ей мешал очередной кусок колбасы, застрявший во рту.

Маша появилась минут через пятнадцать, когда Галина с Алексеём доканчивали бутылку с коньяком, и на лице Галины уже блуждала глупая и похотливая улыбка. Маша держала в руке чемодан. Лицо её было непроницаемо и спокойно, словно у египетской царицы Неффертити. Она не спеша села в кресло, налила себе вина и подняла бокал:

– Ну, давайте выпьем на дорожку. Я еду к Сашке.

Все выпили. Алексей смотрел на свою любовь и узнавал в ней ту, шестилетнедавнюю, когда он пытался завоевать её сердце и тело, а Мария, холодная и недоступная, была прекрасна красотой нетронутого запретного плода, что распял его воображение ещё больше. Нет, она не была холодной – он чувствовал это, это был сухой сложенный костер, к которому достаточно было поднести спичку, что он однажды и сделал через многие месяцы ухаживаний. Вот тогда-то Алексей и убедился, насколько жарким был пламень её любви. Ему казалось, что он горел в этом костре, который вдруг вырвался из-под пепла огромными жаркими крыльями.

Вот и сейчас она казалась холодной, мраморной и недоступной, но Алексей понимал, что жар её любви готов согреть сейчас не его, а ту кровиночку её существа, которая находилась сейчас где-то далеко-далеко. Сам Алексей чувствовал себя раздвоенным, будто его развалили пилой надвое, и одна половина рвалась сейчас к Маше, чтобы хоть как-то помочь ей, а другая – к неродному, но ставшему ему дорогим, чужому сыну.

Алексей помотал головой, стряхивая с себя отупление, и спросил:

– Итак, Мальбрук в поход собрался. А деньги у тебя есть? – На немой ответ добавил: – Сколько?

– Шестьсот тысяч.

Алексей встал.

– Ложись спать.

– Что? – не поняла Маша.

– А то! Ты совсем охренела? Ты знаешь, куда едешь и на сколько? Ты знаешь, сколько сейчас стоят билеты, жратва, ночёвки? Или ты решила туристическую поездку провести, босиком по ласковой травке побегать? Так что не дури, утро вечера мудренее – так ещё при царе Горохе говорили.

Маша тут же сникла и съёжилась. Вот так она терялась всегда при столкновении с рядовыми житейскими проблемами – оказывается, самый высокий душевный порыв может разбиться о низкую бытовуху. От бессилья Маша снова заплакала, разом ослабла и стала похожа на тысячи и миллионы российских женщин, уставших от бремени вечных проблем и житейских невзгод. А Алексей смотрел на неё и думал: «Роденькая моя, ну как же ты собралась ехать в такую даль, неизвестно куда и неизвестно зачем? Ведь сломаешься, как сухая камышиночка под ветром».

8

На следующий день Машу разбудил солнечный луч, прорвавшийся сквозь голые ветки берёз под окном. Она почему-то не помнила, как заснула, словно накануне напилась до беспмятства, а ведь легла в уме и здравой памяти. Да и пробуждение было странным: не от страха опоздать на работу, не от звонка террориста-телефона, который всегда трезвонил в самый неподходящий момент, не от утреннего истязателя-будильника. А просто проснулась и все, как это бывало в детстве в родительском доме. Она поглядела на часы. Ни хрена себе – уже десять! По привычке быстро вскочила с постели, а потом вдруг сообразила, что торопиться-то и некуда – она с сегодняшнего дня в отпуске.

Маша верила примете: как день начнётся, так он и пройдет. Судя по легкому и приятному пробуждению и солнечному дню, он предстоял быть не таким уж и плохим. Она лениво помылась в ванной, посушила феном волосы, позавтракала и пообедала одновременно, полила цветы. Но все утренние приметы опроверг телефонный звонок. Она и ждала его и не ждала, поэтому с неохотой взяла трубку. Это был Алексей.

– Выспалась? – не поздоровавшись, спросил он. – По сопению твоёму слышу, что выспалась. Ничего не говори и слушай. Билет я тебе взял, в Москву, на шестнадцать сорок поездом. Не возражай, поездом надёжней, в аэропорту ты можешь неделю просидеть. Буду через двадцать минут. Пока.

Маша положила трубку, проворчала:

– Ну что за человек, бедной женщине рта раскрыть не даст.

Маша оделась, хотела позвонить на работу Грише Парятину, чтобы узнать, отдал ли он её заявление в бухгалтерию и начислили ли ей отпускные, но потом решила оставить это на потом.

Алексей открыл дверь своим ключом, быстро разделся, потер озябшие руки и спросил:

– Покормишь, Машенька?

Сегодня он был в форме служащего таможенной службы. Заметив её любопытный взгляд, объяснил:

– Служба.

Он наскоро похлебал шей, попил чай с пирогом и вытянул из кармана портмоне, вытащил из него билет и белый конверт. Маша посмотрела билет и довольно хмыкнула – место было не у туалета, вытащила из конверта пачку долларов, помахала ею у его носа, спросила:

– Откуда?

– Служба, – опять коротко пояснил Алексей и на её негодующий взгляд смиренно поднял руки.

– Ладно, ладно, расплатишься после приезда с Сашкой. Натурой. Поняла?

Маша нежно обняла его за шею, поцеловала в щеку и выдохнула:

– Поняла, чего уж тут не понять. У баб планида такая: брать деньгами, а расплачиваться...

– Вот этого я не говорил, – прервал её Писанов, легонько отстранил от себя и, сжав за плечи, просто сказал:

– Пора мне уже.

– Ты торопишься? Мог бы и задержаться, кроме меня, дома никого нет.

И снова короткий ответ:

– Служба. – А потом добавил: – Ну и кровожадная же ты, Машка.

– Слушай, Писанов, а у тебя есть какие-нибудь другие объяснительные слова, кроме слова «служба»?

– Есть, – со вздохом ответил Алексей, – но если ты их услышишь, у тебя уши сразу завянут. Извини, сегодня на работе ко мне был каскад претензий.

– Что ещё за каскад?

– Ну, это когда московский начальник материт областного начальника, областной начальник материт районного начальника, а районный начальник материт...

– Все, все, поняла.

– Вот так всегда: когда молчишь, спрашивают, почему с ними не разговаривают, когда разговариваешь, затыкают рот и выталкивают за дверь, – начал жаловаться Алексей, но Маша уже подавала ему шинель и шапку.

– Все, уматывай! – Но лишь он повернулся к двери, спросила: – Когда придешь?

– Как служба.

После того как Маша проводила Алексея, она долго пыталась дозвониться до подруги. Но, в конце концов, ей не очень вежливо сказали, что «Галина Васильевна Фильчакова на работе отсутствует по неизвестной причине». Мысленно изругав её, Маша решила сходить на свою работу. Между дверью и косяком на всякий случай зажала записку с указанием своих координат.

У входа в тир она ещё издали увидела человек пятьдесят мальчишек и несколько военных. Призывники – догадалась она. Маша прошла сквозь ржущую, плюющую, курящую развязную толпу и прошла в свой кабинет. На её месте у окна сидел Гриша Парятин в расстегнутой, как всегда, на три пуговицы фланелевой рубашке, обнажавшей его полосатую «морскую душу». Сбоку от стола сидел майор Чеботарев. Он тоже признал её сразу, мило улыбнувшись, встал, пожал руку. А Гриша, поняв, что они уже знакомы, стал неловко представлять её:

– А это Мария Петровна Святкина, наш главком.

– Вот как, – не удивился, а скорее констатировал, Чеботарев, – Очень неожиданно и очень приятно. Мы уже немного знакомы. Просто я не предполагал, что вы здесь...

Маша съязвила:

– Здравствуйте, мы что, уже на «вы»? Да и как вы – вы – это в данном случае работники военкомата – могли предполагать, если за четыре года всего второй раз приводите призывников на стрельбы. Вот они... – Маша хотела сказать «на войне и гибнут, как мухи», но язык не повернулся ляпнуть такое, и она поправилась: – Поэтому они в армии и в корову с трех шагов попасть не могут.

Чеботарев вытащил сигарету, закурил.

– Есть такое упущение. Что делать, на все нужны деньги, даже в армии. А мы все по-наивности думаем, что в России все бесплатно: и обучение, и здравоохранение, и проезд на трамвае, и квартиры. А, оказывается, что сыр для мышеловки тоже покупать надо.

Чеботарев услышал шум в коридоре, встал:

– Видно, мои отстрелялись, завтра ещё придем. – Покосившись на Парятина, тихо спросил Машу: – Как у вас с сыном?

Она коротко ответила:

– Там. Еду.

Чеботарев замялся, хотел что-то сказать, но потом пожал руку Грише, затем – нежно, нежно – ей и лишь бросил:

– Всего вам доброго, Маша.

Когда он вышел, и шум в коридоре затих, в комнату набились тренеры и инструкторы, здороваясь с начальством.

– Миша, иди закрой наружную дверь, – приказал Парятин щуплому парнишке и повернулся к Маше. – Значит, все-таки едешь?

– Еду, – твердо ответила она.

– Ну, тогда не жалуйся, мать.

С этими словами морячок выставил на стол авоську с торчащими из неё пакетами, горлышками бутылок и селедочными хвостами.

Сегодня Маше снился странный и страшный сон. Она, как в кино, видела себя со стороны. Будто находится она во дворе своего родного дома с крашенной зеленой калиткой и сплошным тесовым забором и колет осиновые дрова. А день тихий, солнечный и со слабым морозцем. Она, в черной фуфайке, в коричневой шали, с топором в руках тюкает чурбачки, складывает их в большой холщовый мешок и почему-то постоянно оглядывается по сторонам, будто её кто заметит за непристойным занятием.

Вот мешок полон, она завязывает его шпагатом и вскидывает на горб. Мешок необыкновенно тяжел и почему-то мягок, словно в нем не поленья, а сырая мякина. И вдруг день сменяется ночью, безлунной, беззвездной, совершенно черной, но она, как кошка, все видит вокруг себя. Маша тащит свою тяжелую ношу к оврагу, куда все жители окрестных домов сбрасывают мусор, ставит мешок на самый край косогора, развязывает, и из него вываливаются разрубленные, окровавленные части человеческого тела: руки, ноги, туловище, голова. Она не узнает в темноте, чье это тело, но своим материнским чутьем догадывается, что это тело её родного сына, её Сашеньки...

Маша будто со стороны слышит свой нечеловеческий крик и просыпается. Господи, что это такое!?! Она резко села на кровати, по привычке хотела прибрать волосы и руками почувствовала, что они стоят. Она стала их судорожно приглаживать, но они снова вставали, словно щетина на одежной щетке.

В ужасе она снова попыталась закричать, но из её горла вырвался лишь хрип – голоса не было. Значит, она на самом деле кричала, когда видела свой жуткий сон, и сорвала голос. По всему её телу пробежал озноб, превратившийся в дрожь. Сумасшедшими глазами Маша пыталась найти что-то на стене, в углах и хрипела:

– Господи, Боже мой, спаси, сохрани моего единственного сыночка, мою единственную кровиночку! Возьми, Господи, мою жизнь, если тебе уж так нужна чья-то жизнь, только не трожь! слышишь! не трожь моего Сашеньку! Господом Богом тебя заклинаю! Ведь у меня никого же больше нет! Ну никого, слышишь? Оборони его, Господи, от всякой напасти и зла, от пули и хвори, от лихих людей и недругов! Спаси его, Господи, умоляю – спаси, и я ничего больше у тебя не попрошу! Спаси его, и я буду вечной твоей рабыней! Сохрани его, Господи!... Спаси!... Спаси!...

А потом она потеряла сознание. Сколько она пролежала у кровати, Маша не помнила, должно быть, не менее часа, потому что, когда она открыла глаза, за окном уже занималась молодая синяя заря, а она сама успела продрогнуть на холодном полу. Она долго пыталась вспомнить, почему тут оказалась, а когда вспомнила, вдруг заплакала: тихо, облегченно, будто кто-то снял с неё этот кошмарный ночной груз.

Окончательно успокоившись, Маша села на край кровати, накинула на себя одеяло и снова стала шарить по комнате глазами. В комнате, кроме кровати, стоял старый трельяж, уставленный косметикой, среди которой тикал будильник и лежала раскрытая книга Поля Феваля «Горбун», которую она уже месяц читала перед сном и называла сонником, кресло, ободранное на боку пропавшей год назад кошкой, и бельевой шкаф. На стенах висели портреты родителей в коричневых лакированных рамках и Сашки, когда ему исполнилось шестнадцать, часы с боем, подаренные ей на сорокалетие, ковер, который в дни всеобщего дефицита она в последний момент вырвала у бойкой бабенки, залезшей за товаром вне очереди, объемный плакат с котятами, книжная полка со старыми Сашкиными учебниками и тетрадями, овальное зеркало, в котором она старилась день ото дня. Но только сейчас она заметила, что ни в спальне, ни в комнате не было иконы.

Да и зачем она была нужна: жизнь её в последние годы катилась ровно, гладко, словно бильярдный шарик по ровному столу. Если не считать смерти родителей, ухода из общежития, когда ей с новорожденным сыном пришлось несколько лет скитаться по квартирам, и бегства Сашкиного отца, то ничто не нарушало её плавного, размеренного течения. Неприятности

с Сашкиными синяками, порванной одеждой, несчастными вызовами в школу по поводу двоек, разбитых стекол и дерганных косичек Маша не считала большими ухабами на своей жизненной дороге.

Она никогда не верила в Бога, не помнила Маша, чтобы отличалась набожностью и её покойная мать. Но все же в её воспоминаниях осталась белые узорные занавесочки в переднем углу дома, где, по-видимому, и стояли иконы, и тот день, когда после болезни отца увезли в больницу. Именно тогда Маша увидела свою веселую, никогда не унывающую мать на коленях.

И вдруг этот её экстаз, причиной которому послужил несуразный, жестокий сон. Она пыталась себя уверить, что это произошло от испуга, от волнения за родное дитя, но подсознанием, всем нутром своим, понимала, что дело здесь не в испуге, что все это гораздо серьезнее и глубже. Видно, за одну ночь – да что там за одну ночь, за одно мгновение – все в ней изменилось до такой степени, что душа её перешла в новое, неизведанное ей прежде измерение, когда она болеет не только за себя, и появляется нерасторжимая ниточка, которая намертво связывает её с той частью её плоти и души, которая мается, страдает и терзается где-то далеко-далеко, на чужбине и в неволе.

Она и молитв-то никаких толком не знала. Откуда их знать, когда система, в которой она жила, пыталась уничтожить не только саму церковь, но даже упоминание о ней. Разве что остался в памяти страстный шепот матери, стоящей на коленях перед домашним иконостасом, когда отец уже лежал в госпитале:

– Прощу тебя, Угодник Божий, святой великий Николай, теплый наш заступничек, помоги нам, грешным, в настоящем сем житии, умоли Господа Бога даровати нам оставление грехов наших, ели согрехших от юности, во всем житии нашем, делом, словом, помышлением; и во исходе душ наших помози нам, окаянным. Да прославлю Отца и Сына и Святаго Духа, и твоё милостивое предстательство, ныне и присно, и во веки веков. Аминь...

Маша, никогда не видевшая мать на коленях, разве что когда она собирала картошку в огороде, почему-то стыдно было смотреть на мать, которая, по её мнению, унижалась перед крашенными деревяшками с нарисованными на них ликами. Ей так было стыдно, что она никогда и никому об этом не рассказывала. Маша до сих пор хорошо помнила небольшую икону Николая Угодника, которую больше всего почитала мать. Икона была в застекленном киоте, украшенная искусственными цветами и серебряным резным окладом.

Отца же Маша вообще не представляла молящимся, но она знала, что он после войны купил в церковной лавке иконку святого Серафима Саровского и всегда носил её с собой, завернутую в плотную бумагу и носовой платок. В дни Победы, когда отец встречался с фронтовиками и однополчанами, за рюмкой водки он всегда рассказывал одну и ту же историю...

В начале войны, когда их запасной полк стоял в какой-то подмосковной деревушке, от которой после затяжных боев и бомбардировок остались лишь несколько домов и полуразрушенная церквушка, их авторота подвоза разместились в старых мастерских. Офицеры, как и положено по рангу, заняли сторожку, где сохранилась печка, а шофёрня и обслуга – эту самую церковь, в которой вместо постелей были выщербленный мозаичный пол из кафельной плитки, а вместо крыши – развороченный купол. Солдатня, несмотря на запреты офицеров, разложила костры, поела разогретой каши с тушенкой и легла спать. Отец притащил из конюшни, которая находилась рядом с церковью, смерзшейся соломы, кинул её под горячий мотор своей машины и заснул там.

И снился ему сон, будто лезет он на колокольню, а она так и ходит ходуном из стороны в сторону, того и гляди упадет. Сердце у него трепыхается, словно птица, попавшая в силочку, а он лезет и лезет, а ступеньки позади него обваливаются одна за другой, и нет пути назад. Когда отец залез на самый верх и увидел, что спуститься не сможет, то взмолился: «Господи, сохрани и помилуй меня!» И вдруг видит, что рядом с ним, откуда ни возьмись, появился

низенький благообразный старец с длинными седыми волосами и такой же бородой. Был он в монашеской одежде, босой и с кленовым посохом в руке. Отец будто спрашивает: «Ты кто такой и как здесь оказался?» Старец показал посохом на брус, торчащий из стены, по которому когда-то поднимали колокола, и на которой висела короткая и тонкая веревочка, и сказал: «Вот тебе спасение, спускайся по ней». Отец взглянул вниз, и у него аж голова закружилась от такой высоты, да как закричит: «Ты что, старик, совсем из ума выжил, она ж такая тонкая и короткая, я и костей-то не соберу!» «А ты не бойся, солдат: что на роду тебе написано, того не изменить. А это твоя последняя надежда».

Исчез старец так же неожиданно, как и появился. Что делать, отец перекрестился, ухватился за веревочку и думает: «Ну, вот и пришел тебе конец, солдат Петр Святкин». А веревочка-то вдруг стала развиваться-развиваться, да так до самой земли его и спустила. Тут как раз артобстрел начался, и отец проснулся.

У них в автороте был пожилой мужчина, которого все почему-то звали сватом. Умел он предсказывать судьбу, гадать на картах, отгадывал, не вскрывая конверта, что написано в письмах, за что и пользовался всеобщим уважением. Кое-кто его побаивался и называл черным колдуном. Однажды отец рассказал ему про свой сон, а сват и говорит: «Ну, Петя, радуйся, этот сон тебе на всю войну приснился, вернешься ты домой живым и невредимым, потому что благословил тебя сам Преподобный Серафим Саровский». А ведь так и получилось: если не считать ранения в бок, вернулся Петр Святкин домой живым и здоровым. И это после четырех лет страшной войны, где не каждая невинная птаха выживала!

Маша сидела в своей спальне, сравнивая свой недавний сон со сном покойного отца, и не знала, что после этого думать. Плюнув на все другие дела, дозвонилась до Галины и спросила, нет ли у неё на примете хорошей гадалки. Галина так взвизгнула в трубку, что Маше показалось, что мембрана разлетится в клочья:

– Ты что, мать, перепила что ли!? Ты во всю эту ерунду веришь!? Гадалки! Да им бы только денежки с тебя содрать, а ты...

– Слушай, подружка, – прорычала Маша, – Ты сможешь мне или нет? Если нет, так я пошлю тебя куда подальше. Поняла?

Галина, видно, почувствовала, что перегнула палку, и примирительно проворковала:

– Слушай, Машенька, я к тебе сейчас приеду. Ага?

– А как же работа?

– Да плевать я на неё хотела, так же, как и она на меня – все равно денег не платят.

– Наконец-то я слышу от тебя мудрую и, самое главное, своёвременную мысль. Жду.

Ждать Галину пришлось недолго: через полчаса она уже рылась в холодильнике, запихивая в рот все, что было съестного, а через минуту с разбегу приземлилась на диван и приказала:

– Ну, рассказывай.

Маша рассказала ей про свой страшный сон, не забыла упомянуть и про фронтной сон отца, и подруга минут десять после этого сидела бледная и растерянная, потирая ладонями свои сдобные, крепкие ляжки. Наконец её, видно, посетила идея fixs, она резко встала и снова приказала:

– Машка, собирайся. Есть у меня на примете такая гадалка, мне про неё одна женщина рассказывала. – Потом вдруг остановилась. – А может не надо, а то ляпнет чего-нибудь, а ты потом думай.

Но Маша была непреклонна:

– Веди.

Гадалка жила в центре, в добротной «сталинке». После длинного звонка трехметровая бронированная дверь загрохотала и сдвинулась на пядь, удерживаемая толстенной якорной цепью. Из щели раздалось:

– Вам кого?

Подруги поздоровались и стали объяснять, в чем дело. Щель ответила:

– Сны не разгадываю. Вот если по фотографии или на картах, тогда...

– Нет, нет, – поторопилась ответить Маша. Бункер захлопнулся перед самым их носом, после чего на лестничной клетке с минуту бился металлический гром.

Когда они вышли на улицу, Маша остановилась и спросила:

– Ты куда меня привела?

Галина съежилась под взглядом подруги:

– Машенька, честное пионерское, я не виновата. Этот адрес мне одна женщина подсказала, божилась, что это самая лучшая гадалка в городе. К ней даже с других городов приезжают. Да ты не расстраивайся, у меня тут ещё шесть адресов есть.

Галина полезла в карман пальто, но в это время их окликнуло с балкона какое-то существо в драной кофте и что-то бросило вниз. Маша поймала комочек бумаги, развернула его и прочитала вслух:

– Улица Сазонова, дом 12, квартира 8, Агния Спиридоновна.

– Во! – Галина хлопнула руками по бедрам. – Оказывается, у гадалок тоже разделение труда. Одна – по картам, вторая – по фотке, третья – по соплям. Ну, пошли, что ли.

На этот раз дверь оказалась тонкой, как бумага, обшарпанной и скрипучей, как люк заброшенной на берегу баржи. На пороге темной прихожей появился божий одуванчик, который не стал ничего спрашивать, а сразу ласково пригласил гостей:

– Заходите, дочки, заходите, милые, раздевайтесь, будьте как дома. Обувку сложите вот сюда, в уголок. Тапочки оденьте, а то полы у меня совсем студёные.

Из мрачного коридорчика женщины вслед за хозяйкой прошли в крохотную, светлую комнатку с голубыми и цветами на стенах, с розовыми ситцевыми занавесками на единственном узком окне, с таким же подзором на железной кровати с высокими узорчатыми спинками. Кроме массивной кровати в комнатке стояли резная этажерка с почерневшими старинными книгами, старая горка с не менее древней посудой, окованный сундук, накрытый толстым пледом, и овальный стол на резных ножках с четырьмя венскими стульями.

В комнатке пахло чистотой и веяло таким уютом, что Маша невольно вспомнила свой родной дом. В углу, на божнице, покоились три иконы с лампадкой, придернутые чистыми занавесками. Все здесь веяло стариной, набожностью и спокойствием. Да и сама старушка словно сошла с какой-то картины девятнадцатого века: одета она была в длинную темно-зеленую атласную юбку с оборками, в приталенную коричневую кофту с длинными и очень узкими рукавами и покрыта белой косынкой. Выбывающиеся из-под косынки совершенно белые волосы обрамляли её благодное сморщенное личико с удивительно молодыми и живыми серыми глазками, крохотным носиком и морщинистыми губами.

Старушка пригласила их сесть. Они – гости и хозяйка – долго смотрели друг на друга, а потом старушка неожиданно сказала:

– Вот и познакомились. – Подруги недоуменно переглянулись, а старушка продолжала: – Сейчас все впередь руки друг другу суют, имена называют и думают, что познакомились. Пустое это, видимость одна. Пока в глаза не заглянешь – души человеческой не увидишь. Как меня кличут, вы и так знаете, раз ко мне пришли. А вас, дочки, должно быть, Галиной да Марьей зовут. Так ли?

Подругам только и оставалось, что ещё раз удивлённо переглянуться. Галина раскрыла, было, рот, но хозяйка уже продолжала:

– А вы не удивляйтесь, дочки: как Господь человека пометил, такова на нем и печать. Мне уж, слава Богу, девяносто шесть, мне все знать надобно, иначе, зачем столько жить.

При упоминании Бога сухонькая правая рука Агнии Спиридоновны взлетала в кресте и тут же опускалась на колени. Но вот она посмотрела прямо на Машу, вздохнула, зачем-то отерла рукой рот и сказала:

– А ты, дочка, рассказывай, на душе-то у тебя и полегчает. Рассказывай.

И Маша, вдруг разрыдавшись, полчаса рассказывала совсем чужой ей сероглазой бабушке свою жизнь: и про родителей, и про детдом, и про Сашку, и про свой сон, и про обморок около кровати, и про то, как искала на стене икону и не могла её найти. И при этом она и сама не знала, почему обо всем рассказывает.

Агния Спиридоновна внимательно её слушала, и чем больше Маша рассказывала, тем больше суровело лицо старухи и все больше затухали её глаза, будто она впитывала в себя чужое горе. Когда Маша замолчала, Агния Спиридоновна горько вздохнула, опять зачем-то отерла рот уголком косынки и, тяжело опираясь руками о колени, словно её прижимала к полу неимоверная тяжесть, встала и, шаркая ногами, подошла к сундуку. Помолясь в угол, она осторожно сняла с сундука плед, открыла крышку и достала толстую ветхую книгу в кожаном переплете и медными застежками. Так же медленно и тихо она вернулась назад, села и спросила:

– В Бога-то, чать, верите? – Внимательно всмотревшись в их лица, заохала: – Охотношки! Ну да ладно. Ты слушай, Маша, а ты не мешай, – обратилась она к Галине. Но Галина боялась даже пошевелиться, не то что раскрыть рот, который у неё никогда не закрывался. Агния Спиридоновна раскрыла книгу, вынула из засаленного футляра очки и стала монотонно говорить:

– Зовёт тебя твой сынок, милушка, тяжело ему. Не бойся, ты его не закопаешь и обязательно встретишь. Беспokoишься ты, оттого и сны твои неблагоприятны. Вот отец-то твой во сне со святым повстречался, оттого и выжил. Это ты не сына рубила, а боль его, а боль его ещё впереди. А тебе предстоят и страдания, и радости, и рубища, и благие деяния. Берегись друга, которого найдёшь в дороге... – Агния Спиридоновна вдруг откинулась на спинку стула и замала руками. – Устала я, вы уж подите, подите! Да в церковь обязательно ходите, свечечки поставьте.

Когда они оделись и собрались уходить, Маша сунула руку за деньгами, но тут же отдернула её от сумки, словно обо что-то обожглась. Агния Спиридоновна, внимательно и ласково поглядев в её глаза, сказала:

– Вот и правильно, дочка. Предстоит тебе дальняя дорога, так что побереги.

Маша ещё никогда и никому не кланялась – ни начальству, ни партийным и советским бонзам, ни самому дьяволу, – а тут низко склонила покорную голову и тихо произнесла:

– Большое спасибо вам, Агния Спиридоновна. Дай вам Бог здоровья.

Агния Спиридоновна вмиг оживилась:

– А мне больше ничего и не надо, милые мои. Спасибо – самая лучшая награда за труды человеческие. Вот говорят: «спасибо» да «спасибо», а откуда происходит это слово – забыли. А произошло оно от старинного – спаси Бог. А теперь идите, спаси вас Христос, дочки, – напутствовала их старушка у порога.

По улицам мела сухая снежная поземка, таща по тротуарам остатки ржавых листьев, обертки, упаковки, дергая за полу пальто редких прохожих, заставляя прятать лица в воротники и торопиться по своим делам. Редкие машины на этой тихой окраинной улице елозили по обледеневшему асфальту, и по губам водителей даже сквозь лобовые стекла можно было понять, каким языком они «расхваливают» зиму и родную власть.

– Надо же, – тараторила, семена ногами, Галина – и денег не взяла. Вот это бабушенция! Глаза у неё! – как рентгеном она тебя просвечивает, словно шкурку она тебя выворачивает. Жуть! Когда она на меня цыкнула, я чуть не обоср...

– На кой... – «чёрт» чуть было не сорвалось у Маши с языка. – На кой ляд ей деньги. Эта золотая старушенция душой живёт да верой своей. Не то, что мы: деньги, тряпки, шмотки, машины, гаражи... Да провались они пропадом! Если на душе покоя нет, то её никакие богатства не успокоят. Не знаю, есть он там или нет... Погоди, – остановилась Маша, – а как же она про отцовский-то сон узнала? Ведь я ей ничегошеньки про него не говорила.

– Э-ё-ё, мать, ты такие загадки загадываешь! Спроси чего полегче. А всё-таки старушку-то я отблагодарила, – ввернула вдруг Галина.

– Как – отблагодарила, – опешила Маша.

– Да не бойсь, подруженица, я ей пачку конфет тихонько под платок положила. Это же не деньги, значит, не оплата и не взятка, а просто презент. Ну, ладно, пошли ко мне, что ли, вдарим по пташечке, а то я закоченела совсем.

«Кажется, затопили по-настоящему», – подумала Маша, входя в Галкину комнатушку в общежитии. Тепло от батареи подняло скопившуюся за лето пыль и гоняло её по всей комнате, так что свербило в носу и першило в горле. Кашляя, она укорила подружку:

– Хоть бы пыль-то протёрла, дышать нечем.

Но Галина на её реплику не обратила никакого внимания, распахивая буфет, в котором стоял ряд покрашенных белой краской бутылок из-под кефира, спросила:

– Тебе чего: рому, коньяку или ликёру?

Маша знала, что на Руси воровали, воруют и будут воровать, но сама она даже при самых благоприятных стечениях обстоятельств никогда не брала ни чужого, ни государственного. Даже когда мать с отцом выметали из кузова машины остатки зерна или комбикорма, мать всегда как бы с укором самой себе говорила: «Ну разве стала бы я этим заниматься, если бы государство продавала все это в магазине». Она и подругу не осуждала, что толку осуждать, если за её адскую работу платили копейки, да и тех на месяц на хлеб не хватало. Вот и тащили бабенки с фабрики шоколад, конфеты, сахар, а в молочных бутылках протаскивали через проходную ликеры, коньяки, ромы, которые добавляли в продукцию.

– И что – никто не знает? – кивнула Маша на стеклянную батарею в буфете.

– Как это не знают, все знают. Тут главное – не наглеть, – объясняла Галина. – Правда, аппетиты у всех разные: если работяга тащит бутылку, то директор – бочку. И все довольные, все смеются. От государства не убудет, ведь оно у нас главный акционер. А директору главное, чтобы рабочие не разбежались. Ну, так что тебе налить-то?

– А, всё равно, лишь бы грело, – отмахнулась Маша.

10

Новый день для Маши начался совсем необычно, разбудил её далекий колокольный звон, плывший откуда-то в неподвижном морозном воздухе. Она слышала его в родном городе впервые, и это было так необычно и так красиво, что она в одной сорочке подошла к раскрытой форточке и наслаждалась тягучими, нежными звуками, пока не продрогла. Под эти звуки она вспомнила Агнию Спиридоновну и её совет.

Наскоро помывшись, Маша расчесала волосы, оделась, посмотрелась в зеркало и решила вместо шапки повязать мамин черный платок с красными цветами. Нет, слишком ярко и непривычно. И Маша снова надела свою старую норковую шапку.

Колокол сопровождал её всю дорогу, пока она добиралась в автобусе до церкви, в которой совсем недавно стали проводить службу. Автобус был набит под завязку, и ехали в нем в основном старухи. Никого не стесняясь, они громко разговаривали, как старые и добрые знакомые, а, может быть, и по глухоте своей. Разговаривали, не обращая внимания на других говорящих, рассуждающих, возмущающихся: о бешеных ценах, которые скакали, как жеребцы на ипподроме, о маленькой пенсии, которую и ту вовремя не приносят, о новых богачах, строящих себе дворцы за счет простого работяги, о каком-то наглом юродивом Юрке, о коте, которого хулиганы – ребятишки подвесили за хвост на тополе, и о многом другом, чем дышит и живет грешный человек.

Никогда не бывавшую в церкви Машу поразила огромная толчея у новых церковных ворот. Она много раз проходила мимо этой старой, восстановленной из руин церкви, но почему – то никогда не обращала внимания, как много здесь бывает народу. Троекратно крестясь, народ проходил через арку с крестом и ликом Спаса, а по бокам от неё на раскладных

стульчиках, на ящиках, а то и прямо на земле или на рваном старье сидели или стояли нищие, побирушки, пьяницы, калеки и каждый тянул своё:

– Подайте, Христа ради! Дай вам Бог здоровья! Спаси тя Христос! Да поможет вам Пресвятая Богородица!

В их протянутые руки, расстеленные платки, шапки, полиэтиленовые пакеты сыпались и порхали сто и двухсотрублевые купюры. Некоторые от щедрот своих подавали по пять и десять тысяч рублей. Крупные деньги вся эта братия хватала на лету и засовывала в самые интимные места. Среди них особенно отличался рябой мужичишка, он нагло зыркал в соседние «кошельки», тянул в них грязные лапы и неистово и пьяно орал:

– Граждане прихожане, подайте убогому, сирому, голодному на пропитание!!! Эй, а ты чего не подаешь!? Это только в сортир вход бесплатный, да и то не везде! У, жадюга, на, подавись своим пятаком!

По его лопающейся от жира морде и впрямь можно было подумать, что он пухнет от голода. Справа от ворот вспыхнула драка. Косматый, одноногий инвалид трепал за волосы свою соседку и басом приговаривал:

– Не перехватывай, стерва, чужой кусок. Никто не виноват, что тебе не подают, пьянь подзаборная!

– Да-а, – пищала женщина с опухшим и синим лицом, – ты ближе всех к воротам сидишь, вот тебе и достается больше всех! А мне тоже жить охота!

– Всем охота, – уже беззлобно отвечал мужичишка. – Вот посиди тут с мое, тогда и вякай, шалашовка трепаная.

Какая-то старушка рядом с Машей прошамкала беззубым ртом:

– Опять этот Юрок юродивый хороводит, и Бога не боится. Это в такой-то святой праздник! Бесстыдник! А Ленка тоже хороша, зачем же из чужой шапки выхватывать. Бесстыдники, пра, бесстыдники. – Тут старушка повысила голос, чтобы её слышали: – Вон старостиха идет, уж она вам задаст, петухам эдаким!

Женщина в черном глухом платке подошла к дерущимся и ругающимся и незлобивым, даже благостным, тихим голосом стала корить:

– Что же это вы делаете, а? Сегодня такой великий храмовый праздник, прихожане пришли в храм молиться во имя Святого Николая Чудотворца, во имя его высокого благочестия, во имя восстановления нашего разрушенного храма, а вы грешите. И где? У престола Божьего, у дома Господня. Если не угомонитесь, я скажу отцу Георгию, что вы оскверняете святое место.

Драчуны, наконец-то, успокоились, правда, не сразу и, что-то глухо ворча под нос.

Большинство прихожан уже прошло в церковь, а Маша все мешкала. Она никогда раньше не молилась и не знала, как это делать. Она смотрела, как это делают другие прихожане, и мысленно повторяя, зубрила, как это сделает она сама. Но правая рука была словно чужой и никак не хотела подниматься ко лбу, чтобы наложить на себя крестное знамение. Она и не подозревала, насколько это трудно, внутри неё словно включился невидимый тормоз, который сковывал не только её тело, но и душу. Она видела, как на неё насмешливо косятся попрошайки, чувствовала, как и сама она наливается стыдом и страхом, и хотела уже уйти, как сзади кто-то тронул её за рукав:

– Первый раз, дочка? – спросила её та самая бабуся, которая ругала юродивого Юрка с Ленкой.

– Да, в первый, – почему-то облегченно вздохнула Маша.

– Небось, беда какая приключилась?

– Почему вы так думаете?

Старушка слегка улыбнулась, снисходительно покивала головой, вздохнула и прошамкала:

– Распознать это просто, дочка: к Богу-то когда идут? Когда душа болит. Вот и тебя, видать, прихватило. Оно так – жизнь не сахар, и чем ближе её порожек, тем больше бед да несчастий в ней накапливается. Помнишь, чай, пословицу-то: пока гром не грянет – мужик не перекрестится. Так вот и мы, грешные: пока всё хорошо – и ладно, а как прижмет жизнь – мы все про Бога вспоминаем.

Маше нравилось, что старушка не корит именно её, а говорит как бы от всех грешников, от всех людей, живущих на этой земле, и оттого на душе её потеплело, словно и не было этого декабрьского мороза и этой утренней темно – синей стыни над головой. А старушка уже тянула её тихонько за рукав:

– Пойдем-ка, пойдем, дочка, я тебе все что надо покажу и растолкую. Бога не надо бояться, Бог-то, он милостивый и добрый. Это злых людей надо бояться...

Маша посмотрела, как старушка троекратно поклонилась и перекрестилась, и тоже покорно склонила голову и перекрестилась, стараясь наложить на себя крест, как это делают православные христиане – справа налево.

В церкви было не протолкнуться, пахло ладаном и воском, а под куполом стоял неумолчный шепот, вздохи и покашливания. Справа, в притворе, работала церковная лавка. Маша купила несколько свечей, маленькую иконку Николая Угодника и большую – Серафима Саровского, а потом прошла в среднюю часть храма. С амвона доносился монотонный писклявый голос молодого батюшки, который читал что-то из жития Друга, Наставника и Помощника, Святителю Божьего и Чудотворца Мирликийского Николая Угодника.

После того, как батюшка умолк, все закрестились, а несколько старушечьих голосов что-то затянули. После пения все почему-то зашептались и заулыбались. Маша не понимала ни слов попа, ни значения божественной литургии, она украдкой оглядывала великолепие церковного убранства. С неба купола на неё смотрел мудрыми, болящими глазами Спаситель в окружении херувимов и ангелов, через открытые Царские Врата она видела алтарь со стоящим посередине престолом, на котором лежали евангелие, крест, дарохранительница, а за престолом стояли большой запрестольный крест и высокий семисвечник. С иконостаса на прихожан смотрели лики Иисуса Христа, Божьей Матери, Апостолов, архангелов и святых. Все это блистало сусалью золота и серебра, и иконы как бы светились, отбрасывая теплые блики от сотен свечей и ламп.

Вот в церкви снова стихло, раздались шепот и вздохи, старушка тронула Машу за рукав:

– Ты сама-то крещёная, дочка?

– Крещёная, – шёпотом ответила Маша.

Она и сама-то об этом узнала лишь за неделю до смерти матери, когда та достала из сундука какой-то свёрток и сказала Маше:

– Садись, дочка, послушай, что тебе скажу. Я не знаю, как сложится дальше наша с тобой жизнь, но я должна тебе сказать, чтобы ты знала, что русские люди – народ православный, и все они принимают обряд крещения. Ты ещё маленькая и не поймешь, что это такое. Сейчас Бога забыли, церкви порушили, иконы пожгли, и никто уже не знает, есть Бог или нет. А люди все равно в кого-то верить должны. Мы с отцом тайком тебя окрестили, так что знай, что ты крещёная, стало быть – православная. – Мать развернула сверток из белого полотна, в котором лежали нательный крестик, прядка волос и белое платице. – Вот это твой крестик, твоё платице, в которое тебя одевали после купели, и твои волосики, которые остались после пострижения. Ты их, дочка, береги, но никому не показывай и не рассказывай. – Тут мать глубоко вздохнула. – Бог знает, как дальше твоя жизнь сложится. Все поняла?

А через неделю матери не стало, и куда потом пропали эти вещи, Маша не знала, потому что у неё началась новая, такая чужая, трудная и незнакомая ей жизнь.

...А старушка ей нащёптывала:

– Ты одну свечку-то поставь у иконы Божьей Матери, вторую – у иконы Николая Угодничка нашего, а третью... За здоровье али за упокой? – шепотом спросила старушка.

– За здоровье, за здоровье, – ответила Маша. – Сынок у меня в армии служит.

– Вот и поставь за здоровье, дочка. Вон туда, видишь, да помолись. Сегодня большой праздник, Бог-от все молитвы сегодня принимает...

11

Наконец, Маша собралась в дорогу. Чемоданы, набитые одеждой, косметикой, подарками для Сашки, едой, книгами и журналами на дорогу уже стояли у дивана в полной боевой готовности. Провожать её обещали приехать ребята с работы, Гриша Парятин, Галина, Алексей, только Гошка куда-то подевался, хотя обещал прийти ещё вчера. Она вся изнервничалась, поджидая его, меряя шагами расстояние от порога до стола в гостиной и ударяя кулачком в левую ладонь. Ласковых слов в его адрес она, конечно, не жалела. Наконец, пропел соловей.

– Наконец-то, – закричала Маша и бросилась открывать дверь. Это был Гоша. С растаявшим снежком в рыжих волосах, краснощекий и запыхавшийся от быстрой ходьбы он ввалился в дверь и с похоронным видом скорбно сообщил:

– Я с плохими вестями, мать.

Маша обмерла.

– Что такое?

– Я пришел забрать у тебя твой любимый видик, – скорбно ответил Гоша и вдруг рассмеялся, оглашая диким гоготом всю квартиру. Маша набросилась на него с кулаками и стала дубасить по его широченной груди. Впрочем, с таким же успехом эту грудь могла проломить и Царь – пушка. Не дожидаясь, пока Гоша разденется, Маша проволокла его в комнату, усадила на стул, вытащила из-под дивана коробку с видеоманитофоном и приказала:

– Вот тебе твоя железка, а мои зелененькие – на бочку!

– Ну, на бочку, так на бочку. – Гоша степенно вытащил пачку долларов из нагрудного кармана рубахи и веёром разложил их на столе. – Пересчитай.

Маша добросовестно пересчитала: пять полусотенных, четыре десятки и десять однодолларовых купюр с американскими президентами.

– Слушай, Гоша, ты, наверно, ошибся. Тут...

– Это не я, – перебил её Гоша, кивком закидывая рыжие мокрые сосульки с лица на затылок. – Это покупатель ошибся. Возьму, грит, за три сотни – и всё тут, мол, больше не дам.

– Ну а ты?

– Ну а я больше и не взял.

– И он тебе поверил? – с сомнением спросила Маша. – Ведь видик-то ещё у меня.

Гоша назидательно поднял прокуренный палец и изрек:

– Гоше все доверяют.

Маша быстро чмокнула гостя в замховевшую щеку и спросила:

– Налить?

– Разрешаю, – небрежно ответил Гоша. Он успел опрокинуть в свой ненасытный рот лишь одну рюмку водки, когда входная дверь чмокнула, и вошел Алексей. Он заглянул на кухню и поприветствовал Гошу:

– Привет рыжим.

– Привет лысым, – не остался в долгу Гоша. Когда Алексей разделся, мужики подали друг другу краба и уселись за стол. Маша налила им по рюмке, но сама пить не стала. Закусив колбаской, Алексей спросил:

– Всё собрала в дорогу?

– Собрала, не тебя же дожидаться, – вздохнула Маша.

– Покажи, – потребовал Алексей.

– Да ты что, Лёшка, я только все уложила, аккумуляторы... Не трогай! – с визгом кинулась она на него, но Алексей отодвинул её в сторону и, прямо взглянув в её глаза, наставительно поднял палец:

– Маша, я знаю, что ты умеешь собираться в дорогу – поездила по шарошк, слава Богу, но там, куда ты собираешься, совсем другие стрельбища. Понятно? Ну вот и хорошо.

Они прошли в комнату, Маша пнула ногой чемодан, уселась в кресло и отвернулась:

– На, мазохист, смотри, нюхай женское бельё!

Не обращая внимания на её псих, Алексей сел на корточки и открыл чемоданы. Он аккуратно выложил их содержимое на диван и стал перебирать. Решительно отложил в сторону громоздкий фен, бигуди в пакете, кружевное нижнее бельё, три коробки конфет, оставив лишь одну, пакеты с косметикой, две теплые кофты, двое колготок, модные сапожки на шпильках.

– Это все лишнее, – сказал Лёшка. – Гамаши теплые, фуфайка или пальто драповое, сапоги без каблуков, варежки, шерстяные носки, сапоги резиновые, теплые шталоны – это у тебя хоть есть?

– Да ты что, Лёшка, я же совсем голой останусь! – закричала Маша.

– Я спрашиваю – есть? – повысил голос Алексей. – Тогда тащи. Да, и рюкзак ещё захвати, ну тот, синий, с которым мы за город ездили. Запомнила?

Маша покорно стащила это барахло в комнату и брезгливо побросала к его ногам.

– На, мучитель. Всё равно на первой же остановке я раздам это шмотье нищенкам. Они плясать будут от радости, а от меня ты благодарности не дождёшься.

Неумолимый Лёшка улыбнулся, упаковал всё в один небольшой чемодан, в рюкзак, сходил в прихожую и принес сверток. Вытащил из него сверкающий складной нож на двенадцать предметов с мини-вилкой и мини-ложкой и какой-то миниатюрный агрегат, похожий на керосинку.

– А это что за пылесос! – возмутилась Маша, – не возьму!

– Возьмёшь, – убедительно ответил Алексей. – Весит он всего кило двести, а выручить может сто раз. Это походная газовая горелка, японская, между прочим. Ты умеешь заправлять сифон? Вот и здесь так же, вставляешь баллончик, закручиваешь – и вари полчаса.

Лёша посмотрел на Гошу, сфинксом сидящего в прихожей на табурете и попросил его:

– Друг, если кто придёт – откроешь, со скуки можешь и рюмочку пропустить. А мы тут пошушукаемся.

– Так бы сразу и сказал. Шушукайтесь, я смотреть не буду, – ответил Гоша, отворачиваясь.

Алексей увел Машу в спальню, насильно усадил её на застеленную кровать, крепко поцеловал и присел у её колен на корточки. Поцеловал так, что Маша поняла – он с ней прощается. Она погладила его по спине, прошептала в ухо:

– Все будет хорошо, Алёшка.

– Я знаю – и тебя, и что всё будет хорошо, – тоже шепотом ответил он. – А теперь вернемся к прозе, Маша. Дорога у тебя будет дальняя, деньги, какие у тебя будут, ни в сумочку, ни в рюкзак, ни в чемодан не клади. Всегда держи их при себе и в разных местах.

Маша усмехнулась:

– Да на мне не так уж и много места, Алёша.

– Много, много, просто ты сама об этом не знаешь, – подначил Алексей. – В лифчик и в трусы не прячь. Понятно?

– Ну, ты даёшь! А куда же ещё?

Алексей вытащил из кармана пачку эластичных бинтов и кольцо клейкой ленты.

– У женщин те места, что прикрываются лифчиками и трусиками, самые вожаделенные, особенно для мужиков. Ты уж мне поверь. Так что деньги на карманные расходы держи лучше

в кармане, потому что все воры знают, что женщины таскают деньги в сумочках. А воров и лохотронщиков сейчас в крупных городах столько, сколько блох на собаке не бывает.

– Ты меня пугаешь, Алёшка.

– Ты сколько в Москве не была?

– Ну, давненько, конечно. Хотя, вот когда к Сашке ездила...

– Вот потому и пугаю, потому что, как известно, пуганая ворона и куста боится. Впрочем, лишние деньги будешь приматывать клейкой лентой к ногам или рукам и надевать на эти места эластичные бинты, получается вроде повязки. Проверено, это самые надежные места и подозрения не вызывают. Дальше. Крупные деньги при первой же возможности поменяй на мелкие, только не на улицах, а в обменном пункте, и не спеши менять на рубли. Ну, тут тебе объяснять не надо.

Маша засмеялась:

– Ой, какой ты у меня умненький и жадненький Буратино! – Она шаловливо всплеснула руками и обняла Алексея за шею, еле сдерживая слезы. В это время в прихожей послышался шум. Алексей тихонько отстранил Машу.

– Ну, пошли, мать, видать, гости заявились.

Галина уже сидела на кухне за столом и метала в рот все, что послал ей Бог и машин холодильник. При этом она трещала, как сорока, защищающая своё гнездо:

– Ты, Гошка, у нас неприкаянный, растрепанный, неухоженный какой-то, от тебя пещёрой несет. Тебе бы дубинку в руки, шкуру на голую задницу и питекантропочку посисястей – вот это твоё! А ты болтаешься в нашей цивилизации, как говяшка в море, и не знаешь, к какому берегу прилепиться.

Гоша слушал её болтовню с улыбкой на лице, с наслаждением даже, как слушает искусственный слушатель арию в исполнении Паваротти или Карузо. Маша вошла на кухню и тут же цыкнула на подругу:

– Галка, хватит задираться! Ну что ты мужика теребишь, равнодушна, что ли?

Галина взвилась:

– Это я-то, к нему равнодушна?! Ха!

– Ну, ха, так ха. А вот только к твоему берегу почему-то никакая говяшка не пристала. – Маша повернулась к Гоше. – Гоша, хоть ты бы приручил эту дикую женщину.

Гоша довольно ухмыльнулся:

– Попробовать можно.

Галина пообижалась ровно минуту, а потом затараторила снова. Но её уже никто не слушал, все ждали, что придёт ещё кто-нибудь. И гость не заставил себя ждать. Гриша Парятин был как всегда точен. Хозяйка пригласила его к столу и налила водки. Гриша взял в свою пятерню, похожую на экскаваторный ковш, рюмку и выдохнул:

– Ну, Маша, семь футов тебе под килем.

Выпив, он степенно отправил в рот ложку салата, прожевал и протянул Маше конверт:

– На, старушка. Можешь не считать, тут и зарплата и отпускные. Ты уж там не задерживайся, в срок ждём к родным берегам.

Пока сидели на дорожку, Маша делала Галине последние наставления:

– Цветы не забудь поливать... Раз в неделю, не больше, а то сгниют... Дверь на оба замка закрывай... Пыль протирай и проветривай... Холодильник размораживать не забудь, в нем лед быстро намерзает...

– Ой, да отстань ты, репей, – отмахнулась лениво и рассеянно Галина. – Будто я первый раз.

Московский фирменный поезд уже стоял на первом пути, когда они подъехали на Лёшкиной машине к вокзалу. На привокзальной площади и на перроне царили суета, прощальные

наставления, плачи, крики, стоны и молчание. Электрические часы на фасаде здания давали ещё двадцать минут на прощание. Лёшка, подтащив чемодан к вагону, куда-то исчез.

Маша не любила этих ахов и вздохов при прощании, но сейчас с умилением смотрела на своих друзей и непрерывно улыбалась, не замечая, что похожа в эти минуты на бледную глупую куклу.

– Ты, Маша, понапористей там с военными бюрократами, они кроме командного голоса другого языка не понимают, – потрясая кулаком, напутствовал её «растрёпанный, неприкаянный» Гоша. – Это они с виду только такие открытые: заходите, мол, милости просим, пожалуйста, а на самом деле попасть к ним, что к Богу на прием. Или как в элитный ресторан – мимо швейцара без десятки не пройдёшь...

Галка, схватив подругу за руку, прижалась головой к её плечу и, как ни странно, молчала. Маша знала такое её состояние: это означало, что душевное смятение парализовало на время её бойкий язычок, и теперь подружка отойдёт, когда поезд тронется.

Парятин стоял чуть поодаль, широко, по-моряцки, расставив ноги и засунув кулачищи в бездонные карманы штанов, где бутылка водки чувствовала бы себя, как камешек в двухсотлитровой бочке. Он ничего не говорил, а лишь тихонько насвистывал «Прощание славянки», и Маша знала, что так он прощается с ней. Наверное, в эти минуты он вспоминал, как когда-то уходил в далекие походы на корабле.

Но где же Лёшка? Маша огляделась и увидела, как из-за будки «комка» с каким-то венником в руке выскочил Алексей. Кожаной кепки на нем не было, и лысина блестела от пота. Он подбежал к Маше, сунул ей в руки «веник», который оказался огромным букетом белых хризантем, и просто сказал:

– На, это тебе, Машенька.

– Зачем? – сморозила Маша.

– Как зачем – продавать будешь!

Все засмеялись. Маша глупо захлопала натушенными ресницами и бросилась к Лёшке на грудь.

– Лё-ё-ё-шень-ка, прости! Я думала совсем о другом! Ой, да ты простудишься! Где ж ты кепку-то потерял?

– Да ну её, кепку эту, – отмахнулся Алексей. Он обнял её и шепнул: – Я знаю, о ком ты думаешь, милая моя. Передавай ему большой – большой привет и скажи, что если он, поганец эдакий, будет надо мной издеваться в письмах – задницу надеру!

Прокричал тепловоз, чуть поддернул поезд, и загрохотавшие сцепки подали знак к последним прощальным поцелуям и объятиям. Перрон загудел, завыл, заплакал, засмеялся, закричал, и половина человеческого роя полезла в легки вагонов.

Маша быстро со всеми расцеловалась, оттолкнула их от себя и, подхватив сумочку и чемодан (рюкзак ещё раньше затащил Гриша Парятин), полезла по железным ступеням. Найдя в купе место, села у окна. И только сейчас, через стекло, она услышала истеричный голос любимой подруги. Галина словно очнулась от спячки, она прыгала у вагона, махала руками и кричала, перебивая все шумы станции:

– Машенька, за квартиру не беспокойся! Буду убирать, поливать цветы, закрывать на два замка! Обязательно напиши или позвони! Сашку поцелуй от меня!

Сцепки тихонько лязгнули, и перрон вместе с людьми покотился назад, а Галка бежала рядом и все прыгала, дергая руками за мочки ушей, показывая на карманы, прижимая кулачки в зеленых варежках к груди и посылая воздушные поцелуи. Маша махала ей рукой, пока её фигура не растаяла в темноте. Вскоре потух и вокзал, и сам город, а Маша все сидела у окна, подперев ладонью подбородок и уставившись заплаканными глазами в темноту.

Она вспоминала этих милых и дорогих её сердцу людей, которые расцветили её жизнь, и не знала, что Гошка, этот рыжий, лохматый бомж, так и не продал её «япончика», а дал ей

под него свои деньги, потому что не любил не сдерживать слова; она не знала, что на работе ей не выдали ни получки, ни отпускных, потому что в кассе осталось всего две тысячи остатка, и Гриша принес ей то, что собрали её коллеги по работе; она ещё не знала, что в правый карман её пальто Галка потихоньку положила свои любимые золотые сережки с бирюзой; она не знала, что букет хризантем, который лежал перед ней на столике, Лёшка насобирал у всех торговков и бросил им все деньги, которые у него были с собой, потому что боялся опоздать проводить Машу. Она не знала многого, эта ещё молодая мать солдата, потому что все испытания были у неё впереди.

Часть вторая

1

Москва! Ах, как ласкает этот звук слух провинциала, который влюбляется в неё без памяти по буклетам, открыткам, кинофильмам и телевидению, по слухам, по Гиляровскому, по захлебывающимся рассказам знакомых, которые, побродив по Красной Площади, по ГУМу, по ВДНХ, по Тверскому бульвару, по рошам и паркам Сокольников, утверждали, что красивее города на земле нет. Ах, какие там метро, дворцы, архитектурные ансамбли, храмы, концертные залы, улицы, площади! Ах, ах! И вокзалы. О них упоминалось, как о большом фасаде, надвигающемся на тебя во время прибытия в первопрестольную. О них почти ничего не рассказывали, человек вроде бы здесь был и вроде бы не был. Так, пробежал от поезда до метро. Но это для провинциалов. А для коренных москвичей вокзалы – это целый мир. О них можно писать поэмы, романы, эпопеи, саги, и всё равно ничего не расскажешь.

На Казанском, покрытом огромным, гулким металлическим сводом, где на следующий день оказалась Маша Святкина, кишел человеческий муравейник. По перронам туда и обратно бегали цепочки людей: с рюкзаками, с тележками, с цветами, с чемоданами, с узлами, с мешками. И в этом скопище невозможно было отличить, кто из них провожающие, кто отъезжающие, гости или хозяева, челноки или воры. И всех здесь встречали извозчики с тележками, пирожницы, мороженщицы, цыгане, бродяги, попрошайки, милиционеры. Повсюду стояли киоски с орущими динамиками, штабеля ящиков с пивом, лимонадом, коками и пепсями, и тепло и толсто одетые тетки зазывали покупателя к своему товару. Рядом со всем этим добром высились горы и кучки мусора, и хотя дворники добросовестно шоркали метлами по асфальту, его почему – то не убывало.

К Маше поднырнул носильщик в фуражке с кокардой:

– Помочь? Мы мигом!

– Нет, меня встречают, – не моргнув глазом, соврала Маша.

К ней боком подошла цыганка, и хотя она говорила с Машей, глаза её косили в сторону милиционера, который стоял со скучающим видом и зевал:

– Женщина, купи, милая, кофточку, дешево отдам. Чистая шерсть, ангорка. Бери, не пожалеешь.

Маша ответила коротко «нет», подняла чемодан и спустилась вниз, сдала багаж в камеру хранения, купила жетончик в метро. Как провинциалка, не раз побывавшая здесь, Москву она знала неплохо, но в министерстве обороны ей бывать ещё не приходилось. Спросила дежурную у турникета. Та сразу завопила:

– У-у-у, милая, я сама тут уже третий год проживаю... Эй, ты куда нарыбился?! – заорала она на парня, который пытался преодолеть барьер без жетона. – Я щас мигом в милицию тебя определю, прохвост эдакий! – Она снова повернулась к Маше. – Так вот я и говорю, что сама уж который год тут проживаю, к дочери жить переехала, а свой дом с трудом нахожу. Тут столько этих коробок понатыкано, одну от другой не отличишь.

Маша поняла, что словоохотливая старушка нашла в ней отдушину на службе и, быстро поблагодарив, отошла. Милиционеров как назло, она здесь не увидела, обратилась к одному, второму, третьему прохожему, но у всех был короткий ответ: не знаю. И тут к ней подошел седой, пожилой мужчина в черном пуховике, спросил:

– Вам чем-то помочь?

Маша объяснила свои затруднения. Мужчина потёр пальцами и назвал цену. Торговаться она не стала, отдала десять тысяч рублей, и уже через минуту была вооружена необходимой информацией.

Главное здание минобороны, построенное, видно, ещё в сталинские времена, вычурное и тяжелое, напоминало усталого, старого льва, прилегшего отдохнуть, да так и не вставшего на лапы с тех пор. У фасада с огромными, высокими дверями стояли ряды сверкающих лимузинов, а из здания и в него беспрестанно сновали люди. К её удивлению, большинство из них были в цивильной одежде и совсем не походили на генералов и маршалов.

Как она и ожидала, сюда её не пустили. Тогда она стала тыкаться во все другие двери, пока одна из них не распахнулась перед ней.

Маша вошла внутрь, и шум улицы тут же стих, огороженный толстенными дубовыми дверями. Из холла между двумя рядами лифтов вверх поднималась широкая мраморная лестница с красной ковровой дорожкой. Справа, за стеклянной перегородкой, сидел офицер и пилил свои ногти. Маша подошла к окошечку и продемонстрировала знание воинских званий:

– Здравствуйте, товарищ майор. Подскажите, пожалуйста, как мне попасть в общественную приемную?

– Вы как сюда? По какому вопросу? – грозно спросил майор.

– Понимаете, я насчет сына.

– С ним что-то случилось?

– Н-нет. То есть да. Я... я не знаю, – проямлила Маша.

– Да что же вы, голубушка, ничего не знаете, а сами идёте искать то, не знаю что.

– Видите ли, я думаю, что он сейчас в Чечне.

– В Чечне? А в каких войсках он служит? – Внезапно майор напрягся, встал и изобразил на лице что-то наподобие улыбки. – Извините.

Маша проследила за его взглядом и увидела спускающуюся по лестнице ослепительной красоты женщину лет тридцати. Она спускалась легко и непринужденно, словно находилась на подиуме театра мод, и было видно, что она несла свою красоту не на показ, а просто потому, что красота была второй её кожей, как у тигрицы собственная полосатая шкура. Восхитительное длинное голубое платье из шелка при каждом шаге играло, словно легкая прибрежная волна при спокойном бризе, и открывало внизу изящные, под цвет платья, туфли на шпильках, стройные ноги чуть выше восковых икр, а наверху то, что могла открыть самая рискованная женщина.

На минуту рядом с ней Маша почувствовала себя золушкой и украдкой завистливо вздохнула. Дама непринужденно подошла к раздевалке и с легким кивком приняла у гардеробщицы шикарную меховую шубу. Майор выскочил из своего аквариума, угодливо помог ей одеться и дежурно улыбнулся. Не глядя на него, красавица пропела:

– Миша, передай Владимиру Георгиевичу, что я займу его машину с водителем на два, нет, на три часа.

– Сделаем, Альбина Викторовна, не беспокойтесь. А он вам разрешил? – с сомнением спросил майор.

– Ты что, мне не веришь?

Миша стоял рядом с Машей по стойке смирно и провожал взглядом чудо в шубе, пока оно не скрылось за дверями. Как только красавица исчезла из его поля зрения, Миша как-то сразу обмяк, укоризненно, как показалось Маше, посмотрел на невольную свидетельницу его позора и снова зашел в будку. Ей даже показалось, что губы его немо воспроизвели один из знаменитых русских матерков. Она услышала в его голосе еле заметную стервозинку, когда он переспросил её:

– Так в каких войсках служит ваш сын?

Маша уже поняла, что майор не простит ей свидетельства своего позора, и коротко ответила:

– Спецназ.

– Послушайте, женщина, у нас сейчас везде спец и везде наз. Конкретнее можете сказать: он танкист или парашютист?

– Нет, нет, у них береты ещё такие, знаете... красные.

– Вон что. Краповые, – снисходительно поправил её майор. – Тогда вы не туда попали. Вам нужно в управление МВД.

Получив дополнительные знания о том, что внутренние войска – это не вооруженные силы, но в то же время там служат, как в армии, и новый адрес, Маша Святкина вышла из здания. На свежем воздухе она почему-то сразу почувствовала голод и одновременно позывы к очищению желудка и мочевого пузыря. Но если с тезезаправками дело обстояло, можно сказать, хорошо, потому что по всей улице насколько хватало её взгляда, блестели, сверкали, сияли, манили вывески и витрины с аппетитоповышающими названиями, то с туалетами была напряженка.

Спросить она стеснялась, а в пределах видимости этих нужных заведений не наблюдалось. Маша долго металась между домами и дворами, пока не наткнулась на старую двухэтажку, зажатую между двумя высотками, и пока её не прижало так, что терпеть дальше было невозможно. Тогда она плюнула на все этикетки и, найдя за домом старую, заброшенную котельную, присела за забор и прямо там облегчилась. Довольная совершенным, она вышла из-за забора и тут же услышала над головой недовольный старческий голос:

– Нашли уборную! Весь двор провоняли, не продохнуть!

Маша, склонив голову, чтобы спрятать свои глаза, побежала к проезду, а сзади до неё все доносилось:

– Бесстыдники, бессовестные! И когда только прикроют это безобразие. Ведь сколько раз звонили, писали, и всё как об стенку горох. А тут люди живут, как в сортире. Безобразие...

Высочив на центральную улицу, Маша воровато огляделась по сторонам – не слышал ли кто визга старухи! – и направилась в первую же забегаловку. У входа в кафешку она увидела телефон-автомат и вдруг вспомнила о своей старой знакомой актрисе, с которой она познакомилась в Крыму на сборах.

Тогда их команде предстояли ответственные международные соревнования, и начальство загнало их на карантин. Все стрелки тренировались до рези и темноты в глазах, из санатория их не выпускали. И однажды Маша сбежала и решила устроить себе небольшой праздник. Она сидела в небольшом открытом кафе на самом берегу моря и долго глядела вдаль, чтобы «замыленные» глаза отдохнули от мишеней, надоевших тренеров и четырех стен, окруженных высоким железобетонным забором. Там-то и под села к ней молоденькая девушка или, как она представилась сама, Ксения Вострова, московская актриса.

Сошлись они быстро, потому что между ними было много общего: молодость, усталость от работы и своих патронов (оказалось, что Ксения приехала на съемки эпизода для какого-то фильма, помреж не давал ей проходу со своими приставаниями, и она сбежала от него). Они щебетали о прекрасных южных ночах, о тёплой, ровной погоде, о надоедливых мужиках, приехавших на юга половить в мутной воде «стерблядей».

Ксения была прекрасной рассказчицей, она веселилась и хохотала над самой собой, представляя в лицах каждое действующее лицо очередной истории. Но тогда Машу поразила её рассказ об актерской работе. Ей действительно интересно было узнать о всенародно любимых актерах и режиссёрах, о закулисной войне, где слабые съедали сильных и известных, где плелись интриги и заговоры, и все это походило не на жизнь, а на кино с захватывающим сюжетом.

Сама Ксения работала в одном из московских театров, несколько раз снималась в эпизодических ролях и однажды – во второстепенной, но яркой, но фильм этот так и не вышел в прокат по каким-то идеологическим соображениям. Но одно наблюдение актрисы Маше запомнилось почему-то на всю жизнь. Ксения, удивлённо раскрыв карие глаза до размера пальтовых пуговиц и отчаянно жестикулируя, говорила:

– Ты представляешь, Маша, я, оказывается, себя раньше и не знала. Мы всегда как-то принижаем или идеализируем себя: слушаем только себя, видим в зеркале только себя, ощущаем только себя, страдаем внутри себя. А когда я увидела свои первые кинопробы и себя на экране со стороны, то чуть не грохнулась в обморок. Оказывается, я совсем не такая, как думала о себе. Ты понимаешь, на экране жила совсем другая женщина, её профиль напоминал мне какого-то монстра из фильмов ужасов, движения у меня были резкие и жесткие, как будто на экране двигался не человек, а кукла. А ведь я считала свои движения необыкновенно мягкими и женственными, даже царственными, божественными. А ноги! Собственные ноги я считала красивыми. А тут увидела две бледные сосульки, свисающие с розового карниза. Ты представляешь! Но главное – голос. Он был совсем чужим! Я понимала, что модуляции, передающиеся по воде, по воздуху и по телу, воспринимаются совершенно по – разному. Но то, что я услышала, было просто ужасно – голос у меня был писклявым и до тошноты слащавым. Ты понимаешь, Маша, именно тогда я поняла, что вовсе не совершенна и стала работать над собой. А лепить самого себя намного труднее, чем кого-то другого, ты уж мне поверь.

После Крыма Маша несколько раз встречалась с Ксенией здесь, в Москве. Она вышла замуж за какого-то известного кинооператора и жила теперь в другом районе. С момента последней их встречи прошло лет десять, номер телефона в записной книжке был старый, но Маша все же решила позвонить. Долго никто не отвечал, затем пропитой мужской голос грубо спросил:

– Кого надо?

– Здравствуйте, – замешкалась Маша от прямой грубости.

– Ну, здорово, здорово. Кого надо, спрашиваю?

– Мне бы Ксению Вострову.

– Какая ещё Вострова! Нет у нас таких.

– Актриса, актриса Вострова! – в отчаянии закричала Маша.

– А-а, артистка-то. Сейчас позову. Эй, Ксюха, тут тебя кто-то к трубе требует, – послышался отдалённый крик. Через минуту раздался совсем незнакомый, хрипловатый голос:

– Да. Слушаю. Да слушаю же! Говорите!

Маша растерянно спросила:

– Это Ксения, Вострова?

– Да, да, слушаю. Кто это?

– Это Маша, Маша Святкина! Ты помнишь Крым? Мы с тобой сидели у моря, в кафе. – Маша чувствовала, что Ксения с трудом вспоминает о ней, и наводила её своими вопросами. – Ну, помнишь, мы с тобой на стендах из винтовки стреляли!

Наконец из трубки донеслись всхлипы и бормотания:

– Машенька, милая, да как же ты... Позвонила, вспомнила, спасибо, родненькая! Ты где, в Москве? Приезжай срочно ко мне, понимаешь, срочно! Ты помнишь, где я жила? Прошу, приезжай...

Чтобы прервать эту истерику, Маша коротко ответила «хорошо», повесила трубку и посмотрела на часы. Три – двадцать. Так, в приемную МВД она уже сегодня не попадет. Через полчаса Святкина была у старинного здания из красного кирпича, где, по – видимому, при царях жил какой-нибудь пузатенький купец, и стучала в обшарпанную дверь, потому что кнопка звонка была разбита.

2

Открыла ей незнакомая худенькая женщина в застиранном зелёном халате и в тапочках на босу ногу. И если бы не глаза, Маша ни за что не узнала бы в ней ту живую, полную жизни, радости и веселья Ксению. Не произнёс ни слова, они прижались друг к другу и долго стояли у порога. Наконец Ксения стряхнула с лица слезы и потащила Машу за собой:

– Ну, пойдем ко мне, Машенька, а то я тут совсем простыну.

Длинный, высокий коридор коммуналки был заставлен и завешен от пола до самого потолка раскладушками, колясками, санками, ваннами, оставался только узкий проход, через который мог пройти лишь один человек. Тусклая, 25-ваттная лампочка, свисающая с желтого потолка на длинном шнуре, была похожа на засиженную мухами луну. В квартирке Ксении, состоящей из двух небольших комнат и темной кладовки, превращенной в кухонку, веяло одиночеством, тоской и запустением. Старинная лепнина на высоких потолках казалась здесь лишней, даже кощунственной. Изразцовый купеческий камин, возле которого стояло черное пианино с двумя резными змеями, закрывающее низ сводчатого окна, зиял открытой черной пастью, словно он только-только проснулся, зевнул да так и забыл закрыть от удивления огромный рот.

Раздевшись, Маша села за большой круглый стол на четырех резных ножках, а Ксения тут же убежала на кухню. И уже оттуда гостя услышала прежний звонкий голосок, правда, с простудной хрипотцой:

– Я знаю, Маша, ты голодная. Не спорь, не спорь, я вижу. Когда человек голодный, у него блестят глаза. Ты видела когда-нибудь голодных людей? У них потухает взгляд, а глаза постоянно что-то ищут и блестят, как у лихорадочных. Таких, Маша, в Москве сейчас очень много, особенно детей. Такое сейчас время... Ты знаешь, я как будто попала в прошлое, во времена гражданской войны, голода и военного коммунизма...

Маша слушала её болтовню и горько усмехалась – была ли она когда-нибудь голодной! Первый год в детском доме она постоянно была голодной, как новобранец в армии. Нет, еды хватало, но всегда недоставало, казалось бы, пустяка, того, чего у неё всегда было в достатке дома: пирожка, мороженого, морса или сидра, сорванной с куста ягоды, пареной тыквы или вишневого варенья. Поэтому в первый же день, когда она очутилась на свободе, она ходила по рыночным рядам, улицам, столовым и ела, пила, и снова ела и пила. А когда она осталась совсем одна с маленьким Сашкой на руках, она дошла до того, что воровала огурцы, помидоры, капусту с машины у соседнего магазина, собирала пустые бутылки и сдавала их, чтобы купить хлеба и манки, ездила в соседний колхоз в заброшенный сад и собирала там фрукты и ягоды. Это уже потом, через год, её снова нашел уже старенький дядя Вася, привел в спорткомитет, выбил комнату в общежитии и ясли...

Под куриный суп, горячую тушеную картошку, несколько ломтиков сыра и колбасы они выпили бокал кислого, но хорошего вина. Ксения тут же поинтересовалась:

– Ты надолго в Москву? По делам?

Маша рассказала о своей беде, о Сашкином письме и о том, как решила поехать к нему, а потом спросила:

– А как ты жила эти годы?

– Как видишь. – Ксения окинула взглядом комнату. – Все возвращается на круги своя. Ты же знаешь, что я вышла замуж за оператора Володю, с которым мы вместе часто бывали на съемках. Он хороший человек, добрый, талантливый, общительный, веселый. Режиссеры его любили и уважали, приглашали в свои картины. А потом... – Ксения вздохнула. – Потом началась перестройка, переделка, перековка и всякое другое. И мой Володя решил заняться бизнесом. Нет, я не против бизнеса, – замахала Ксения руками, – я тоже понимала, что старая система своё отжила, загнила, провоняла. Хотя сама по себе советская система была великолепной: бесплатное образование, квартиры, лечение. Всё это так. Вся беда в том, что она не вписывалась в общемировую систему и досталась этим дуракам – коммунякам. Эх, какую страну просрали, говнюки!

– Ты прямо как политолог, – засмеялась Маша.

– Ты угадала, мой отец действительно политолог, правда, не такой известный, какие мелькают сейчас на экранах. Он предрекал крах этой системы задолго до всяких перестроек, Горбачевых и Ельциных, правда, в пределах семейной кухни, но разве это принижает значение его

предсказаний. Ну да Бог с ней, с этой системой, она уже умерла и вряд ли скоро вернется. Хотя мой отец убежден, что за этой системой будущее, только в сплаве с рыночной и государственной экономикой. – Ксения засмеялась. – Вот куда залезли! Ты не куришь? Бросила? Молодец! А я закурю, ты уж извини,

Ксения налила ещё вина:

– Давай-ка, Маша, ещё по одной, а уж потом я закурю. Ты знаешь, я уже сто лет так хорошо не сидела. С тобой так спокойно, так просто. Мне так надоели артистические тусовки и капустники. Там одни разговоры: об умирающем русском кино, о маленькой зарплате, о трудной доле русского артиста, который несет в общество... Тьфу! Одни слова, слова, слова. Понос, да и только! Надоело!

После выпитого вина Ксения с удовольствием закурила и продолжала:

– Ну и вот, мой Володя решил заняться бизнесом. Он все куда-то бегал, с кем-то говорил, где-то доставал деньги, что-то покупал, что-то продавал. Я совершенно не интересовалась, чем он занимается. Ну, знала, конечно, что делает пиратские копии и оптом сбывает их уличным торговцам. Ну и что же, сейчас многие так делают! Но все чаще у нас стали раздаваться многозначительные звонки: где Володя, когда придёт, где он сейчас. А он и правда пропадал по нескольким дням. Я понимала – бизнес требует не только денег, но и времени. А потом стали угрожать, и я поняла, что на него наехали братишки.

Однажды он пришел ночью, часа в три, как вор, через соседний подъезд, через крышу, и я поняла, что дела его совсем плохи. Он долго плакался, а часа через два ушел, оставил мне портфель и сказал, чтобы я его припрятала вот в этой самой квартире и никому не показывала до его возвращения. Мол, недели через две – три все утрясется, и все будет хорошо. Через несколько дней я посмотрела, что же лежит в этом портфеле – видеокассеты. Решила от скуки прогнать через видик, хотя я ненавижу эту голливудскую дребедень со стрельбой, всемирными катаклизмами, половыми актами и стандартным набором слов, когда герои стоят у взрывающегося небоскреба и говорят друг другу: йес, окей, ай ла вью.

Ксения занервничала, Маша увидела, как у неё задрожали руки, когда она прикуривала новую сигарету от первой. Наконец она справилась, уронив на подол халата искры.

– Ты не представляешь, Маша, какой это был для меня шок! На кассетах была порнография, нет, не порнография, а скотство, безумие, идиотизм! Даже не знаю, как это назвать. Ведь я – актриса, воспитанная на русской актерской школе Станиславского, Немировича-Данченко, на пьесах Чехова и Островского, на добром, возвышенном! А тут: мужеложество, лесбиянство, скотоложество, детская порнография. Да и не это было самым страшным для меня. В одном из эпизодов я вдруг услышала голос Володи за кадром. Я не могла поверить своим ушам! Знает, всю эту грязь снимал он, понимаешь, Маша, он!

Ксения заплакала, уронив голову на стол. Маша растерялась, не зная, что предпринять в этой ситуации, и просто молчала. Но Ксения быстро отошла, она подняла голову, вытерла лицо подолом халата и сказала:

– Ты прости меня, Маша, я просто не сдержалась... Впрочем, я просто от него ушла. Хорошо, что отец в своё время уговорил меня не обменивать вот эту коммуналку. Я просто перетасила свои вещи обратно, и вот... – Ксения обвела комнатку руками. – Как в пушкинской сказке: «Глядь: опять перед ней землянка; на пороге сидит старуха, а перед ней разбитое корыто».

Маша подошла к Ксении, обняла её за плечи и сказала:

– Ну что ты, Ксюша, какая же ты старуха. И почему у разбитого корыта?

– А потому что у меня сейчас даже работы нет. Хожу на биржу труда, получаю время от времени подачки от государства, хотя прекрасно понимаю, что никакой работы мне не предложат, потому что во всех московских театрах все актеры и сами денег не получают. Вот так вот, Маша. Правда, иногда подрабатываю в ведомственных домах культуры перед праздни-

ками, когда нужно поставить какую –нибудь инсценировку или маленький сказочный спектакль. Скоро Новый год, так что теперь я с работой, – улыбнулась вдруг Ксения, а потом вдруг добавила: – Ты счастливая, Маша, потому что у тебя есть сын. А я... Всё чего-то ждала: сначала принца, потом хорошую роль, потом славы. А теперь понимаю, что ничего этого у меня уже не будет.

Маша не умела утешать, да и понимала, что утешения иногда приносят ещё большее страдание. Поэтому она просто молчала и ждала, когда Ксения перестанет хандрить. Ждать пришлось ей недолго, скоро Ксения уже вовсю шутила, курила, рассказывала актерские байки и анекдоты, а потом села за пианино.

– Ты знаешь, Маша, я ведь когда-то музыкалку закончила, неплохо играла и пела. Сейчас, правда, уже не то, но все же... Послушай мой любимый романс.

И она запела:

– В том саду, где мы с Вами встретились,
Ваш любимый куст хризантем расцвел,
И в моей груди расцвело тогда
Чувство яркое нежной любви...

Отцвели уж давно хризантемы в саду,
Но любовь все живёт в моём сердце больном...

Ксения пела просто, даже очень просто, без надрывов и акцентов, которыми так грешат современные эстрадные «звезды», взошедшие на небосклон не столько при помощи своего таланта и мастерства, сколько за счет раскрутки богатых спонсоров. Хрипотца в её голосе нисколько не мешала, а даже добавляла грусти и щемящей сердце тоски. Маша настолько «влезла» в настроение романса, что сама чуть не заплакала при последних аккордах. Она подошла к Ксении, обняла её и просто сказала:

– Ты молодец, Ксюша. Я и не знала о твоих талантах.

Её прервал стук в стену и крик:

– Эй, артистка хренова, кончай свою тягомотину! Лучше спой «Сижу на нарах, как король на именинах...»

– Кто это? – спросила Маша.

– Это? – засмеялась Ксения. – Это Федя, сосед мой. Хороший мужик, только неприкажанный и одинокий, пьёт много. Это он так выражает своё одиночество, сегодня ему просто не с кем проговорить. Эй, Федюня! – крикнула она в ответ, – ты на меня, пожалуйста, не обижайся! Ко мне подруга приехала, хорошая старинная подруга! Я тебе завтра бутылочку красненького куплю. – За стенкой раздалось недовольное ворчание. – Ну, хорошо, тогда бутылку «столичной» – уговорил! – засмеялась Ксения.

Маша поднялась.

– Мне у тебя очень хорошо, Ксюша, но мне пора идти, поздно уже.

– Ты где устроилась?

– Я? Я... Не волнуйся за меня.

– Нет, нет, я тебя никуда не пушу, – твердо сказала Ксения. – Я не позволю тебе ночевать на вокзале среди бомжей и попрошаек или бегать по гостиницам. Ну, я прошу тебя, Машенька! Поверь, своим приездом ты устроила мне маленький душевный праздник, и ты меня нисколько не стеснишь. Нисколько, понятно?

– Спасибо, Ксюшенька, но у меня вещи на вокзале, мне даже на ночь переодеться не во что.

– Это ерунда, я тебе подберу что-нибудь из своего гардероба.

При этом слово «гардероб» она произнесла так, что стало понятно, что гардероб её состоял не из королевских платьев.

После транзитной ночи в поезде Маша уснула мгновенно и спала так спокойно, как спало ей только в детстве, в родительском доме, потому что рядом с ней находилась родственная, теплая и светлая душа...

3

Неделя «московских каникул» измотала Машу до предела. Ей казалось, что вся Москва состоит из одних заборов и перегородок – куда ни сунься, нужны деньги, знакомства, блат или постель, на что ей не раз намекали чиновники за пятьдесят. Последним обстоятельством Маша даже загордилась – значит, она ещё способна «повышать» тонус этих старых пердунов, из которых песок сыплется и за которыми можно ездить без опаски на автомобиле в гололед.

В первый же день она поехала в управление МВД России, там сказали, что нужно обратиться в секретариат, записаться на прием и ждать. Через несколько дней вдруг выяснилось, что по её вопросу ей необходимо обратиться в общественную приемную. В общественной приемной она записалась на прием, где ей снова приказали ждать. В свой час икс Маша узнала, что чиновник, который ведет прием, неожиданно заболел. Другой чиновник предложил устроить ей прием к нужному человеку, но при этом запросил такую сумму, что Маше осталось лишь скрипнуть зубами от бессилия.

А за несколько дней до новогодних праздников все общественные и государственные здания Москвы вдруг обезлюдели. Маша знала, что Москва не любит рано ложиться и рано вставать, но пустота в коридорах и кабинетах её пугала, ведь до праздника было ещё несколько рабочих дней.

Однажды Ксения, обратив внимание на её замотанный вид, спросила:

– Ну, как твои дела?

– Глухо, как в танке.

Ксения выслушала рассказ об её похождениях, подумала и предложила:

– Вот что, тридцатого и тридцать первого у меня сплошные новогодние утренники, я занята по горло. Но Новый Год мы с тобой встретим с одним хорошим человеком. Когда-то он пользовался большим влиянием в своих кругах. Говорили, что он спец по всем милицеским делам. Я с ним познакомилась на съемках сериала, где он консультировал наших тупых режиссеров-постановщиков. Там я с ним и подружилась. Дядька – супер! Представляешь, ему семьдесят лет, ну, сейчас уже побольше, всю войну прошел, осколками и пулями нашпигован, как... как ежик иголками, Рассказывали, что он семерых вооруженных преступников лично задержал! Представляешь! А орденов и медалей у него у-у-у сколько – полчемодана! Впрочем, я тебе о нем рассказывать не буду, сама увидишь.

– А он что, тебя так и ждёт?

– Да я только позвоню ему – и всё! Это же такой мировой старикан!

– У тебя с ним что-нибудь...

– Да ты что, Маша! Ну и мысли у тебя, ей Богу! Да он просто классный старикан, его душевной молодости любой юнец может позавидовать! Ну, ты как – согласна?

Маша вздохнула:

– А у меня есть выбор? Боюсь, что сама я через эти чиновничьи дебри не пролезу. Может быть... А как его зовут?

– Сергей Мефодьевич.

– Может, Сергей Мефодыч твой мне поможет.

Тридцать первого Ксения прибежала часов в семь вечера с тремя сумками в руках и с порога закричала:

– Маша, быстрее собирайся, нас машина внизу ждет!

– Какая ещё машина?

– Ну, какая, какая! Обыкновенная. Это Сергей Мефодьевич расстарался, попросил какого-то знакомого. Он считает, что женщины должны ездить в гости только на машинах. Ну, ты собралась? – доносилось из спальни.

– Да я уже два дня как собралась.

– Ну, тогда порядок.

Маша неожиданно расхохоталась.

– Ты чего? – растерянно спросила вышедшая из спальни Ксения.

– Да одного хорошего мужичка вспомнила, Гришу Парятина, мы работаем с ним вместе. У него тоже на все вопросы один ответ: «порядок» или «ну, тогда порядок».

– Так, говоришь, он хороший мужик? Тогда и я не хуже. Ну всё, побежали. Сумкихвати.

– А что в них?

– Как что? Что и положено к новогоднему столу: напитки и подарки.

Маша растерялась и застыла с открытым ртом, а потом плюхнулась на стул.

– Все, я не поеду! – На немой вопрос Ксении ответила: – Что же ты не напомнила, что что-нибудь купить надо. А я... Я совсем про всё забыла. У меня только одни думы...

– Забудь, я всё, что нужно, купила. Я сегодня богатая, в трёх местах получку получила! Ну, хорошо, хорошо, потом со мной рассчитаешься. Всё, поехали, а то упорхнет наша машина, как бабочка, и придётся нам с тобой пехом шлепать.

Молодой, веселый водитель, пока машина мчалась из ближних Черемушек по Ленинградскому проспекту и кольцевой, пытался завязать с женщинами близкое знакомство, много шутил и смеялся. А когда остановился в центре у сталинки, приоткрыв дверцу, закричал вслед:

– С новым годом, красавицы! Если надумаете, завтра можете позвонить мне. Повеселимся!

На четырнадцатый этаж лифт доставил их за минуту. Звонить долго не пришлось, на первый же крик кукушки дверь распахнулась, и Маша увидела низенького старичка в сером костюме и белой рубашке при галстуке. Он мило улыбнулся и проговорил:

– Рад приветствовать вас, дорогие гостинушки. Позвольте помочь,

Он каждой помог снять пальто. Ксения повисла на нем и, целуя в щеки, визжала:

– С новым годом, дорогой Сергей Мефодьевич, с новым здоровьем, с новым знакомством, с новым другом. Видите, сколько всего хорошего я принесла вам!

– Ну, будет, будет тебе лизаться-то, нашла бы кого помоложе. Давай, знакомь.

Ксения представила подругу:

– Маша Святкина, моя старая хорошая знакомая.

– Ну, какая же она старая, – недовольно проворчал Сергей Мефодьевич. – У неё ещё первая молодость не закончилась.

– Первая? – удивилась Ксения. – А когда же наступает вторая?

– А вот как на пенсию уйдете.

– А почему, Сергей Мефодьевич?

– Вот когда доживёшь, тогда и узнаешь.

– Ну, всё-таки? – не отставала Ксения.

– Ну, как тебе попроще объяснить... В народе не зря говорят: старость – что младость. Когда отходишь от дел, которыми ты занимался много лет, вдруг в одночасье появляется очень много свободного времени. И никаких забот, и всё у тебя есть, и и уже нет острых желаний. Вы меня понимаете? Как сказали бы в старину: человек находится на полном пансионе. Ему никуда не надо торопиться, рано вставать ну и тэ дэ. Ну чем не младенческий возраст! – засмеялся Сергей Мефодьевич. – Да что же мы в прихожей философии разводим. Сегодня же такой праздник! Проходите, душеньки. А вы, Маша, не стесняйтесь, будьте как дома.

Ксения впорхнула в гостиную первая, и Маша услышала её крик:

– Паша, ты!? Не может быть! Да откуда ты? Мы ж с тобой сто лет не виделись!

Когда Маша вслед за Сергеем Мефодьевичем вошла в комнату, она увидела Ксению, висящей на каком-то высоком, респектабельной внешности, мужчине, который, тоже не стесняясь, тискал Ксению и рычал:

– Ты всё такая же Ксюшка, хохотушка, озорнушка. Ну, как ты поживаешь, крестница? Все мужиков дуришь?

– Ой, дурю, Паша, ой, дурю! – кричала Ксения. – Так дурю, что они от меня сами дурными становятся! Ой, забыла! Паша, это моя подруга, Маша, а это Павел Смушников. Да пожмите вы друг другу руки-то!

Но Маша уже и сама узнала известного актёра, которого она знала по многим фильмам. Они сдержанно подержались за руки, а Сергей Мефодьевич пригласил:

– Ну, хватит обниматься и лобызаться. Прошу всех к столу, пора старый год провожать на свалку истории, пусть там пылится.

Мужчины выпили по маленькой коньяку, а женщинам предложили «Южную ночь», которое Маша очень любила, но уже давно забыла его вкус. Все оживились ещё больше. Ксения взяла бразды застольного правления в свои руки:

– А ты знаешь, Маша, ведь Паша мне однажды жизнь спас.

– Ну уж так и спас, – смущённо проворчал Смушников, выпячивая свою грудь. – Но если честно, то Ксюхе пришлось бы туго, если б я...

– Да погоди ты, – прервала Ксения, – я сама расскажу. Так вот. У нас были съемки в Сочи. У меня была небольшая ролишка, и в одном небольшом эпизоде я тону, и меня спасает местный мальчишка. Режиссёр «ловит» меня в кадр и кричит: «Правее! Левее! Ещё чуть левее! Дальше! Ближе!» Ну, вобщем, минут двадцать он меня бултыхал и терроризировал, сволоочь. А у меня уже силы кончаются, ведь я же не пловец на марафонские дистанции, кричу ему, что я устала. А он – искусство, мол, требует жертв. Гад такой! И тут он кричит: «Группа, приготовиться! Мотор!» А актер, который играл мальчишку, что-то замешкался. И вдруг я чувствую, что мои ноги что-то оплетает и тянет меня вниз. Я начинаю орать, кричать не своим голосом, мол, спасите, помогите, тону! А реж кричит в мегафон: «Стоп! Подожди немного, Ксюша, сейчас второй дубль начнем». Мне уже не до него, я чувствую, что мне не удержаться на поверхности и полминуты, кричу что есть сил: ” Да спасите же, я на самом деле тону!» Паша стоит на берегу и из-под ладони смотрит на меня. Потом быстро сбросил рубашку и бросился в воду. А потом помню только, что я под водой с открытыми глазами, вокруг медузы и рыбки плавают, а в ушах звон от лодочных моторов. И все. Очнулась я уже на берегу. Паша на мне верхом сидит весь потный и зелёный какой-то.

– Ага, будешь зелёным, – отозвался Смушников, – когда я тебя до самого берега вместе с неводом тащил, а потом ещё и на берегу откачивал!

– Вот, вот, оказывается, к берегу прибило кусок невода. В нем-то я и запуталась. С тех пор я и зову его крёстным отцом, – засмеялась Ксения, прильнув к Пашиному плечу.

Мужчины перемигнулись, и Сергей Мефодьевич сказал:

– Ну, душеньки, вы тут поворкуйте, а нам по-мужски надо потолковать.

Когда они оказались вдвоем, Маша окинула апартаменты, восхищенно покачала головой.

– Он что, один здесь живет?

– Один.

– Да, богато. Кто же он по званию-то?

– Генерал, кажется, – легкомысленно отмахнулась Ксения. – Или полковник. Одним словом, у него на погонах три звезды.

– И он мне поможет?

– Надеюсь. Попозже спросим. Он такой человек: если сможет что-то сделать, то сделает, если не может, то ответит «нет».

И тут из коридора донеслось пение:

– В лесу родилась елочка, в лесу она росла, зимой и летом стройная, зелёною была!

В дверь вплыли две ёлочки из алых роз, к основанию которых розовыми лентами были привязаны две большие коробки конфет. Из-за одной из ёлок выглянуло веселое лицо Паши, и он торжественно провозгласил:

– Дорогие девочки...

– Душеньки, – поправил голос Сергея Мефодьевича.

– Дорогие душеньки, – послушно исправился Паша, – от имени мужской половины поздравляем вас с наступающим новым 1995 годом.

– Замолчи, сухарь, – строго прервал его Сергей Мефодьевич. – Разве так надо поздравлять женщин. Душеньки, родные вы наши! Почему я всегда всех женщин называю душеньками? Потому что в мужчине без женщины остается одна плоть и ничего больше. Вы уж поверьте мне, старому женатику, а теперь вдовцу. Так пусть же в этот предновогодний вечер ваши души зажгут такой же пламень в наших холодных сердцах, как пламень этих роз.

– Фу, как напыщенно, – фыркнул Смушников.

– Ты ещё слишком молод, чтобы понимать, что напыщенно, а что от души.

– Не слушайте его, Сергей Мефодьевич, – закричала Ксения. – Это просто прекрасно! Мне ещё никто не дарил розовую ёлку!

Она снова повисла на старичке, целуя попеременно в синеватые от бритвы щеки. Маша смутилась, когда к ней подошел Паша и с поклоном протянул букет.

– Это вам, Маша. Пусть новый год будет для вас счастливым.

– Спасибо. Мне это как раз очень необходимо.

4

Новогодние праздники похожи в каждой кампании и в каждой семье: сначала томительное ожидание этого придуманного людьми чуда, когда минутная и часовая стрелка сольются в одну вертикальную линию и зазвучат куранты, потом хлопки пробок от шампанского, крики, поздравления, звон бокалов и... А дальше? А дальше время так же методично и размеренно продолжает свой бег, не обращая внимания на человеческую радость и суету. Времени нет дела до людей, оно продолжает свою неутомимую работу, изменяя планеты, миры, вселенные, самих людей, разрушая одно и созидая другое. Оно неутомимо, и у него нет дат, кроме одной: вечности. Время всегда вечно, оно не молодеет и не стареет, оно постоянно, как сам Мир.

Об этом думала Маша, когда они все вместе стояли на огромном балконе и смотрели праздничные салюты и фейерверки. И все-таки она пока живет в этом времени, живет в нем и её Сашка. Боже, где же он встречает свой двадцатый первый год: в землянке, в окопе, в танке, или просто спит, усталый и замученный, не обращая внимания на эту условную смену дат. У него сейчас могут быть только две даты: жив или... Маше даже в душе ужаснулась: нет, нет, второй быть не должно, не будет никогда, никогда, никогда!

Маша вспомнила, что когда Ксения подарила Сергею Мефодьевичу мясницкий аргентинский нож в кожаных ножнах с сыромятным ремненным плетением, как зажглись его глаза. А потом он показывал им свою коллекцию ножей, которая занимала целую комнату, и они были повсюду: на стенах, в шкафах, в старинных комодах. Сергей Мефодьевич рассказал, что его коллекция началась с немецкого штыка, который ему пытался всадить в рукопашной один фашист. Нож скользнул по железному портсигару, лежащему в нагрудном кармане, пробил телогрейку, содрал клочок мяса с груди, и застрял в ватине. Пока фашист пытался вытянуть своё оружие назад, молодой Сергей успел схватить того за глотку и переломить хрящ. Этот штык он тогда оставил на память.

А потом Ксения с Павлом где-то уединились, а Маша рассказывала Сергею Мефодьевичу о своей беде. Хозяин был прекрасным слушателем, он не перебивал и не требовал разъясне-

ний. Лишь в перерывах, когда Маша умолкала, собираясь с мыслями, он задавал наводящие вопросы. Выслушав её историю, он сказал:

– Вот что, душенька, обещать я тебе ничего не буду. Хотя я и генерал, – а генералов в отставке не бывают – и у меня много связей, но, сама понимаешь, годы уносят друзей и бывших сослуживцев в мир иной. Скоро я сам там буду. Вот это правильно, что ты мне не говоришь, мол, вы ещё молодой, здоровый, проживете ещё о-го-го сколько! Нет, душенька, у всего свой срок. Сейчас новогодние каникулы, и продлятся они ещё дня четыре, так что на работе вряд ли кого застанете. В разные общественные приемные ходить не советую, они созданы для отвода глаз, чтобы угодить разным правозащитникам, которые борются не только с неудобным им режимом, они борются с любой властью, какая бы хорошая она не была. У этих людей такая харизма – бороться, бороться и ещё раз бороться. А с чем или с кем – это неважно.

Скоро появилась Ксения, розовая от румянца и довольная, словно мартовская кошка. У неё даже голос помягчел, она только что не мурлыкала и не терлась об Павла, который появился вслед за ней с таким невинным видом, будто они игрались в кошки-мышки.

Провожал их один Павел. Сергей Мефодьевич расцеловал обеих у порога и сказал, что с недавних пор после виновозлияний его почему-то тянет не к женщинам, а ко сну. Москва не спала, она гуляла, смеялась, дралась, кидалась в снежки, влюблялась, сходила с ума, пела, плясала, иногда ругалась и снова мирилась. Работали все бары, кафе и рестораны, стараясь опустошить кошельки благодушных горожан. Улицы сверкали разноцветными огнями реклам, ёлочных гирлянд, фейерверков, фонарей и человеческими улыбками.

И никто ещё не знал, что главный генерал страны в эти минуты на улицах Грозного преподносил себе подарок к дню рождения и отмечал новый год фейерверками из орудий, кострами из бронетехники и живого человеческого мяса, сотнями трупов солдат, офицеров, чеченских боевиков и мирных жителей. Москва беззаботно веселилась и гуляла, уверенная в том, что пламя той начавшейся далекой войны не опалит стен древнего Кремля, не затронет судьбы москвичей.

Маша и Ксения уснули, уверенные в том, что так удавшаяся новогодняя ночь сулит им радость, покой и блаженство на весь год, ведь по народным приметам: как встретишь новый год, таким он и будет.

Но уже на следующее утро у страны наступило похмелье от вина и опьяняющих вестей с Кавказа: российские войска с боями вступили в мятежный Грозный и методично и уверенно, улицу за улицей, дом за домом освобождают его от незаконных вооруженных формирований, восстанавливая конституционный порядок. Опьяненные свежей кровью сенсаций, журналисты телеканалов показывали правду о войне, процеженную через сито военной цензуры. Словно гиены, почувствовавшие запах свежей крови, на Кавказ устремились полчища операторов, журналистов и корреспондентов со всего света. На полосах газет и на экранах замелькали кровь, горе, грязь – то, что называется лицом войны.

У счастливой Ксении не было ни радио, ни телевизора, и потому Маша ещё несколько дней была в спокойном неведении относительно событий в Чечне. За два праздничных дня они перегостили у всех знакомых, сходили на концерт новоявленной эстрадной дивы, после крика которой у Маши всю ночь болела голова, и посетили выставку новомодного художника, который своей мазней пытался донести до своих почитателей свой богатый духовный мир.

Ошарашил её Сергей Мефодьевич, когда она вместе с Ксенией пришла к нему, чтобы узнать о Сашке хоть что-нибудь. Сергей Мефодьевич усадил их за чай, долго приглядывался к Маше, потом сказал:

– Вы, Маша, видно, телевизор не смотрите и газет не читаете.

Маша виновато улыбнулась:

– Праздники же, да и у Ксюши ничего этого нет.

– М-да. Значит, вы не знаете, что происходит сейчас на Кавказе. – Маша поставила чашку на стол и застыла в предчувствии неприятного. Сергей Мефодьевич заметил её напряжение и поспешил успокоить: – Нет, нет, Маша, про вашего сына я ничего определенного не узнал. Только точно могу сказать, что внутренние войска в боях сейчас не участвуют, у них другие функции.

– В боях? Каких боях? – Маша побелела. – Это там?

– Да, да, душенька, на Кавказе началась самая настоящая война. Бои в Грозном, очень много жертв. – И с горечью добавил: – Никогда не думал, что придётся воевать нашим внукам. В сердцах Сергей Мефодьевич некрепко изругался:

– Политики хреновы! Неужели не ясно было, что с Кавказа ни в коем случае нельзя выводить войска. Надо же до такого додуматься: оставить Дудаеву всё вооружение. Да тут слепому было понятно, что оно рано или поздно выстрелит...

После этого разговора Маша уже ни дня не сидела дома. Она толкалась повсюду, надоела, требовала, стучала кулаком, плакала. Но всё было напрасно: никто ничего не знал.

Однажды, встав утром, она долго лежала в постели и после долгих раздумий поняла, что ничего здесь не узнает и не добьётся. Ну, кому она и тысячам бегающих по московским начальственным кабинетам женщинам нужна со своими горестями и страданиями. Как грубо и афористично иногда замечал Лёшка: «Кого е... чужое горе.» Лёшка, милый, надёжный друг Лёшка! Как он там сейчас? И она решила не медля позвонить домой. Боже мой, дом! Где он сейчас, этот её дом? Там, в родном городе, в Москве или на далеком Кавказе, где томилась половинка её души?

Дозвонилась она довольно быстро, но трубку никто не брал. В её квартире тоже никого не было. Маша взглянула на часы: ну, Галина, понятно, на работе, но Лёшка в это время всегда находился у себя. Побродив по шумному залу почтамта, позвонила снова. Трубку сняли сразу.

– Да, налоговая инспекция, – услышала она его голос.

– Лёша, привет, это я.

Маша почувствовала, как он вдруг замешкался:

– Маша, ты? Откуда? Ты все ещё в Москве? Как Москва? Стоит? Что там нового? Переворотов больше не ожидается? Как прошла встреча с Ельциным? Передавай ему большой привет от меня.

Ох, не зря Лёшка балагурил, не зря тянул кота за хвост. Маша резко спросила:

– Лёшка, что случилось? Говори, гад!

Алексей замолчал, шумно задышал в трубку, потом спросил:

– Ты как, мать, в порядке? А вино как пьёшь: маленькими глотками или залпом?

– Не томи, Лёша, прошу тебя, мне и так...

Она услышала, как он снова тяжело вздохнул, голос его неожиданно сел:

– Ладно, Машенька, я знаю, что ты сильная. Вобщем, вчера Галина заезжала ко мне на работу и привезла два письма.

– От Сашки?! – заорала Маша.

– Одно от Сашки.

– Что он пишет? Прочитать сможешь?

– Пишет, что все нормально, не болеет, не кашляет, живут в полевых условиях, кормят нормально. Поздравляет с Новым годом.

– Ну, слава Богу! А штамп на конверте есть? Адрес есть?

– Нет, никакого адреса. Только печать треугольная, видно, полевая почта.

– Ну, может быть, он хоть в письме намёкает, где сейчас находится?

– Нет, ничего.

– Как же так, ну мог же он хоть намекнуть, где его искать! Когда встречу, задницу надеру! Боже мой, я тут все пороги обила, чтобы узнать, где он находится, а он даже не удосужился...

– Маша, ты, пожалуйста, не ругайся, прошу тебя, – удивительно ласковым голосом пре- рвал её Алексей. – Ты понимаешь, второе письмо пришло из его части.

Маша почувствовала, как её сердце остановилось, потом ворохнулось и забило снова в предчувствии, что надвигается что – то неотвратимое и страшное. Ей показалось, что она потеряла голос, и не могла ничего сказать. Но Алексей продолжал сам:

– Вобщем, в письме сообщают, что Сашка пропал без вести. Маша, ты слышишь? Он жив! Сашка жив! Он не погиб, он просто пропал без вести! Маша, не молчи, Христа ради!

«Вот тебе и сильная», – подумала Маша, чувствуя, как сердце переполняется кровью и вот-вот лопнет, как наливается жаром голова и дрожат ноги, как в глазах плывут темные круги, а уши забило тишиной. В мозгу пульсировала лишь одна мысль: «Сашенька, сыночек, миленький мой, где ты сейчас, сыночек? Прошу тебя, отзовись хоть как-нибудь. Дай знак, успокой мое сердце». Но ничто и никто не ответил ей.

Маша не знала, сколько она стояла в оцепенении, из этого состояния её вывел чей-то толчок в плечо и далекий мужской голос:

– Вам плохо, женщина? Не могу ли я чем-то вам помочь?

Она ещё подумала: «Боже, неужели так могут обращаться к кому-то не только в кино». Она повернула голову и увидела рядом с собой невысокого пожилого мужчину в чёрном демисезонном пальто, несколько полноватого и седоволосого. Маша посмотрела на гудящую в руке трубку, на незнакомца и бескровными губами чётко ответила:

– Спасибо, со мной всё в порядке. – При этом она подчеркнула голосом слова «со мной»,

– Извините, просто я стоял рядом, тоже хотел позвонить, а вы вдруг побледнели и... – Договаривать он не стал. Маша, как она думала, улыбнулась, но губы её изобразили жалкую гримасу, и она ещё раз сказала:

– Спасибо, это со мной бывает, правда, редко. Простите, а у вас нет лишнего жетончика? Я, видите ли, не успела договорить.

Мужчина вытащил из кармана жетончик и протянул ей.

– Пожалста, нет проблем.

Маша взяла два жетона и, набирая номер, подумала: «Что за страна! Половина России умирает с голоду и замерзает, идёт война, всюду нищие и попрошайки, бандиты и воры, но даже самый последний бродяга ответит тебе: «Нет проблем». Она снова услышала голос Алексея:

– Маша, Боже мой, я подумал, что с тобой что-то случилось. Почему ты не отвечала?

– Во мне стряслось всё, Лёшенька. Но ты не волнуйся, теперь со мной всё в порядке. И отвечай только на мои вопросы, а то я жетоны взаймы взяла. Итак, где это произошло с Сашкой, какого числа и при каких обстоятельствах?

– Маша, я знаю только то, что написано в письме. Командование части сообщает, что сержант Святкин не вернулся в расположение части после очередного задания 6 января 1995 года. Это всё.

– Как не вернулся!? А на что же отцы-командиры!? Они куда смотрели!? Человек – не иголка. Что за чушь?

– Маша, я больше ничего не знаю! Ты меня допрашиваешь, как будто я там был вместе с ним и виноват в его пропаже!

Маша приспустила пары:

– Извини, Лёшенька, у меня что-то совсем расшатались нервочки.

– И ещё они пишут, что если ваш сын сержант Святкин появится дома, то пусть он немедленно явится в расположение части или в военный комиссариат по месту призыва.

– Да они что, с ума там походили, дезертиром его считают! – возмутилась Маша. – Я этому никогда не поверю, что Сашка...! Хотя лучше и правда бы он сбежал из этого бардака, – тихо добавила она. – Ты же помнишь, Лёша, как друзья уговаривали его «закопать» от армии.

Ты помнишь, что он им сказал: «Если каждый начнет косить от службы, то потом кто-то будет косить нас». Ты же помнишь, Лёша!

– Да помню, помню, что ты кричишь. Криком делу не поможешь. Но ведь отцы-командиры, как ты говоришь, этого не знают, потому и перестраховываются. И вообще, Маша, пропал – это не значит, что погиб. Ты уж мне поверь, я в Афгане всякого навидался. А Сашка мог и в плен попасть, может быть, и ранили, а его подобрал кто-нибудь, может быть, сам попал в какое-нибудь безвыходное положение, а выбраться не может. Впрочем, этих «может» может быть очень много. Так что не теряй голову, Маша! Остаётся только ждать.

– Ждать!!! – заорала Маша. – Ты с ума сошёл! Я ждать не буду, не хочу и не собираюсь! Я сама в Чечню эту поеду!

– Так я и знал, – вздохнул обречённо Алексей. – Ты звонить-то хоть будешь?

– Буду, – плаксиво ответила Маша.

– А писать?

– И писать буду, – уже со слезами на глазах ответила она.

– Ну, тогда до встречи, солдатская мать, жду тебя с Сашкой, самое позднее через неделю.

Договорились?

– Ага, – ответила Маша и положила трубку.

5

Маша купила билет на поезд до Моздока. Чтобы не расстраивать Ксению, ничего о своём отъезде ей не сказала. И когда та ушла на свою биржу за очередной, как она горько говорила, «зряплатой», быстро сбегала в магазин и оставила на столе пакеты с мукой, яйцами, колбасой, консервами, чаем, кофе, две пачки сахара-рафинада и рядом положила записищу на куске старых обоев: «Ксюшенька, большое спасибо за приют и ласку. К сожалению, вынуждена срочно уезжать к Сашке, он наконец-то нашёлся. То, что на столе – для поддержания твоего брэнного тела, чтобы твоей прекрасной душе жилось в нём тепло и уютно. Я верю, что мы с тобой ещё встретимся. Большой привет Сергею Мефодьевичу и Паше. Прощай, добрая моя подружка. Маша».

И снова грязный и гулкий Казанский вокзал, надоедливые цыганки, возбужденные, растерянные пассажиры, липучие попрошайки, бомжи и торговки. Маша нашла свой перрон, поезд, вагон. Слава Богу, что провожать её некому, она тут же предъявила проводнице билет и закрылась в купе. С кем же ей придётся коротать эти сутки?

Минут через десять в купе вошел молодой, лохотный господин высокого роста. Он сказал короткое и дежурное «здрасьте», снял с плеча и повесил дубленку, а потом по-хозяйски закинул на полку портфель-дипломат и кожаный коричневый чемодан. Взглянув на Машу, он сел за столик напротив неё и стал смотреть в окно. Следом за ним вошел низенький толстячок с потертым коричневым портфелем и авоськой, похожей на рюкзак, которого Маша мысленно окрестила «бухгалтером». Он как косточку на счетах тоже бросил «здрасьте», разделся и, попросив прощения за неудобство у лохотного, разместил свой багаж в рундуке. Несмотря на то, что на его голове не наблюдалось почти никакой шевелюры, он достал из нагрудного кармана синюю расческу и тщательно причесался, прижимая к розовой лысине три оставшихся волоска. Закончив эту процедуру, он стал нервно смотреть то в окно, то на дверь.

Маша про себя ругнулась: ну почему, черт возьми, нельзя продавать билеты так, чтобы формировались или женские или мужские купе! Хорошо, если едет одна семья – тут всё ясно и понятно, а если люди чужие друг другу, разного возраста, разных интересов да ещё разнополые. Все-таки однополые дорожные компании сходятся гораздо легче и быстрее. А тут ни переодеться, ни прокладку в трусах поправить невозможно.

Маша настороженно и даже неприязненно покосилась на дверь – кто же будет четвертым пассажиром. Если ещё один мужик, тогда хана. Она облегченно вздохнула, когда в купе

впорхнула, с треском и скрипом отодвинув дверь, юное создание, почти без юбки и в короткой дубленой куртке, которое чмокнуло «бухгалтера» в щечку и защебетало:

– Прости, папулёк, мы попали в пробку, еле выкрутились.

«Папулёк» все ещё нервничал:

– Ленуся, ну нельзя же так – в самый последний момент на подножку вскакивать.

– Но ведь я же не опоздала! – не согласилось нервное и прекрасное дитя. – До отправления ещё целых четыре минуты. Ну, извини. Я сейчас, меня там Вадик провожает.

Дочь послала «папульке» воздушный поцелуй, развернулась на высоких каблуках и уже через секунду висела на шее молодого человека, по-видимому, того самого Вадика, отчего её коротенькая юбочка поднялась вверх, обнажив розовую попку в голубых трусиках. Запрокинув красивое, молодое лицо, она счастливо и беззаботно смеялась. А Вадик изо всех сил прижимал её к себе, мял за самые «выдающиеся» места и с блудливой улыбкой что-то шептал на розовое ушко.

Маша отвернулась от окна, достала из сумочки зеркальце и попыталась привести свою причёску в порядок. Ей почему-то неудобно и стыдно было смотреть на эту смеющуюся, всем показывающую себя, молодость, словно воровала у неё что-то, ей уже не принадлежащее. Нет, она не была ханжой или брюзгливой бабакой, просто она уже знала, что наступает после вот таких сполохов призрачного счастья. По-видимому, знал это и отец-«бухгалтер», потому что он без особого умиления, даже с какой-то внутренней тревогой, наблюдал за сценой прощания дочери с Вадиком. Чтобы не выдать своих мыслей и не оскорбить отцовских чувств, Маша старалась не смотреть на мающегося отца. Но он вдруг сам взглянул на неё и с виноватой улыбкой сказал:

– Вот она, бесшабашная, свонравная молодость, ей нипочем будущее, она живет одним днём, тем и счастлива. Вы меня извините, нам предстоит долгая совместная дорога и нам за это время как-то придётся обращаться друг к другу. – Он слегка наклонил голову. – Меня зовут Семёном Михайловичем. Как Буденного, чтобы легче было запомнить.

У лощёного оказался теплый, даже ласковый, баритон:

– Я согласен с Семёном Михайлычем. Зовите меня Виктором.

– Маша, – представилась Маша, – или Мария Петровна, кому как удобно.

Семён Михайлович засмеялся:

– Все же на Машу вы больше похожи.

Маша в ответ лишь вежливо улыбнулась.

Наконец перрон потихоньку поплыл, а вместе с ним поплыли растерянные лица провожающих, забытые цветы, вагоны, стоящие в тупиках и на запасных путях, старые красные здания, изгороди, заборы, мосты, речки. А уже через полчаса за окном мелькали лишь голые лесополосы, прячущиеся за ними деревеньки, телеграфные и электрические столбы да заснеженные поля с занесенными скирдами соломы.

Все трое молча глядели в окно. Звонкий голосок дочери Семёна Михайловича доносился из коридора – видно, она уже успела забыть о московском Вадике и теперь заводила новое знакомство. Когда прошла первая магия очарования путешествием, когда пассажир смотрит в окно и не может оторваться от оживших пейзажей, Семён Михайлович встал и спросил Виктора:

– Покурить не желаете?

Виктор кивнул головой и пошел к выходу, а Семён Михайлович повернулся к Маше и тихо сказал:

– Мы вернемся минут через десять-пятнадцать, так что можете располагать этим временем.

Маша про себя поблагодарила Семена Михайловича за чуткость и предупредительность и быстро переделалась в спортивный костюм, не забыв снять теплые гамаши и поправить эла-

стичные повязки на ноге и руке, под которыми хранились её деньги. Некоторую их часть в рублях, вопреки Лешкиным советам, Маша засунула в пришитый карман трусиков и в лифчик – попробуй-ка достать их в нужный момент из-под бинта, а тут – раз, и вот они, миленькие, готовы к употреблению!

Через некоторое время Маша обменялась любезностью с мужчинами, и скоро все сидели, естественно, кроме Ленуси, за накрытым столиком у окна. Каждый из пассажиров постарался, насколько возможно, быть более щедрым, и потому стол напоминал полку богатого магазина, на которой вперемешку лежали рыбные консервы и бананы, ветчина и отварная курица, коробка конфет и вареные яйца, колбаса и сыр, селедка и печенье, бутылка дорого коньяка и термос с чаем.

Но это никого не смущало. Уж таковы уклад, привычки и характер российского пассажира, который, в отличие от цивилизованного западноевропейского пассажира, привыкшего питаться в вагонах-ресторанах или на промежуточных станциях, лишь поезд отходил от станции, вытаскивал на белый свет чемоданы, тюки, авоськи, портфели, сумки и начинал поедать всё, что было в них напихано, будто до этого голодал несколько дней. Причем, иногда казалось, что пиршество могло беспрестанно продолжаться и полдня, и сутки, и трое, в зависимости от продолжительности путешествия. Лишь на три-четыре ночных часа вагон затихал, иногда пробуждаясь или ворча от громкого храпа, детского плача или стука туалетной или переходных дверей.

И ещё российского путешественника всегда тянет в дороге на философские размышления и разговоры на глобальные или, по крайней мере, государственные темы. Вот и сейчас, преодолев некоторую отчужденность первого знакомства и выпив по две рюмки коньяка, мужчины заговорили о самом больном: о войне в Чечне.

– Правильно, жать их надо, чтобы из задницы говно поперло. А то этот Дудаев совсем обнаглел. Выбрали тебя президентом – так радуйся, жируй, живи в своё удовольствие, – возмущался Семён Михайлович. – Так нет, ему этого мало! Ему абсолютной власти уже хочется. Нет, мало их Иосиф Виссарионович учил, не доучил, к сожалению.

– Не все так просто, Семен Михайлович, – отозвался Виктор. – При землетрясениях горы разваливаются, при революциях – государства, империи, царства. Примеров в истории много, последний – Югославия, да и сами мы недавно жили в СССР. Все зависит в конечном счёте от разумности людей, лидеров нации. Немцы, к примеру, из всех этих потрясений извлекли выгоду: взяли и объединились. И наплевали на все чужие проблемы!

– Ну, не знаю. – Семён Михайлович развел руками. – Может, вы и правы. Только я всё равно не понимаю, что нам с чеченцами делить, ведь жили же века вместе.

– Психология человека и народа очень похожи. Вот вы, Семён Михайлович, небось, когда женились, пытались скорее отделиться от родителей, не так ли?

– М-м, ну это совсем другое дело...

Маша слушала этот бесполезный спор вполуха, но мысли её сейчас были далеко, кокон её сознания никак не хотел разворачиваться, чтобы постигать проблемы мироздания и государственного устройства, он крутился сейчас вокруг одного: Сашка, сын, где он сейчас, что делает? Может быть, сидит в каком-нибудь грязном, тёмном и холодном подвале, со связанными руками, голодный и замерзший, или лежит в каком-нибудь госпитале без памяти, окровавленный и беспомощный. Или... Эта невыносимая мука неопределенности заставила её почти крикнуть, перебивая спорящих:

– Господи, ну неужели у наших правителей, у нашего общества не хватает разума, чтобы остановить эту проклятую бойню в Чечне!

Семён Михайлович, видно, был так разгорячен спором, что замычал и замахал руками, запихивая в рот обсахаренную дольку лимона, а когда, наконец проглотил её, с жаром закричал:

– Маша, о чём вы говорите! Разве может быть общественный или коллегиальный разум, разве может существовать общественная совесть? Да нет её ни черта! Разум или совесть могут быть у меня, у вас, Маша, у Виктора вот, у каждого из нас по-отдельности. Но не может быть усредненной совести и усредненного разума. Хотя законы, принятые обществом, и то только избранным обществом, чем-то похожи на усредненный разум. Сейчас модно смотреть по телевизору, как народные депутаты пытаются создать что-то новое, правильное, умное. Картинка эта, я вам скажу, лучше всяких сериалов. Сколько эмоций, сколько страсти, сколько негодования, А как закручены сюжеты!

Не знаю, подметили ли вы такую странность. Когда наши государственные мужи и дамы выступают поодиночке, неважно где – на митингах, на телевидении или в печати, честное слово, их расцеловать хочется – умницы! Ну, каждый из них говорит здравые и правильные мысли, произносит правильные слова. Один говорит, что нужно немедленно прекратить боевые действия в Чечне и сесть за стол переговоров – и он прав, нельзя воевать с собственным народом. Другой кричит, что нужно разоружить это бандитское вооружённое гнездо – и он тоже прав. Ну а что происходит, когда все эти вещатели собираются вместе, а? Такое ощущение, что это стадо баранов или ты попадаешь в какой-то гадюшник, где каждый вьётся среди других и пытается его ужалить, и как можно больнее. А вы, Маша, говорите про общественный разум!

Маша ничего не возразила Семёну Михайловичу, она лишь сказала:

– Я ничего не понимаю в политике. Но война, любая война – это страшно. И в ней, по моему, только одна правда: ссорятся всегда правители, воюют генералы, умирают и проливают кровь солдаты, а плачут и страдают матери. Вот и вся правда.

Виктор с интересом взглянул на Машу и с уважительной ноткой сказал:

– Вы, Маша, интересно мыслите. Да и Семён Михайлович не подкачал. – Он засмеялся. – Наверное, и правда, что небольшая доза хорошего вина стимулирует умственную деятельность. По-моему, это подметил ещё Бальзак. Тогда не грех ещё по одной.

Семён Михайлович куда-то вышел, может быть, в туалет или искать свою ветреную, непутевую дочь, которая несколько раз заглядывала в купе и говорила «папушке», чтобы он за неё не волновался. Маша не отказалась от предложения Виктора, но пригубила лишь самую малость. А Виктор продолжал свою мысль:

– И всё-таки мне кажется, что все эти общественные передряги, революции, катаклизмы, войны даны человечеству для самоочищения и возрождения, ну прежде всего духовного, может быть, и социального. Как замечено каким-то умным историком – не помню его фамилии, всё это происходит с завидным постоянством и цикличностью, в каждом поколении. Почему? Да потому, что слова о том, что каждый из нас должен учиться на ошибках других – не больше чем демагогия. Да, мы, конечно, потребляем знания предшествующих поколений. Но не их ошибки. В них-то вся прелесть человеческого существования. Вот скажите, Маша, не покажется ли вам ваша жизнь пресной и неинтересной, если вы будете заучивать чужие ошибки и стараться их избежать? Каждому человеку невольно закрадывается мысль: а стоит ли посвящать свою жизнь для изучения этих ошибок, а не испытать ли их самому? Ведь кто-то из великих не зря заметил, что вся жизнь человека состоит из сплошных поисков истины и радостей, из ошибок, заканчивающейся единственной, роковой для него ошибкой бытия – смертью, которую все бы хотели избежать и которую избежать ещё никому не удалось.

– А вы философ, – остановила его Маша. – Если бы от этой философии не только мышление, но мир менялся бы. А так...

– Хотите чаю? – предложил Виктор. – Я сейчас принесу. Вы знаете, я часто езжу, всегда беру с собой продукты, чай тоже сам завариваю. Но все-таки вкус железнодорожного чая какой то особенный. Не замечали?

– Это точно, – рассмеялась Маша, – в нем всегда мало заварки и сахара и много воды.

Пока Виктор ходил за чаем, вернулся Семён Михайлович. Он был подозрительно весел, добродушен и краснолиц. Он прумкал губами какую-то веселую мелодию, а когда сел, тут же заявил:

– Все-таки молодость действует на стариков омолаживающе. Ленуся устроилась с молодыми людьми в другом купе, поют, шутят, веселятся. Вот и с ними немного посидел, вспомнил, так сказать, свою юность. Тогда я, конечно, был помоложе, постройнее, пошевелюристей. – Он погладил лысину и рассмеялся. – А где Виктор?

В это время открылась дверь, и в проеме появился Виктор с двумя стаканами чая с подстаканниками.

– Чай – это прекрасно, это поистине русский напиток, хоть и завезённый из Индии, – воскликнул Семен Михайлович. – Сейчас самое время чая. Но зачем же вы ходили, ведь у меня есть свой, домашний.

Маша засмеялась:

– Виктор говорит, что на железной дороге чай особенный.

– Может быть, но я всё-таки всегда предпочитаю свой. Ну и как, ваш спор ещё не закончен? – спросил Семен Михайлович и с удовольствием прихлебнул из маленького голубого бокала.

– Да нет ещё, – ответил Виктор, – наш философский разговор в самом разгаре. Мы тут говорили о роли ошибок в жизни человека. Кто-то учится на чужих, кто – то их совершает сам. Я считаю, что собственные ошибки придают нашему бытию остроту переживаний и ощущений, разнообразят и скрашивают жизнь. К чему я всё это говорю? А к тому, что в самом человеке заложены свойства созидания и разрушения. Человек не может не разрушать, ему необходимы войны, чтобы потом все воссоздавать, он готов сознательно испоганить свою душу, чтобы потом каяться и искупать свой грех, ему нравится падать, а потом подниматься и вышатаяться перед самим собой и другими людьми.

– Ну уж это вы загнули, молодой человек, – проворчал Семён Михайлович.

– И ничего не загнул. Вспомните историю. Сколько великих цивилизаций исчезло на земле! Перечислять не буду, вы их сами знаете. А ради чего? Если человек хочет мира, благополучия и процветания, зачем ему нужны войны? Ну, хорошо. Давайте себе представим, что человечество хотя бы в течение одного столетия не воевало, не разрушало, а только строило и созидало. На первый взгляд кажется, что тогда все жили бы в золотом веке! Материально – может быть. А кем бы стал сам человек? Никчемностью, слабаком, выродком, муравьем, стаскивающим в свою кучу добро, пресытившимся поглотителем всего готового, существом без эмоций, без жадности, без лени, без зависти. Войны для человека – это, если хотите, инстинкт самосохранения.

– Странная у вас перспектива получается, – зябко дернул плечами Семён Михайлович, – безрадостная. Выходит, человек так и будет воевать. Вам не кажется, что вы сгустили краски?

– Нисколько, – усмехнулся Виктор. – Человек, не познавший горечи в жизни, никогда не становится счастливым. А если нет ни горечи, ни бед, ни счастья, то и жизни как бы нет.

Вмешалась Маша:

– А вы не думаете, Виктор, что без жадности, без лени, без зависти человек может прожить? Во всяком случае, это идеал, к которому надо стремиться.

– Стремиться надо, – засмеялся Виктор. – Но не верю я в это, как и в непорочное зачатие. Без одного не бывает другого. Ну, давайте порассуждаем. Человек без недостатков так и остался бы первобытным дикарем. Без жадности он не стремился бы стать богаче, без зависти – обойти соперника по уму, по силе, по знаниям, а без лени просто не было бы прогресса. Именно лень заставляет его изобретать что-то для облегчения своего существования, ну, например: сначала колесо, чтобы легче тащить груз, затем приручает лошадь, чтобы она таскала за него тяжести, потом изобретает автомобиль, чтобы не заботиться о лошади.

Маша погрозила пальчиком:

– Ой-ёй-ёй, Виктор, тут вы лукавите, ленивый и думать об этом бы не стал, да и жадность с завистью без ума ничего не значат.

– Может, и так, да только плодами умных потом начинают пользоваться все, – засмеялся Виктор и тоже погрозил пальчиком. – Вы, Маша, тоже не так просты. Ну, всё, хватит разговоров, пора, как говорится, готовится ко сну.

– Если не секрет, кем вы работаете, Виктор? – спросил Семён Михайлович.

– Да какой тут секрет, обыкновенным снабженцем. По командировкам вот мотаюсь, есть-то хочется.

– А по какому, извините, профилю? – досаждал Семён Михайлович.

– Ну, диапазон у нашей фирмы настолько богатый, что всего не перечислишь, – уклонился от прямого ответа Виктор. Он встал, откинул верхнюю полку, всем своим видом показывая, что разговор на этом закончен. Но Семён Михайлович никак не мог уговориться:

– А как вы думаете, чем закончится эта чеченская кампания?

– Ну, ясно чем – миром. Другое дело, сколько она продлится. Вряд ли этот конфликт закончится скоро. Ведь известно, что оба противника молят Бога о победе, а помогает он лишь одному...

Мужчины стали укладываться, а Маша перед сном вышла в тамбур подышать свежим воздухом. За окном двери призраками мелькали лишь редкие островки леса на фоне заснеженных полей да бежали рядом с составом отсветы вагонных огней. Лязг сцепок, желтый тамбурный свет, поддувающий из щелей морозный ветер – все это навевало на неё мрачные мысли. То ей казалось, что зря она сорвалась с места, что все ещё образуется само собой, что Сашка ещё напишет письмо, в котором расскажет, как он сидел несколько суток «на губе», то вдруг ей мнилось, что её сына бьют кнутом, а он беспомощно извивается, привязанный к железным трубам, и ничего не говорит, а лишь мычит и стонет, и тогда душа её, исхлестанная и истерзанная этим же кнутом, рвалась ему на помощь. «Господи, – думала Маша, – так и с ума можно сойти! Ну к чему эти выдумки и фантазии! Я обязательно его найду, вот приеду, порасспрошу, что и как, и обязательно найду, где бы он ни был, даже на краю света, даже в преисподней. И меня ничто и никто не остановит на этом пути! Никто и ничто!»

Так подбодрив себя, Маша пошла спать.

6

Когда утром она проснулась, то в первую очередь осмотрелась и заметила, что Семёна Михайловича в купе уже не было – видно, он с дочерью сошёл с поезда, когда она спала. Виктора тоже не было, но его вещи лежали на месте. Маша быстро встала, убрала постель, глядясь в зеркало на стенке купе, причесала волосы и уставилась в окно.

Через несколько часов, по прикидкам Маши, поезд должен был быть в Моздоке. Дорога шла уже по предгорьям Кавказа, позади остались Сальские и Прикумские степи, а впереди открывались заснеженные вершины гор, которые словно специально выставляли для приезжающих свои зимние красоты. Маша подумала, что, возможно, здесь несколько недель назад проезжал и её Сашка, любовался горной грядой, теснинами и возвышенностями, заросшими лесами и густым кустарником; мелкими прожилками ручьев и речушек, играющими солнечными бликами. Иногда поезд въезжал в густое молоко тумана, и тогда стук колес становился глуше, вязче и сливался со стуком её сердца: тук-тук, тук-тук.

Маша как-то отдыхала здесь по путевке, в Пятигорске, вместе с Сашкой, которому тогда было всего четыре года. И вот, по иронии судьбы, он опять где-то здесь, но не для того, чтобы любоваться красотами гор и благодатных долин с многочисленными селениями, прилепившимися к склонам, глубокими ущельями, а воевать. Тогда, в бархатный сезон, они часто бродили по сказочно прекрасным горам, любовались бурлящими речками и ручьями, стекающими с тающих горных ледников, пили прозрачную, чистую студеною воду из минеральных источ-

ников и целыми днями валялись на траве и загорали под ласковым осенним солнцем. Народ здесь был доброжелательным, гостеприимным и радушным. И сейчас Маша просто не верила, что среди этих божественных красот и величия может идти война.

Дверь купе немного отодвинулась, в щель заглянул Виктор. Увидев, что она уже встала, он распахнул дверь во всю ширину и улыбнулся ей:

– Я думал, что вы ещё спите. С добрым утром, Маша. Скоро подъезжаем? – полувопросительно спросил он. – Как спалось?

Он сбросил с плеча махровое полотенце, уложил его в чемодан вместе с мыльницей и бритвенным прибором. Маша ответила:

– Спасибо, спалось хорошо. Скажите, Виктор, там очередь в туалет большая?

– Я полчаса стоял, да и сейчас там очередь.

– А кипятик там не готов? Чаю бы попить.

– Зачем чаю, у меня кофе есть. Сейчас организуем. – Он набросил поверх рубашки спортивную куртку, взял термос и вышел. Через минуту вернулся с парящим кипятиком и радостно сказал:

– Живём! Литра нам хватит?

Маша вспомнила вдруг фильм «Судьба человека», в котором на вопрос немецкого офицера «А хватит ли тебе одного кубометра земли для могилы?», она ответила словами пленного солдата Соколова:

– Вполне, и даже останется.

Попили кофе, перекусили. Виктор потянулся к пиджаку, вытащил из нагрудного кармана чёрную, глянцевою визитную карточку и протянул её Маше:

– Возьмите, возможно, пригодится. Знаете, в жизни всякое случается... Здесь у меня адреса и телефоны. Вдруг понадобится какая-то помощь, звоните.

Маша взяла визитку, женским чутьём понимая, что со стороны Виктора это не дорожный флирт с малознакомой женщиной, а просто добрый жест.

– Спасибо, Виктор, возможно, воспользуюсь. Правда, у меня визитки нет, да и адреса постоянного пока нет, так что...

– Всё хорошо, я понимаю. – Виктор взглянул в окно. – Так, скоро будем уже в Прохладной.

Они уже переоделись и сидели, что называется, на чемоданах, когда поезд вдруг замедлил ход, а затем и вовсе встал. Стояли минут десять. Виктор занервничал и стал то и дело поглядывать на часы.

– Вот, чёрт, – выругался он. – Ещё не хватало опоздать, ведь меня должна ждать машина.

Вот Маша увидела в окно военных. Они ходили вдоль поезда с автоматами в руках, потом наверху, по дороге, тихим ходом прошла БМП. И на неё будто дохнуло ветром войны, ведь она впервые вот так близко увидела и вооруженных солдат, и военную технику. Вот в их вагоне застучали сапоги и захлопали двери. Маша осторожно отодвинула дверь купе и высунула голову, чтобы посмотреть, что там происходит. Справа стояла группа военных, один из них был офицер, о чем она догадалась по звездочкам на форменной куртке. Машину голову заметил низенький солдатик в камуфляже. Он стоял с автоматом наперевес, положив на него свои руки. Вот он неожиданно улыбнулся ей. Маша захлопнула дверь и почему-то шепотом сказала попутчику:

– Они там документы проверяют. Интересно, а обыскивать они будут?

– А у вас есть что-то незаконное? – с улыбкой спросил Виктор.

– Да нет, что вы, – отмахнулась Маша, – просто я думаю, что эта процедура не из приятных. Ведь они что-то ищут.

– Всё может быть, – вдруг грубовато ответил Виктор и отвернулся к окну.

Скоро постучали и к ним. Распахнув дверь, офицер представился:

– Командир взвода спецподразделения старший лейтенант Куганов. Извините – служба. Прошу предъявить документы.

Маша протянула проверяющему приготовленный паспорт. Он пролистал его, быстрым взглядом сверил фотокопию с оригиналом, спросил:

– Куда следуете, гражданка Святкина?

– К родственникам, – не моргнув глазом, соврала Маша. – Если хотите, я и адрес их дам.

Старлей недоверчиво покрутил головой, усмехнулся и вернул паспорт. Потом взглянул на Виктора, но Виктор вдруг сказал:

– Послушай, старший лейтенант, давай выйдем на минутку.

Старлей серьезно взглянул на него и ответил:

– Ну что ж, я не против.

Через открытую дверь Маша видела, как Виктор что-то шепнул проверяющему на ухо и показал какой-то документ. Старлей его бегло просмотрел, кивнул Виктору головой и пошел дальше. Виктор вернулся в купе радостный, даже возбуждённый, и, потирая руки, сказал:

– Скоро должны поехать. Это обыкновенная проверка. Сами понимаете, сейчас в поездах разные люди ездят: и наркоторговцы, и воры, и бандиты. Развелось их...

Словно в подтверждение его слов, внутри вагона что-то хлопнуло, словно по соседству кто-то мухобойкой прихлопнул муху. А через несколько секунд раздались невнятные крики и короткая автоматная очередь. Маша с Виктором приникли к окну. Снаружи поднялась суета, забегали солдаты, бээмпэшка взревела двигателем, выпуская из выхлопной трубы клубы черной гари, и, развернувшись, помчалась к голове поезда. Из-под вагона, в котором ехала Маша, метнулась чья-то фигура в зелёной куртке и пистолетом в руке, которая что-то истошно кричала на незнакомом ей языке. Пригибаясь, мужчина побежал к лесочку в низине, растопырив руки и виляя задом. Вот у его ног закипел снег, и сразу же вслед за этим до Маши донесся звук, словно кто-то наступил на сухие орехи, и они защёлкали под ногами.

Беглец захромал, потом, уцепившись рукой за правую ногу, упал и закричал что-то грязное и ругательное. Он крутил головой, будто ища чьей-то помощи, а потом, вращая бешеными, безумными глазами, искривил рот, закричал «Аллах акбар» и выстрелил из пистолета себе в рот.

Маша понимала, что находится у окна опасно, что первая же случайная пуля могла угодить и в неё, но она наблюдала за этой трагической развязкой словно замороженная. Она воспринимала своё купе местом в кинозале, окно – экраном, а все происходящее за ним – кинобоевиком. И лишь когда она увидела развороченный затылок мертвого кавказца и покрасневший от крови снег, словно на него кинули горсть рябины, Маша отпрянула от окна и задрожала – такой трагический миг от жизни к смерти она наблюдала впервые. Виктор не замечал её переживаний, он спокойно наблюдал за всем происходящим. Маша ещё подумала: «Вот настоящий мужик, ничего не боится». Виктор наконец подал голос:

– Всё-таки ушёл, гад. А вон ещё такие же.

Маша боязливо выглянула в окно и увидела, как солдаты волокут двоих мужчин к БМП, а следом за ними несут большие узлы и чемоданы.

– За что их? – спросила Маша.

Виктор в упор взглянул на неё и жестко сказал:

– Между прочим, такой штучкой, которая у него была, убивают людей. Извините, Маша, просто мне ваш вопрос показался глупым и неуместным. Вы посмотрите, как процветает сейчас преступность: и рекет, и убийства, и фальшивые авизо, и захваты заложников. И в основном этим занимаются кавказцы, и чеченцы в том числе. Республика не работает, только веселится, пляшет да поёт. А на войну нужны деньги, и деньги большие. А где их взять? Вот и превратили Чечню в рассадник преступности.

Маша молчала до самой Прохладной, удручённая недавно происшествием. Это была большая узловая станция. Уже на окраинах города во всём чувствовалось приближение большой беды и тревоги. Все подъездные дороги были забиты солдатами и военной техникой: танками, бронемашинами, грузовиками, тягачами с пушками. Они, как муравьи, текли в одну сторону, туда, в Чечню, на Восток. А в обратную сторону, из города змеились ленты троп и дорог, по которым подальше от войны уходили беженцы. Они шли пешком, ехали на повозках, запряженных лошадьми, мулами, ослами, даже верблюдами, на личных машинах с горбами на крыше, на грузовиках и тракторах с прицепами. Многие толкали перед собой тележки, груженные скарбом и малолетними детьми. Кто-то гнал скотину.

Виктор печально глядел на этот исход, а потом сказал:

– Заметила, Маша, здесь одни русские беженцы, чеченцев совсем мало.

– Заметила. А почему?

– Потому что все русские бегут на Ставрополье, в Осетию, а чеченцы – к братьям по вере: в Дагестан, в Ингушетию. Видать, побаиваются русских.

– Все же мы люди: хоть русские, хоть татары, хоть чеченцы. Не боится только камень, – отозвалась Маша.

7

В Моздоке столпотворение было ещё больше, чем в Прохладном. Кроме военных, которые оккупировали все подъездные и запасные пути, улицы и окраины, на вокзале роился человеческий рой: кричащий, требующий, суетливый, нервный, растерянный, плачущий. В этой толкотней толпе и распрощались Маша с Виктором. Виктора встречал какой-то военный. Спутник пожал Маше руку:

– Ну, всего вам доброго, Маша. Хорошая вы женщина, берегите себя. – А потом ещё раз напомнил: – Если что, найдите меня, координаты знаете. Недели две-три я буду находиться здесь. Ну, ещё раз всего доброго.

– Спасибо, Виктор, – Маша почувствовала, как её голос предательски дрогнул. Она никак не ожидала, что эта короткая поездка и мимолетное знакомство так привяжет её к этому человеку. – Спасибо за все. До свидания.

– Да, – Виктор остановился. – Может, вас подвезти куда.

– Нет, спасибо, я доберусь сама, – ответила она, хотя и сама ещё не знала, куда и на чём добираться.

Виктор отвернулся и поднял в прощальном приветствии руку. Она проводила его взглядом, почему-то уже жалея, что не расспросила его обо всем, ведь она совершенно не знала, куда, как и на чем добираться. Да она, откровенно, ещё и не решила, что же предпринять дальше. Первое, что напрашивалось само собой, это устроиться в какую-нибудь гостиницу или снять недорогое жильё. Но Маша не знала, с чего начать даже эти поиски. Поэтому она долго стояла на перроне, на холодном ветру и растерянно оглядывалась по сторонам.

После того как очередной, битком набитый поезд отчалил от станции, перрон почти опустел. Видно, нечасто здесь ходили поезда. Да и куда им ходить, если дорога через Грозный была перерезана кровью, смертью, ужасами и страданиями, своей и чужой болью, кем-то искусственно взрощенной ненавистью.

Среди торговки дорожной снедью, нескольких групп военных и заскучивших носильщиков, подрабатывающих на вокзале, Маша увидела у решетки сквера озирающуюся по сторонам женщину. По первому же взгляду Маша поняла, что она не местная. Одета в теплое, но старое драповое пальто, в валенки с калошами, укутанная серым полушалком, она скорее напоминала колхозницу из средней полосы России. У ног её лежали два больших узла, связанных широкими ремнями и перевязанных друг с другом.

Получилось так, что они одновременно взглянули друг на друга и долго смотрели глаза в глаза, словно искали взаимной поддержки. Но ни одна из них не решалась сделать шаг

навстречу. Так часто в жизни бывает, когда среди огромной людской толпы только двое сталкиваются взглядами и тут же ощущают родство своих душ, и их словно пронзает одной стрелой и связывает навсегда.

То же самое почувствовала и Маша, когда все же решилась подойти к этой совершенно незнакомой женщине. Пока она подхватывала своё добро и шла, женщина, не отрываясь, смотрела на неё своими серыми немигающими глазами, положив руки в варежках на грудь и неловко перетаптываясь на одном месте. Маша подошла, поставила свои вещи рядом с её узлами и несмело спросила:

– Здравствуйте. Вы, наверно, тоже здесь впервые?

Женщина улыбнулась, двумя руками ослабила шаль под подбородком и певуче протянула:

– Что, так броско? Доброго и вам здоровья. Так и вы нездешняя. То-то я смотрю, что вы тоже в топтанку играетесь, не знаете какой ножкой куда ступить. – Она взмахнула руками. – Вот, приехала, сама не знаю куда. Лихой меня дернул сюда приехать, батюшки мои светы. Стою вот и не знаю чего делать, ровно калмынка от стада своо отбилась. А вы чего же ищите, али ждете кого?

– Да вот нужда привела, она, как известно, ведренной погоды не ждет. За сыном приехала, воюет он тут где-то, – ответила Маша.

– О-ё-ёй, батюшки светы, так и я за своим Гришанькой сюда всполохнулась. Написали мне его друзья, ну друзья, значит, – для чего-то решила пояснить женщина, – что в ноги его поранили. Лежит он таперь, сердешный, в госпитале. А где энтот госпиталь искать, я и знать не знаю. Тут вон сколько всяких войск накучено, что сразу-то и не разберешься.

– Видно, судьба нам вместе быть. – Улыбнулась Маша. – Звать-то вас как?

– Да Евдокией Семеновной в деревне кличут, я там в сельсовете работаю. Ну, это по старому – в сельсовете, а сейчас в администрации. Тьфу ты, навдумывали разных слов, язык сломать можно! Я там по бухгалтерской части. Да, а вас-то как кличут? Маша? Машенька, значит. У меня племянница есть, её тоже Марусей зовут. Ну, а вы меня тогдась просто Дусей зовите. Ой, глядите-ка, глядите-ка, вертолеты куда-то полетели! – закричала Дуся, запрокинув голову и приставив козырьком ладони к глазам. Женщины долго провожали глазами две толстобрюхие «вертушки», пока они не скрылись за горбом возвышенности. Дуся смущенно покачала головой.

– У нас таких стрекоз сроду не бывало, до райцентра-то и то иной раз пешком добиремся. Говорили, что как-то раз прилетала такая же за нашим директором. Тогда его аппендицит прижал. Да я не видала. – Дуся вдруг засмеялась, низко наклонясь и похлопывая рукой по груди, – Ой, вы уж извините меня, наскрозь я вас заговорила. Для меня это дивно все. Вы, видать, городская, Маша, так что ведите куда-нибудь, вам в городах-то сподручней. – Но Дуся, видно, тут же забыла, что говорила до этого. – А я из своей деревни за все время только два раза выезжала. Один раз свекровь хоронила, Анастасию Григорьевну. Рак её съел. – Дуся мелко перекрестилась. – Спаси, Господи, её душеньку. Редкой красоты женщина была. – Маша почему-то сразу поняла, что Дуся говорит не о внешности своей свекрови, а о её душевной чистоте. – Второй раз экзамены в техникуме сдавала на бухгалтера. Сами-то курсы прямо у нас в Никольском тогда были, к нам даже преподаватели ездили. А экзамены-то мы в райцентре сдавали. Ой, сейчас, выходит, третий. Ой, Гришка, Гришка, – запричитала вдруг Дуся. – И как это его угораздило-то! Небось, все вперед лез. Он у меня такой – передистый. Бывало, как ни попрошу своих ребятишек за водой сбегать, он, Гришанька-то, тут как тут, ведра хватить – и побежал.

– И много их у вас? – спросила Маша.

Дуся засмеялась.

– Семеро, милая, семеро. Настрогали вот в потёмках-то. Жили мы с моими родителями, дай им Бог здоровья, избёнка малюсенькая, тесно. Зимой кое-как размещались: кто на печке, кто на сундуке, кто прямо на полу. А летом мы с Колей – это мужик мой – на сеновал уходили, чего ж – молодые, озоровать хотелось. Уж как ни ухайдакаешься за день – а в деревне, известное дело, день начинается с петухом, а кончается с чертом, – а обязательно поиграемся. – Дуся залиvisto засмеялась. – Вот и наиграли семерых. Гриша у меня четвёртый, первые-то все девки, за ним ещё две девки родились, а последний – парень, шестой класс будет заканчивать. Да вот беда – никак не хочет учиться, бедища страшный. Приучил его отец к технике, так он от неё теперь ни на шаг, всю учебу забросил. Ой, опять заболталась! Пойдём, что ли...

На вокзале им подсказали адреса госпиталей, военной комендатуры и нескольких гостиниц. Но уже в первой же они поняли, что шансов здесь устроиться не было. Гостиница была забита беженцами, военными, прикомандированными, кавказцами, бизнесменами. Во второй было то же самое. Маша посетовала:

– Надо было хоть вещи в камере хранения оставить.

– Ага, щас! – возразила Дуся, обливаясь потом от своих тяжеленных узлов. – Сопрёт какой-нибудь умысливый прохиндей! А вдруг сегодня я своего сынка найду, и нате вам, здравствуйте, явилась родная мамаша к сыночку без гостинцев! Нет уж, своё не тяжелит.

После неудачных попыток устроиться с жильем женщины решили ехать в госпиталь. Дуся почему-то была уверена, что именно там она найдет своёго Гришаньку.

– А где же ему быть-то, – уверяла она. – На край света не повезут. А тут рядом, спокойно, не пуляют. Стало быть, он здесь.

Пока они бегали по гостиницам и ехали на коммерческом ПАЗике, погода заметно сменилась: небо постепенно заволочло серой пеленой, похожей на солдатскую шинель, запорхали робкие снежинки, нехотя опускаясь к земле, а потом подул верховой ветерок, закручивая вьюгу. Даже из окна автобуса бросалось в глаза, что город жил тревожной, беспокойной жизнью. Навстречу часто попадались бронетранспортеры и машины с солдатами. Некоторые из них были открытыми, и Маша видела, как на скамейках сидят солдаты с завязанными на подбородке шапками и в касках, держа между колен своё оружие и жадно следя за всем происходящим в городе. Некоторых каски висели над головой, на высоких бортах, и они мотались из стороны в сторону, издавая унылый, котелковый звон.

Замершие фигуры солдат и устремленные словно в одну точку взгляды, обращенные, наверное, туда, куда их везла беспощадная машина войны, заставили сжаться Машино сердце, словно она сама сидела сейчас на пронизывающем морозном ветру и сжимала раскаленный от холода автомат.

По грязным улицам, занесенным снегом, ворохами бумаги и упаковок, метались люди, словно не знали зачем и куда шли; по обледеневшим дорогам ползли грузовики, легковушки, автобусы, трактора с прицепами, то и дело перегораживая дорогу друг другу и топшась, как малые дети. Почти на каждом перекрестке стояли милицейские машины и топтались люди в синей и серой форме, пытаясь хоть как-то превратить хаотичное движение в упорядоченное и осмысленное.

Хмурый вьюжный день словно смазал все краски этого красивого кавказского города, и из окна автобуса он походил сейчас на передвижную серую картинку. От нерадостных размышлений и созерцаний Машу вывел толчок в бок. Дуся уже взваливала на плечи свои узлы и говорила:

– Хватит ворон ловить, приехали, а то придётся потом пешком топать.

Старая, обшарпанная коробка стандартного здания, где размещался госпиталь, с фасада была наводнена гражданскими людьми. Они толпились вокруг автобуса, на котором из аэропорта привезли очередную партию раненых. Сопровождение не подпускало их слишком близко, а уса́тый прапорщик стеснительно приговаривал:

– Ну, пожалста, не напирайте вы так, вы же мешаєте выгружать. Женщина, прошу вас, уйдите с прохода, ведь для них дорога каждая секунда. А если это ваш сын или родственник, и он умрёт, не дойдя до операционного стола? Ну, прошу вас, не напирайте.

Но его, кажется, никто не слушал и не обращал внимания на его нелепое «не дойдя» – как мог дойти до чего-то лежащий без сознания, бредящий или кричащий от боли человек. В бескровных лицах людей считывалась лишь одна тревожная мысль: «Господи, лишь бы только не мой, пусть кто угодно, только не мой.»

Вот вытащили ещё двое носилок с тяжелоранеными. Один из них, стриженный, с едва пробивающимся серым пушком на лице, постоянно поднимал голову, бессмысленно поводил пустыми серыми глазами из стороны в сторону и тоненьким голоском звал:

– Ма-а-а-ма. Ма-а-а-ма. Пойдѐ-ѐ-ѐ-ѐм гуля-я-ять, ма-а-а-ма. Те-е-е-мно. Откро-о-ой мне-е-е гла-а-а-зки. Ма-а-а-ма!

Вторые носилки были накрыты пропитанным кровью одеялом, из-под которого свешивались концы клеёнки, и под которым шевелилось что-то живое и мычащее. Последними с помощью санитаров из автобуса вывели ходячих раненых с перевязанными руками, ногами и головами. Эти останавливались и смотрели в толпу, стараясь найти в ней знакомые лица. Женщины не скрывали слез, а одна из них не выдержала и сквозь всхлипы закричала:

– Боже, да что же это творится на этой земле! Сынков наших калечат-убивают, и никакой преграды этому нет! Да кто же выдумал войны-то эти проклятые, господи! Да почему же людям не живётся-то в мире!

Пожилой мужчина, седобородый, в дубленке и барашковой папахе, бросил в снег недокуренную сигарету и с акцентом в сердцах сказал:

– Аллаха люди забыли, а всякие генералы считают себя Аллахами на земле. Им бы Коран читать, а они всю жизнь газету «Правда» читали. – Он сплюнул, круто развернулся и, сунув руки в опущенные кармане, пошел к своей машине. После его слов все словно встрепенулись, зашмыгали носами, заплакали, загомонили, словно потревоженная стая грачей, закричали:

– Где новые списки! Списки давай!

– Почему нас с утра держат на морозе?

– Я к сыну хочу! Отдайте мне моего сына!

– Развели тут секретную часть, ничего добиться невозможно!

– Бардак, он и в армии бардак, как по всей Расее!

Медсестра, принимающая последнего раненого, в дверях вдруг обернулась и вспыхнула:

– Да что же вы делаете, женщины! Вы же мешаєте нам работать. Вот вы сейчас кричите, плачете, травите себя, а наши мальчишки нуждаются в покое и уходе. Криком вы им все равно не поможете. Ведь нам за операционными столами надо стоять, а у нас после ваших криков руки дрожат. Неужели вы этого не понимаете? – Женщины притихли. – Не мы же эту проклятую войну выдумали! Если хотите чем-то помочь, лучше бы принесли еды домашней, теплые одеяла, медикаменты, а у кого есть желание и возможность, пусть кровь свою сдадут. Женская, она всегда чище, не то что у мужиков – пропитая да прокуренная, – закончила она под недружный смех. Кто-то несмело спросил:

– А списки-то когда вывесят, дочка?

Медсестра вздохнула:

– Подождите ещё немножко, ну, с полчаса, может быть, с час. Ладно?

Многие разошлись, кто куда: кто-то пошел сдавать кровь, кто-то домой, кто-то по другим делам, кто-то за едой, которой так не хватало раненым, кто-то за теплыми вещами. Оказалось, что большинство людей были жителями Моздока и окрестных станиц Ставрополя и Кубани.

8

Скоро Маша с Дусей остались вдвоём.

– А мы что же делать будем? – спросила Дуся, постукивая валенками. – Нам с тобой и приткнуться-то некуда.

– Я что-то проголодалась, – пожаловалась Маша, – да и замерзла, как собака. У тебя хоть валенки, а я оделась, как на бал-маскарад. Надо поискать, может, тут где-нибудь столовая есть.

– Да поесть-то у меня найдется, – кивнула на узлы Дуся, – только на таком холоде кусок в горло не полезет.

Решили пойти по улице вниз и скоро наткнулись на небольшое кафе. Но, как на грех, здесь оказался обеденный перерыв. Однако дверь была не заперта. Они осторожно вошли внутрь. Помещение, как и прилавок, были пусты. Где-то там, на кухне, перекрикивались женские голоса, стуча посудой. Но самое главное – здесь было тепло. Женщины выбрали столик подальше от входа и поближе к горячей батарее, у окна, положили на неё варежки, чтобы они просохли. Дуся потеряла руки:

– Вот сейчас и пообедаем.

– Какой обед, скоро уж полдничать пора, – откликнулась Маша.

Дуся развязала один узел и сыпала на стол с десятков свертков и пакетов. Развернула тряпочку, в которой оказался столовый нож, нарезала сала, ветчины, колбасы, отделила четыре яйца. Все это подвинула Маше:

– Ешь. Тут все своё, деревенское. С магазина ничего не берем, потому что не на что, денег уже два года как не нюхали, уж забыли как они и пахнут.

Маша молча вытащила из чемодана банку кофе, сахар и встала.

– Я сейчас. – Она подошла к прилавку, постучала серебряным кольцом по алюминиевой полке. На кухне сначала затихли, потом между дверью и косяком появилась черноволосая, черноглазая голова, которая возмущенно сказала:

– Женщина, вы читать умеёте? У нас перерыв, да и не готово ещё ничего.

Маша как можно приветливее улыбнулась и проворковала:

– Здравствуйте, девушка. Да знаем, но мы совсем продрогли, не найдётся у вас, милая, кипятка.

Голова появилась вместе с туловищем и превратилась в прелестную, молодую осетиночку. Она вытерла свои мокрые покрасневшие руки об передник и долго и напряженно смотрела на Машу, потом спросила:

– Вы приезжие?

Маша снова улыбнулась и кивнула головой.

– Тогда подождите немножко, я смогу вам и чай приготовить. У нас хороший чай, с горными травами, очень вкусный и очень полезный.

Маша не стала спорить:

– Очень хорошо, это то, что нам надо.

Через несколько минут девушка вынесла на подносе четыре пиалы с чаем, от которых поднимался парок. Маша поблагодарила, протянула ей деньги, но осетиночка только улыбнулась:

– Нет, нет, не надо, это свой чай, пейте на здоровье. – И убежала.

Маша подошла к столу, поставила поднос и вздохнула:

– У тебя всё своё, у неё – тоже своё, прямо коммунизм какой-то, только у меня ничего своего нет.

Дуся ответила:

– Не страдай, подружка, Россия всегда при коммунах жила, только этого раньше не замечали. На Руси даже нищие от голода не умирали, если он не напивался и не замерзал. Мне дед ещё рассказывал, как они артелями на заработки ходили. Дома в деревнях тоже всем селом строили. Сегодня ты мне, завтра я тебе помогу – так вот и жили.

Они поели с запасом, предугадывая, что в следующий раз подкрепиться придётся неизвестно где и когда. По просьбе Маши осетиночка принесла им ещё кипятку, и женщины выпили по чашке кофе, от которого Дуся морщилась:

– Не люблю я это заграничное пойло, горчит. То ли дело чаек или смородиновая настоечка. А у нас в деревне другого и не пьют, только чаек, настоечку или самогонку. Она хоть и страсть вонючая, но зато чистая, на пшеничке.

Когда они снова пришли к госпиталю, списки уже висели, и около них толпился народ. Среди них Маша узнавала и тех, что были здесь час назад. Но прибыло и много новеньких. Несколько человек стояло около самых щитов, загораживая обзор остальным. Видно, на них когда-то вывешивали медицинские бюллетени. Теперь вместо них белыми портянками свешивались длинные списки погибших, умерших и раненых. Вот одна женщина отошла от щита, мелко крестясь и повторяя:

– Слава Богу, моего здесь нет. Слава Богу...

Остальные вытягивали шеи, чтобы рассмотреть печатные строчки. Маша поставила свой чемодан на землю, спросила Дусю:

– Фамилия-то твоя как? – И, услышав «Каравашникова», стала потихоньку протискиваться вперед. На первом же листке, который попался ей на глаза, она увидела заголовок «умершие от ранений на 18 января 1995 года». У Маши забухало сердце. Боже, ведь в этом списке может быть и её Сашка, её единственный сынок, её единственная кровиночка. Она боялась опустить взгляд ниже, чтобы не наткнуться на свою фамилию, она боялась того мгновения, когда в её жизни могло разрушиться все: смысл всей её жизни, все тревоги, страдания и радости, которые она претерпевала ради единственного родного ей существа. Маша почувствовала, как по её телу разлился жар и потекли противные струйки пота.

Такое с ней было лишь однажды, когда, отдыхая в Пятигорске, она в одиночку забралась на Машук и встала у самой пропасти, желая посмотреть вниз. Маша оперлась ногой на большой камень, который, как ей показалось, вдруг шевельнулся под весом её тела. Тогда её так же обдало жаром и по телу заструился холодный липкий пот, и тогда же она поняла значение выражения «стоять на краю пропасти».

Вот и сейчас она стояла как бы на краю пропасти, и словно снова почувствовала под ногой тот шатающийся камень. Наконец она успокоилась и стала просматривать список, который был составлен в алфавитном порядке: мл. с. Бачилов Ю.Ф... ряд. Буинцев С.И... ряд. Вусик Г.М... ряд. Голдобин В.В...

Она читала все подряд, хотя понимала, что в верхних строчках не может быть фамилии на её букву. Наконец она решилась: пр. Кувайцев Т.Л... Слава Богу, Дусинога здесь нет! Ряд. Суханкин Н. М.

Все, Сашки здесь тоже нет. Она оглядела всех счастливым взглядом, и вдруг почувствовала на своих губах глупую улыбку. Она улыбалась своему счастью. В этом далеком от её родины горном городе Моздоке Маша вдруг поняла значение ещё одного крылатого выражения: «как гора с плеч». Бескровными губами она прошептала «жив» и почувствовала во всем теле слабость, словно и впрямь с её плеч свалилась гора.

– Ну, чего там? – дернула её за рукав Дуся.

– Подожди, ещё не все прочитала, – отмахнулась от неё Маша.

Она просмотрела до конца весь список раненых и выбралась из толпы.

– Ну, чего? Моего там нет? – спросила Дуся.

– Наших в списках нет, – уже спокойно ответила Маша.

Но Дуся вдруг во весь голос закричала:

– Как нет! А где же тогда мой Гришанька? Зачем же тогда я пылькала в такую даль, а? Нет, вы подумайте только, девки, – его тут нет! – Дуся нервно расстегнула верхние пуговицы пальто, кофты, засунула руку между грудями и вытащила письмо. – Во, а это как же! Ведь

в нем ребята пишут, что он, Гришка мой, ранен в ноги, что его надо забрать, что часть их расположена под Моздоком. Как же это так?

Маша почувствовала, что Дуся вот-вот сорвется, и попыталась её успокоить:

– Дуся, да ты погоди, надо разобраться. Тут же не написано, что он лежит в Моздоке...

– А вот я щас и разберусь! – Дуся неожиданно подхватила свою вязанку узлов и, открыв пинком дверь госпиталя, скрылась внутри. Маша, подхватив свои пожитки, проскользнула за ней.

В большом просторном вестибюле стояли пустые каталки, вдоль стен были свалены носилки и лежали груды узлов. Справа от входа стоял стол, за которым в белом халате и в шапке сидел солдат. Увидев непрошенных гостей, он сдернул с крючка на стене автомат и закричал:

– Эй, вы куда! Мамаши, сюда запрещёно, доступ только по пропускам! Сейчас же уходите! Ну, мамаши, пожалста, уходите, а то сейчас начальник госпиталя придёт, тогда он взгреёт и вам, и мне!

– Ах, тебе пропуск! – закричала Дуся, – вот мой пропуск! – Она помахала письмом. – Когда в армию забирали, никаких пропусков не спрашивали, а ать-два – и вперёд, на защиту отечества! А теперь я что же – и собственного сына не могу навестить?! Как же, пропуск им подавай! Чихать я хотела на ваши пропуска!

Солдат стоял растерянный и бледный, он явно не знал, что предпринять и как справиться с разъяренной матерью. Он вдруг сел на стул, обхватил голову руками и застонал:

– Ну, всё, не миновать мне губы.

Дуся посмотрела на него и сбавила тон:

– Сынок, что с тобой? Да мне бы только вашего главного, поговорить с ним, разузнать. Сынок мой, Гришанька... Как же так, ведь я ехала вон какую далищу... А у меня скотина, семья, работа... Как же так. Мне бы только поговорить...

– В чём дело, сержант Сукоркин? – спросил сзади чей-то строгий голос.

Маша обернулась и увидела, как по лестнице спускается мужчина в белом халате и белом колпаке. Сержант встал, растерянно развёл руки, на одной из которых повис автомат.

– Да вот, товарищ майор, ворвались, говорят, сын тут... Я им говорил, что нельзя, но они не слушаются.

– Потому что ленишься, Сукоркин, а дверь закрывать и открывать надо только по условному сигналу, или по телефонному звонку, или когда пропуск выпишут. Понял, Сукоркин?

– Так точно, товарищ майор, – вытянулся Сукоркин.

– Вы уж не ругайте его, товарищ офицер, – заступилась за парня Дуся. – Он тут совсем не причём. Это всё я... Гришка, сын мой, у вас тут лежит...

– Ну вот что, женщины, пойдёмте-ка ко мне, а то меня уже ноги не держат, – сказал майор. – Раз уж вы проникли на секретный военный объект, – насмешливо добавил он и, резко развернувшись так, что полы длинного белого халата раскрылись веёром, обнажая камуфляжную форму, стал подниматься по лестнице на второй этаж. Женщины устремились за ним, как нитка за иголкой.

Наверху, в большом фойе с колоннами, стояли несколько рядов коек с ранеными, возле которых высились ряды стоек для закрепления систем и облезлых тумбочек. По рядам сновали санитары, которые подносили воду, делали уколы и перевязки, сливали в ведро из уток, кого-то просто успокаивали.

Рядом с дверью в кабинет майора лежал белобрысый коротко стриженный паренек с исхудавшим лицом и необыкновенно большими голубыми девчачьими глазами. Он полулежал на подушке, а рядом с ним сидела женщина, по-видимому, мать, нежно гладила его по руке и тихо говорила:

– Коль, а Коль, ты, сыночек, свою присягу выполнил, раненый вот. Поедем, родной, домой. Отец там места не находит, когда узнал...

Сын виновато прятал глаза и, почему-то то и дело поглядывая на соседние койки, мямлил:

– Ну не надо, мама. Не надо, мама. Ну, неудобно, люди смотрят, тут же мои друзья, товарищи. Не могу я, мама...

Женщина вздохнула:

– Что мне до твоих товарищей, у них своя беда, у меня своя. Один ты у меня.

Мать тихонько скулила, а у сына, который смотрел на неё, тоже наворачивались слезы, и он, чтобы удержаться, кусал губы и глупо хлопал своими длинными ресницами. А мать снова тихонько говорила, словно мечтала:

– Может, тебя после ранения на побывку отпустят, а там, глядишь, и война кончится. Я к командирам пойду, добиваться буду. Дома мы тебя вмиг на ноги поставим. Не то что тут. Известно, у семи нянек дитя без глазу.

Коля виновато крутил головой, поджимая от досады губы, и отвечал нехотя:

– Может быть. Хорошо бы... Наш комбат обещал, что если кого ранят, раньше демобилизуют.

– Слушай ты их, командиров-то! – зло оборвала его мать. – Они наобещают с три короба, чтобы только заманить под ружье. Ты лишь год прослужил, а до увольнения вон сколько времени! Может, послабление какое дадут. Говорят, скоро вообще по полгода служить будут.

Проходя мимо них, Маша ещё подумала: «Интересно, а смогла бы и я вот так же говорить с Сашкой, уговаривать его ехать домой?» И не знала ответа.

9

Когда женщины вошли в кабинет, как оказалось, главного врача, Дуся тут же устроилась на стуле, вытащила письмо и, потрясая им, сквозь слезы стала доказывать:

– Вот письмо. Ребята пишут, что он должен быть в Моздоке, а мне говорят, что тут его нет! Как же так? А ведь у меня дом, семья, скотина, муж... Я в такую далищу припёрлась, а мне говорят, что Гришаньки тут нет! Как же так?

Майор одним взглядом окинул письмо, положил его на стол:

– Всё ясно. Как вас звать-то? Евдокия Семеновна? Послушайте меня, Евдокия Семеновна, во-первых, успокойтесь, пожалуйста! Мне без ваших слёз тут горя хватает! – Дуся вмиг притихла. – Сейчас во всём разберёмся. А вы тоже садитесь, – Майор указал Маше на стул. – Итак, вам написали, что часть вашего сына находится в Моздоке. Так?

– Так, – кивнула Дуся, развязывая узел своей шали, под которой оказался ещё и платок.

– А где его ранили, в каком месте? – терпеливо спрашивал майор.

Дуся растерянно развела руками:

– Тут не прописано.

– Верно, не прописано, – подытожил майор. – Значит, нужно найти его часть, прийти в штаб командования и узнать, где ваш сын участвовал в боевых действиях и где он получил ранение. Так?

Снова получив в ответ кивок, майор продолжал:

– Варианты могут быть такими: если его ранили легко, то он может находиться в каком-то полевом госпитале. Возможно, я повторяю – возможно, у него тяжёлое ранение, тогда вашего сына...

– Ох, Гри-иша-а-нька, – простонала Дуся.

– Что? – переспросил майор.

– Я говорю, сыночка так моего зовут, Гришкой. Господи, мается где-нибудь на чужой стороншке и не знает, что его мамка ищет его по всем кавказам. Вот он, рядом, а я помочь ему ничем не могу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.